

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Авраменко Михаил Андреевич

**Участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в
третейском разбирательстве**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Борисова Елена Александровна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитраже: формы и основания	16
1.1. Понятие и цели участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве: от формализма к функциональному подходу..	16
1.2. Вступление лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в третейское разбирательство: конфликт формы и содержания арбитражного соглашения	54
1.3. Привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве: основания для установления связанности арбитражным соглашением.....	71
Глава 2. Процессуальные аспекты участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве	102
2.1. Процессуальный статус лиц, не подписавших арбитражное соглашение	102
2.2. Дифференциация процессуальных моделей установления компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный коммерческий оборот характеризуется широким распространением сложных многосторонних договорных конструкций, предполагающих участие значительного числа субъектов, связанных общим экономическим интересом. Типичными примерами являются проекты в сфере строительства с участием заказчика, генерального подрядчика, субподрядчиков, поручителей, гарантов; сделки слияния и поглощения; проектное финансирование; корпоративные отношения в рамках групп компаний. В таких условиях арбитражное соглашение или оговорка, как правило, подписываются лишь некоторыми участниками этих отношений. Иные лица, имеющие материально-правовую связь со спором, формально остаются за пределами арбитражного соглашения. В связи с этим возникает практическая проблема, связанная с возможностью участия таких лиц в третейском разбирательстве, вынесения юридически обязывающих арбитражных решений в отношении таких лиц и обеспечения возможности их реального исполнения, принимая во внимание, что они не подписывали арбитражное соглашение.

В зарубежной доктрине и правоприменительной практике различных государств на протяжении последних десятилетий были разработаны материально-правовые основания, позволяющие распространять компетенцию состава арбитража на лиц, не подписывавших арбитражное соглашение. К числу таких доктрин относятся посредничество, доктрина группы компаний, доктрина *alter ego* (также именуемая «снятие» или «прокалывание корпоративной вуали»), доктрина подразумеваемого согласия, а также переход обязательства из арбитражного соглашения в порядке правопреемства. Вместе с тем, подавляющее большинство зарубежных и немногочисленных отечественных исследований сосредоточены именно на материально-правовых аспектах поставленной проблемы, а именно на анализе условий и пределов применения указанных доктрин в целях установления

связанности лиц, не подписавших арбитражное соглашение, данным соглашением. Процессуально-правовые аспекты участия таких лиц в третейском разбирательстве остаются малоисследованными, а в отечественной науке практически не разработаны.

Между тем от того, каким образом в рамках третейского разбирательства разрешаются вопросы о формах участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, и об установлении компетенции состава арбитража в отношении таких лиц, зависит как эффективность каждого отдельно взятого арбитражного разбирательства, так и функциональная пригодность арбитража для разрешения споров, осложненных множественностью лиц в правоотношении. Недостаточная процессуальная урегулированность вопроса об участии в третейском разбирательстве лиц, не подписавших арбитражное соглашение, может привести к необоснованному затягиванию третейского разбирательства, существенному увеличению издержек сторон, нарушению и несоблюдению процессуальных прав и гарантий, которыми наделяются субъекты, участвующие в третейском разбирательстве. Кроме того, неопределенность в процессуальных вопросах создает риски злоупотреблений со стороны недобросовестных участников разбирательства.

Правила ведущих арбитражных учреждений, включая Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ), Лондонский международный третейский суд (LCIA), Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC), Международная торговая палата (ICC), содержат лишь фрагментарные положения, касающиеся привлечения дополнительных сторон (истца или ответчика) или третьих лиц в третейское разбирательство. Унифицированная процедура разрешения вопроса о компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в рамках разбирательства по делу не закреплена, равно как и отсутствуют критерии дифференциации процедуры в зависимости от типа используемого материально-правового основания для такого участия. Все это

свидетельствует о пробельности в регулировании процедуры, создает правовую неопределенность и препятствует эффективной защите прав и законных интересов участников третейского разбирательства.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблематика участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве является относительно новой для отечественной науки. В дореволюционный период отдельные аспекты, связанные с возможностью выражения согласия на арбитраж в форме, отличной от письменной, затрагивались в трудах А.Ф. Волкова, Е.А. Нефедьева, И.Е. Энгельмана. В советский период вопросы арбитражного соглашения и компетенции арбитров исследовались в работах С.Н. Лебедева, В.А. Мусина, а в постсоветский период – в трудах Б.Р. Карабельникова, Е.В. Кудрявцевой, С.А. Курочкина, К.И. Налетова, Г.В. Севастьянова, О.Ю. Скворцова, Д.А. Хоцанова.

В зарубежной доктрине проблеме участия в арбитражном разбирательстве лиц, не подписавших арбитражное соглашение, посвящены работы Б. Анотьо, Г. Борна, С. Брекулакиса, Дж.Ф. Койла.

Вместе с тем, комплексного исследования, посвященного участию рассматриваемой категории лиц в арбитражном разбирательстве, в котором были бы объединены анализ понятия и признаков таких лиц, материально-правовых оснований их привлечения к участию в третейском разбирательстве, дифференциации форм и процессуальных аспектов такого участия, включая вопросы об установлении компетенции состава арбитража в отношении таких лиц, в науке гражданского процессуального права и международного частного права не предпринималось. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, являясь исследованием, в котором проведен анализ взаимосвязи между процессуальными и материальными вопросами, которые значимы для решения проблемы участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при рассмотрении и разрешении вопросов об участии лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве, в третейских судах с местом арбитража на территории Российской Федерации и международных коммерческих арбитражах с местом арбитража за пределами Российской Федерации.

Предметом исследования являются нормы российского и иностранного законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве), положения международных договоров, акты мягкого права, правила ведущих арбитражных учреждений, судебная и арбитражная практика российских и иностранных правоприменительных органов, а также научные концепции, отражающие вопросы участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании целостной теоретической концепции участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве, а также в выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего правового регулирования и правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить понятие и конститутивные признаки лица, не подписавшего арбитражное соглашение;
- 2) определить основные формы участия лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве;
- 3) выявить конфликт формы арбитражного соглашения и согласия на арбитраж, порождаемый вступлением лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в третейское разбирательство;
- 4) выявить и определить классификацию материально-правовых оснований привлечения лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве;

- 5) установить процессуальные статусы, которые может приобретать лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, при участии в третейском разбирательстве;
- 6) выявить цели и задачи, обеспечиваемые привлечением лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве;
- 7) определить дифференцированные процессуальные модели установления компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в зависимости от формы его участия в третейском разбирательстве.

Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод познания, а также общенаучные методы, включая анализ, синтез и обобщение, и частно-научные методы научного познания, а именно: формально-юридический метод, предполагающий системный анализ норм российского и зарубежного законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве); исторический метод, направленный на исследование эволюции подходов к арбитражному соглашению и к вопросу о возможности участия в третейском разбирательстве лиц, не подписавших такое соглашение; сравнительно-правовой метод, позволяющий проанализировать законодательство и судебную и арбитражную практику различных юрисдикций а также правила ведущих арбитражных учреждений; и структурно-функциональный метод, используемый для выделения элементов в содержании арбитражного соглашения и определения их функциональной роли.

Теоретическую основу исследования составляют труды дореволюционных, советских и современных российских ученых в области теории права, гражданского процессуального права, международного частного права и международного коммерческого арбитража, а также работы ведущих зарубежных специалистов по вопросам участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве.

Формирование концепции арбитражного соглашения как сложносоставного института, объединяющего материальный (согласие на арбитраж) и процессуальный (форма) элементы, опирается на труды дореволюционных ученых А.Ф. Волкова, Е.А. Нефедьева и И.Е. Энгельмана. Развитие отечественной доктрины международного коммерческого арбитража, включая вопросы компетенции состава арбитража и правовой природы арбитражного соглашения, раскрыто с опорой на труды советских авторов С.Н. Лебедева, Л.А. Лунца, В.А. Мусина и М.Г. Розенберга, а также современных ученых Е.А. Борисовой, М.Л. Гальперина, И.С. Зыкина, Б.Р. Карабельникова, А.С. Комарова, А.А. Костина, Е.В. Кудрявцевой, С.А. Курочкина, Т.Н. Нешатаевой, Е.И. Носыревой, Г.В. Севастьянова, О.Ю. Скворцова и др.

Среди зарубежных исследований общетеоретического характера, посвященных правовой природе арбитража (третейского разбирательства), арбитражному соглашению и компетенции арбитров, используются труды Г. Борна (Gary B. Born), Дж.Д.М. Лью (Julian D.M. Lew), А. Редферна (Alan Redfern) и М. Хантера (Martin Hunter). Вопросы компетенции состава арбитража и доктрины *kompetenz-kompetenz* анализируются с опорой на работы Дж. Берманна (George A. Bermann) и Э. Гайяра (Emmanuel Gaillard).

Процессуальные аспекты третейского разбирательства рассматриваются с использованием методологического аппарата, разработанного в науке гражданского процессуального права. В этой связи использованы классические труды М.А. Гурвича, Н.Б. Зейдера, К.С. Юдельсона и В.М. Шерстюка по вопросам стадийности гражданского процесса, а также работы М.К. Треушникова, В.В. Молчанова и М.А. Фокиной по вопросам доказывания и судебных доказательств.

Непосредственно вопросам участия в арбитражном разбирательстве лиц, не подписавших арбитражное соглашение, посвящены работы российских ученых С.П. Грубцовой, С.В. Лысова, К.И. Налетова, Д.А. Хоцанова, а также зарубежных авторов: С. Брекулакиса (Stavros L.

Brekoulakis), Б. Анотьо (Bernard Hanotiau), У.У. Парка (William W. Park), Н. Возер (Nathalie Voser), Дж.Ф. Койла (John F. Coyle) и Э.С. Ромеро (E.S. Romero).

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», Нью-Йоркская Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, Закон об арбитраже 1996 года Соединенного Королевства, Швейцарский закон о международном частном праве, а также правила ведущих арбитражных учреждений, включая Лондонский международный третейский суд, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма и Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составляют судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, арбитражных судов Российской Федерации, судебные акты иностранных государственных судов, а также решения международных коммерческих арбитражей, включая Международную торговую палату, Лондонский международный третейский суд и Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в диссертации сформулирована совокупность теоретических положений, развивающих науку гражданского процессуального права и международного частного права, а также практических предложений по дальнейшему совершенствованию нормативных правовых актов и актов мягкого права.

На теоретическом уровне обосновано, что участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве обусловлено усложнением структуры современных коммерческих отношений, и может осуществляться в двух принципиально различных формах – вступление и привлечение, которые порождают различные типы правовых проблем.

В диссертационном исследовании предложено авторское определение лиц, не подписавших арбитражное соглашение, а также обосновано, что «лицо, не подписавшее арбитражное соглашение», — это не самостоятельный процессуальный статус участника разбирательства, а дополнительная характеристика истца (соистца) или ответчика (соответчика), участвующего в арбитражном разбирательстве, в отсутствие формального статуса стороны арбитражного соглашения.

Материально-правовые основания привлечения лиц, не подписавших арбитражное соглашение, классифицированы на бесспорные и оспоримые в зависимости от объема исследовательской деятельности, необходимой для установления компетенции арбитража на рассмотрение спора с участием такого лица. В зависимости от типа основания и формы приобретения статуса в рамках разбирательства (вступление или привлечение) предложена дифференцированная модель самостоятельной стадии, в рамках которой разрешается вопрос о наличии у арбитров компетенции на рассмотрение спора с участием лица, не подписавшего арбитражное соглашение. При применении бесспорных оснований и вступлении обоснована модель предварительного допуска с участием арбитражного учреждения на стадии возбуждения арбитражного разбирательства, при оспоримых и привлечении – модель с участием сформированного состава арбитража в рамках самостоятельной факультативной стадии, встраиваемой после формирования состава арбитража, но до начала стадии подготовки дела к арбитражному разбирательству.

На прикладном уровне новизна выражается в разработке конкретных предложений по совершенствованию правил арбитражных учреждений в

части регламентации процедуры привлечения лиц, не подписавших арбитражное соглашение.

Научная новизна исследования непосредственно выражается в **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. В связи с усложнением структуры современных коммерческих отношений участие в арбитраже лиц, не подписавших арбитражное соглашение, объективно необходимо. Приобретение такими лицами статуса участника третейского разбирательства возможно в двух формах: вступление и привлечение. Участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве не является отклонением от консенсуальной природы арбитража, а представляет собой ее последовательную реализацию, поскольку в основе обеих возможных форм приобретения такого статуса лежит установленный факт согласия на арбитраж: в первом случае – непосредственно выраженного самим лицом, не подписавшим арбитражное соглашение, а во втором – восполненного через объективную материально-правовую связанность с рассматриваемым делом.
2. Лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, – это субъект, не имеющий формального статуса стороны арбитражного соглашения, но признанный арбитрами или компетентным административным органом арбитражного учреждения лицом, на которое распространяется компетенция состава арбитража, на основании установленной материально-правовой связанности (при привлечении) или выраженного волеизъявления такого лица (при вступлении).
3. При вступлении в третейское разбирательство лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, самостоятельно выражает инициативу участвовать в третейском разбирательстве либо добровольно соглашается на присоединение к нему по инициативе другого субъекта. Возникающий конфликт между волеизъявлением и формой его выражения разрешается установлением вытекающего из

консенсуальной природы арбитража приоритета содержания арбитражного соглашения над его формой: если лицо выразило согласие на арбитраж, дефект формы не является препятствием для участия в третейском разбирательстве.

4. Привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, при отсутствии прямо выраженного согласия на участие в третейском разбирательстве по инициативе иного лица осуществляется в интересах обеспечения полноты разрешения спора, стабильности и исполнимости арбитражного решения, а также процессуальной экономии. При привлечении отсутствует как надлежащая форма арбитражного соглашения, так и непосредственно выраженное согласие лица на участие в третейском разбирательстве. Основанием для привлечения служит установленная материально-правовая связанность лица, не подписавшего арбитражное соглашение, с рассматриваемым спором. Связанность арбитражным соглашением в таком случае производна от связанности материально-правовым обязательством и восполняет отсутствие прямого волеизъявления лица, не подписавшего арбитражное соглашение, позволяя признать его связанным арбитражным соглашением независимо от того, подписывал ли он такое соглашение и выражал ли прямое согласие на участие в третейском разбирательстве.
5. Лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, в отношении которого арбитрами установлена собственная компетенция на рассмотрение и разрешение спора, имеет процессуальный статус дополнительной стороны и обладает процессуальными правами истца или ответчика в рамках третейского разбирательства.
6. Материально-правовые основания, используемые для привлечения лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве классифицируются на две группы в зависимости от объема совершаемых действий, необходимых для

установления компетенции арбитров в отношении указанного лица: бесспорные и оспоримые. К бесспорным основаниям относится правопреемство (универсальное и сингулярное), в рамках которого связанность арбитражным соглашением устанавливается на основании объективного юридического факта, как правило, документально подтвержденного и не требующего развернутого исследования обстоятельств дела и оценки поведения сторон. К оспоримым основаниям относятся доктрина группы компаний, доктрина *alter ego* («прокалывание корпоративной вуали»), подразумеваемое согласие и иные основания, в рамках которых для установления связанности арбитражным соглашением требуется исследование совокупности фактических обстоятельств, оценка поведения сторон, анализ корпоративных связей, установление отношений взаимного контроля, дача указаний, общий экономический интерес.

7. Модели допуска лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве с процедурной точки зрения дифференцируются в зависимости от формы приобретения статуса лицом, не подписавшим арбитражное соглашение, а также используемого материально-правового основания, позволяющего арбитрам установить компетенцию в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение. При вступлении, а также применении бесспорных оснований допуск лица, не подписавшего арбитражное соглашение, осуществляется арбитражным учреждением в порядке *prima facie* без ущерба для последующего решения арбитров о собственной компетенции. При привлечении и применении оспоримых оснований вопрос о допуске и об установлении компетенции на рассмотрение спора с участием лица, не подписавшего арбитражное соглашение, требует полноценного исследования фактических обстоятельств, содержания норм материального права, в связи с чем подлежит разрешению исключительно арбитрами в рамках

самостоятельной факультативной стадии арбитражного разбирательства.

Теоретическая значимость исследования диссертационного исследования заключается в том, что в нем предложен новый подход к пониманию арбитражного соглашения, предполагающий приоритет материального элемента (согласия на арбитраж) над процессуальным (формой), что позволяет объяснить правовую природу участия в арбитражном разбирательстве лиц, не подписавших арбитражное соглашение, не как исключения из консенсуальной природы арбитража, а как результат последовательной теоретической эволюции понятия «согласия на арбитраж». Разработанная классификация материально-правовых оснований привлечения таких лиц на бесспорные и оспоримые создает теоретическую основу для дифференциации процедуры установления компетенции состава арбитража в зависимости от объема необходимой исследовательской деятельности. Полученные выводы развивают учение о лицах, участвующих в третейском разбирательстве, и могут быть использованы в дальнейших исследованиях о привлечении лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейское разбирательство.

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем теоретические положения и практические рекомендации могут быть использованы при совершенствовании правил арбитражных учреждений, в частности Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Российского арбитражного центра, в части регламентации процедуры привлечения дополнительных сторон и третьих лиц, а также в правоприменительной деятельности арбитров и государственных судов при рассмотрении вопросов о компетенции арбитража в отношении лиц, не подписавших арбитражное соглашение. Отдельные положения исследования могут быть использованы при преподавании курсов «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс»,

«Международный коммерческий арбитраж» и «Международное частное право».

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Достоверность результатов настоящего исследования определяется тем, что исследование проведено автором единолично и самостоятельно, с опорой на достижения российской и зарубежной литературы по гражданскому процессуальному праву, международному частному праву и международному коммерческому арбитражу, а также с использованием отечественных и иностранных нормативных правовых актов, судебной практики и решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей.

Основные положения и выводы настоящего исследования изложены автором в четырех научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук. Апробация результатов исследования также осуществлена в трех докладах на научно-практических конференциях: XXXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2024», секция «Юриспруденция», Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 15-18 апреля 2024 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию доктора юридических наук, профессора М.С. Шакарян (Москва, 19 января 2024 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2025», юридический факультет, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, 31 октября 2025 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитраже: формы и основания

1.1. Понятие и цели участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве: от формализма к функциональному подходу

Долгое время в доктрине и практике международного коммерческого арбитража господствовала незыблемая аксиома: участниками третейского разбирательства¹ могут быть только стороны арбитражного соглашения. В 1994 году она была четко сформулирована составом арбитража *ad hoc* в деле *Banque Arabe et Internationale D'Investissement et al. v. Inter-Arab Investment Guarantee Corporation* через сопоставление с государственным судопроизводством: в отличие от судебного разбирательства в государственных судах, где любая заинтересованная сторона может быть привлечена к участию в деле в интересах правосудия, в арбитраже могут участвовать лишь стороны арбитражного соглашения либо как истцы, либо как ответчики².

Данный постулат казался неопровержимым в силу самой природы арбитража, основанного на добровольном волеизъявлении сторон на участие в разбирательстве³. Поскольку арбитраж представляет собой юрисдикционный механизм, производный от такого волеизъявления, то круг лиц, вовлекаемых в разбирательство, должен ограничиваться исключительно теми субъектами, которые это соглашение подписали.

Исходная предпосылка указанной аксиомы о том, что права и

¹ Понятия «третейское разбирательство» и «арбитражное разбирательство» используются в настоящей работе как синонимы, поскольку действующее российское законодательство (в частности, Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») применяет данные термины как равнозначные. Соответственно, в тексте настоящей работы термины «третейский суд», «арбитраж», «третейское разбирательство» и «арбитражное разбирательство» используются как синонимичные и взаимозаменяемые.

² *Banque Arabe et Internationale d'Investissement et al. v. Inter-Arab Investment Guarantee Corporation*. Award of 17 November 1994 // *Yearbook Commercial Arbitration*. 1994. Vol. XXI. P. 13, 18.

³ Носырева Е.И. Особенности мирного урегулирования споров в третейском разбирательстве // Закон. 2023. № 4. С. 50.

обязанности из арбитражного соглашения распространяются только на его стороны, исторически являлась прямым следствием принципа относительности договора (*privity of contract*), признанного как в странах континентального, так и общего права¹. В рамках данного принципа частноправовой договор создает права и обязанности исключительно для его участников, и третьи лица не могут быть связаны его условиями². Распространение указанного принципа на арбитражное соглашение, собственно, и привело к формированию обозначенного правила о том, что арбитражное соглашение связывает только подписавших его лиц и, как следствие, ограничивает круг участников арбитражного разбирательства сторонами арбитражного соглашения, арбитрами и лицами, оказывающими содействие арбитражному разбирательству.

При этом в различных правовых порядках вопрос о том, кто является стороной арбитражного соглашения, ставится по-разному: в одних правовых системах – это вопрос о субъектном составе или компетенции арбитров по кругу лиц (*rationae personae*)³, в других – о заключенности или самом существовании арбитражного соглашения⁴. Однако независимо от используемой терминологии, принцип, согласно которому только стороны арбитражного соглашения связаны обязательством рассматривать споры в арбитраже, признавался фундаментальным для всей системы международного коммерческого арбитража.

Из этого следовало исключительно важное правовое последствие: любой выход за пределы субъектного состава арбитражного соглашения

¹ См.: Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020); Степанов С.К. О дивный новый мир: становление ответственности за вред вследствие недостатков товара // Вестник гражданского права. 2026. N 1. С. 226 – 274; Prosser W.L. The Assault upon the Citadel (Strict Liability to the Consumer) // Yale Law Journal. 1960. Vol. 69. Iss. 7.

² Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Repr. Cape Town: Juta, 1992. P. 34.

³ Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021. P. 2345.

⁴ Там же.

рассматривался представлял собой нарушение основополагающих начал арбитража, а вынесение решения в отношении лица, не подписавшего соглашение (далее также «неподписанты»), – как выход арбитров за пределы своей компетенции, который, в свою очередь, служил основанием для отмены вынесенного арбитражного решения по месту арбитража или последующего отказа в его признании и приведении в исполнение¹.

Однако развитие современного коммерческого оборота, характеризующегося широким распространением сложных многосторонних договорных конструкций, вовлекающих значительное число субъектов, связанных общим экономическим интересом, поставило под сомнение незыблемость обозначенной аксиомы.

Строительные проекты с участием заказчика, генерального подрядчика, субподрядчиков, проектное финансирование с участием множества кредиторов, сложные финансовые сделки с участием многочисленных поручителей и гарантов, сделки слияния и поглощения, корпоративные отношения в рамках групп компаний – во всех этих и многих других случаях арбитражное соглашение, как правило, подписывается лишь некоторыми участниками таких сложных многосторонних отношений. Иные лица, имеющие материально-правовую связь со спором, формально остаются за пределами арбитражного соглашения, что создает существенные препятствия для полноценного рассмотрения и разрешения спора в арбитраже и

¹ См.: ст. V(1)(с) Нью-Йоркской конвенции 1958 г., которая позволяет отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если оно содержит постановления по вопросам, не охватываемым арбитражным соглашением или выходящим за его пределы, что включает случаи вынесения решения в отношении лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения. В судебной практике различных государств неоднократно отмечалось, что состав арбитража превышает свою компетенцию, распространяя юрисдикцию на лицо, не связанное арбитражным соглашением, и такие решения подлежат отмене по месту арбитража либо отказу в признании и приведении в исполнение. Как указал Верховный суд Индии в деле *Cox and Kings Limited v. SAP India Private Limited*, доктрина «группы компаний» может применяться для привлечения неподписантов только при наличии взаимного намерения сторон быть связанными арбитражным соглашением, а простые коммерческие договоренности не являются достаточным основанием для распространения арбитражной оговорки на неподписанта. Аналогичный подход был воспринят и российскими судами, которые отказывали в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в случаях, когда они были вынесены в отношении лиц, не связанных арбитражным соглашением. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 23 декабря 2013 г. по делу № А40-41781/13-69-197 указал, что арбитражное решение, вынесенное в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, подлежит отмене как принятое с превышением компетенции состава арбитража.

обеспечения возможности реального исполнения выносимого арбитражного решения.

Именно данное противоречие между формальной конструкцией арбитражного соглашения, ограниченной его непосредственными сторонами, и реальными потребностями современного коммерческого оборота, требующего вовлечения всех материально заинтересованных лиц, порождает фундаментальный вопрос о возможности связанности арбитражным соглашением лиц, формально не являющихся его сторонами, и их участия в арбитражном разбирательстве. Перед доктриной и практикой встает дилемма между рассмотрением любой попытки распространения арбитражного соглашения на таких неподписантов как нарушения консенсуальной природы арбитража и признанием того, что такая возможность вытекает из самой сути арбитражного соглашения, понимаемого не формально-догматически, а функционально.

В отечественном правопорядке на уровне Верховного Суда РФ сформулирована позиция о том, что основанием компетенции третейского суда или международного коммерческого арбитража является арбитражное соглашение, наличие которого свидетельствует о волеизъявлении сторон на передачу спора в третейский суд¹. Однако при этом остается неразрешенным вопрос о правовом положении лиц, не подписавших арбитражное соглашение.

Как показывает анализ правоприменительной практики, указанная теоретическая аксиома об ограниченности круга субъектов, участвующих в арбитражном разбирательстве, непосредственно лицами, подписавшими арбитражное соглашение, вовсе не была абсолютной.

Уже в первой половине XX столетия в практике различных национальных судов стали встречаться случаи распространения компетенции суда или состава арбитража на лиц, формально не подписавших

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018).

юрисдикционное соглашение. Именно накопленный эмпирический материал стал источником, который предопределил последующее оформление представления о неподписантах¹ в доктрине международного коммерческого арбитража. Осмысление данного материала позволяет выявить несколько ключевых этапов, в ходе которых происходило формирование доктринальных взглядов на возможность участия неподписантов в арбитражном разбирательстве.

При этом важно подчеркнуть, что обозначенные этапы не являются хронологически последовательными в строгом смысле: их выделение отражает логику развития доктринального осмысления проблемы, а не исключительно временную последовательность событий.

Первым таким этапом стала реакция международного сообщества на уже накопленную разрозненную арбитражную практику, выраженная в принятии унифицированного нормативного акта, предоставившего систематизированный нормативный материал и сформировавший современное представление о международном коммерческом арбитраже², а именно – Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (Нью-Йоркская Конвенция)³, а также с сопутствующим появлением

¹ Термин «неподписант» является дословным переводом англоязычного термина «non-signatory», широко используемого в доктрине и практике международного коммерческого арбитража для обозначения лиц, формально не подписавших арбитражное соглашение, но признаваемых связанными им в силу материально-правовых оснований. В русскоязычной литературе по международному коммерческому арбитражу данный термин уже получил распространение и устоялся в качестве общепринятого обозначения рассматриваемой категории субъектов, что позволяет использовать его в настоящем исследовании в качестве синонима понятию «лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, но участвующее в арбитражном разбирательстве». См.: Ануров В.Н., Асосков А.В., Белов В.А., Курочкин С.А., Монастырский Ю.Э., Морозов М.Э., Муранов А.И., Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю. Правосудие и арбитраж: дискуссия // Третейский суд. 2024. N 3/4. С. 43 – 77; Грубцова С.П. Множественность лиц в цивилистическом процессе и арбитраже: основные модели // Третейский суд. 2021. N 2. С. 118 – 124; Кипаренко А.Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели // Вестник гражданского права. 2023. N 3. С. 230 – 257; Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: *colore officii* или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. N 9. С. 111 – 125.

² Voser N. Multi-Party Disputes and Joinder of Third Parties // Fifty Years of the New York Convention: ICC International Arbitration Conference: 14 ICCA Congress Series / ed. A.J. van den Berg. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2009. P. 343.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1960. № 46. Ст. 421.

глобальных (международных) арбитражных учреждений и формированием институционального арбитража как такового.

Появление формализованного образа «арбитражного соглашения», закрепленного в Нью-Йоркской Конвенции, является предпосылкой для возникновения спора о том, кто является стороной арбитражного соглашения как в теоретической плоскости, так и в практической.

На данном раннем этапе впервые были заложены унифицированные основы понимания арбитражного соглашения. Нью-Йоркская Конвенция установила жесткое требование письменной формы, что было обусловлено не только стремлением к правовой определенности, но и объективными техническими реалиями середины XX века: на тот момент не существовало широкодоступных средств электронной коммуникации, а единственным надежным способом фиксации волеизъявления сторон оставался обмен письменными документами (бумажными письмами, телеграммами, телексами). Именно техническая невозможность иного способа фиксации согласия предопределила тот факт, что формальный критерий стал доминирующим при решении вопроса о связанности сторон арбитражной оговоркой.

Вместе с тем, в Нью-Йоркской Конвенции была заложена концептуальная основа для последующего доктринального разграничения структурных компонентов арбитражного соглашения в виде его формы и содержания.

Во-первых, Нью-Йоркская Конвенция установила, что арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме, под которой понимается как арбитражная оговорка в договоре, так и арбитражное соглашение, подписанное сторонами, или содержащееся в обмене письмами или телеграммами¹.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46. Ст. 421. – Ст. II.

Во-вторых, в соответствии с положениями Конвенции, такое соглашение сторон должно быть действительным в соответствии с нормами применимого права¹. Нью-Йоркская Конвенция, таким образом, заложила тезис о наличии двух автономных элементов, формирующих легальное определение «арбитражного соглашения»: процессуальный элемент выражен в требованиях к его письменной форме, а материальный – в критерии его действительности по применимому праву.

Тем не менее, можно с высокой степенью уверенности констатировать, что на данном начальном этапе зарождения проблемы именно процессуальный элемент арбитражного соглашения (форма) был выдвинут на первый план. Это объясняется как техническими ограничениями, так и необходимостью создания единообразного и легко проверяемого критерия для судов разных государств при решении вопроса о признании и приведении в исполнение арбитражных решений. В результате формальные требования стали восприниматься как самодовлеющие, что закономерно привело к юридическому формализму, при котором правоприменитель сосредотачивался на проверке наличия арбитражного соглашения, соответствующего предписанной форме, зачастую упуская из виду исследование действительной воли сторон.

Однако с развитием международной торговли, усложнением договорных конструкций и появлением новых средств коммуникации (электронная почта, факсимильная связь, а затем и цифровые платформы) обозначенный формализм все чаще демонстрировал свою неспособность адекватно отражать реальные правоотношения. Осознание этого привело к существенному сдвигу на международном уровне, который нашел свое выражение в принятии в 1985 году Типового закона ЮНСИТРАЛ о

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46. Ст. 421. – Ст. V.

международном торговом арбитраже¹. Статья 7 Типового закона (в редакции 1985 года) хотя и сохраняла требование письменной формы, но значительно расширила способы ее соблюдения, приравняв к письменной форме обмен процессуальными документами, ссылку на документ, содержащий арбитражную оговорку, и иные способы, позволяющие достоверно установить волеизъявление сторон.

Особенно показательной стала реформа 2006 года, когда ЮНСИТРАЛ принял поправки к Типовому закону, предложив два альтернативных варианта статьи 7². Первый вариант допускает заключение арбитражного соглашения в любой форме (включая устную) при условии фиксации его содержания, в то время как второй вариант вообще не устанавливает каких-либо требований к форме, признавая соглашение действительным, если стороны договорились о передаче спора в арбитраж.

Как отмечается в пояснительной записке Секретариата ЮНСИТРАЛ, эти изменения направлены на то, чтобы в максимально возможной степени обеспечить признание арбитражных соглашений, если желание сторон о проведении арбитража не вызывает сомнений, и снять ту категоричность, которая ранее присутствовала в вопросе об обязательной письменной форме³. Одновременно с этим ЮНСИТРАЛ принял Рекомендации относительно толкования п. 2 ст. II Нью-Йоркской конвенции 1958 года, в которых разъяснено, что указанная норма не носит исчерпывающего характера и не препятствует применению более благоприятных внутренних норм о форме арбитражного соглашения (на основании п. 1 ст. VII Конвенции).

¹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г.) // Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о работе ее восемнадцатой сессии (3–21 июня 1985 г.). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Сороковая сессия. Дополнение № 17 (A/40/17). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1985. С. 23–39.

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г.) // Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о работе ее восемнадцатой сессии (3–21 июня 1985 г.). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Сороковая сессия. Дополнение № 17 (A/40/17). – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1985. С. 23–39. Ст. 7.

³ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Типовому закону о международном торговом арбитраже 1985 года с изменениями, принятыми в 2006 году // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (UNCITRAL).

Именно в этом заключается основная ценность подхода Типового закона для целей настоящего исследования. Требования к форме арбитражного соглашения предлагается расценивать не как самостоятельные квалифицирующие критерии, преддрешающие вопрос о существовании арбитражного соглашения, а как средство верификации обстоятельства выражения сторонами воли на передачу споров в арбитраж. При таком подходе приоритет остается за согласием на арбитраж, а формальные требования выполняют служебную, доказательственную функцию.

Таким образом, на первом этапе можно выделить две последовательные фазы: начальную (строго формальную), связанную с Нью-Йоркской Конвенцией 1958 года, которая, закрепив дуализм формы и содержания, объективно сместила акцент на процессуальный элемент арбитражного соглашения в силу технических и практических причин, и последующую (либеральную), связанную с Типовым законом ЮНСИТРАЛ 1985 года (и особенно с поправками 2006 года), когда материальный элемент (воля сторон) стал постепенно выходить на первый план, а формальные требования стали трактоваться как средство доказывания, а не как самодовлеющее условие действительности.

Отражение указанных тенденций можно проследить в национальных правовых порядках. Так, аналогичный Типовому закону подход, хотя и с определенными особенностями, был воспринят и российским законодателем. Российские законы об арбитраже содержат общее требование о письменной форме арбитражного соглашения с уточнением ее допустимых видов: электронное сообщение, обмен процессуальными документами, ссылка на документ с арбитражной оговоркой, включение оговорки в правила организованных торгов и в устав юридического лица¹.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2. – Ст. 7; Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240. – Ст. 7.

Как справедливо отмечает А.И. Коломиец, многообразие форм заключения арбитражного соглашения, закрепленное в российском законодательстве, направлено не на удостоверение факта заключения арбитражного соглашения, а на возможность установления при помощи какой-либо из форм его содержания¹. Иными словами, форма выступает средством доказывания наличия волеизъявления, а не самодовлеющим условием действительности соглашения.

Такой видовой плюрализм форм арбитражного соглашения позволяет отчетливо установить производный характер процессуального элемента арбитражного соглашения, воспринятый в российском опыте законодательного регулирования арбитражного соглашения. Стремление законодателя закрепить широкий круг форм арбитражного соглашения свидетельствует о том, что материальный элемент арбитражного соглашения в виде согласия на арбитраж с высокой очевидностью не может быть приведен к общему знаменателю с какой-либо унифицированной формой, в связи с чем возникает потребность в закреплении различных допустимых форм, которым должно соответствовать соглашение для его квалификации в качестве арбитражного.

Предложенный гибкий подход к определению и толкованию того, каким образом стороны могут выразить свое согласие на арбитраж, можно считать оправданным и сбалансированным, поскольку он оставляет правовое пространство для подтверждения воли на передачу споров в арбитраж.

Двуединство арбитражного соглашения, прослеживающееся в российском законодательстве об арбитраже и подразумевающее сочетание его формы и содержания, не является уникальной чертой лишь отечественного правопорядка. Для выявления общих закономерностей и особенностей эволюции формальных требований к арбитражному соглашению в различных правовых системах, а также для понимания того, каким образом эти

¹ Коломиец А.И. Арбитражное соглашение: проблемы формы и действительности // Третейский суд. 2016. № 3. С. 34–36.

требования влияют на возможность участия неподписантов в арбитражном разбирательстве, представляется необходимым также обратиться к сравнительно-правовому анализу зарубежных юрисдикций.

В этом контексте наибольший интерес представляет модель, закрепленная в английском законодательстве об арбитраже. Законодательное определение арбитражному соглашению содержится в Законе об арбитраже 1996 года (*Arbitration Act 1996*). В соответствии со ст. 6(1) указанного Закона, «арбитражное соглашение» означает соглашение о передаче в арбитраж возникших или могущих возникнуть споров (независимо от того, носят ли такие споры договорный характер или нет). Кроме того, п. 2 ст. 6 предусматривает, что ссылка в соглашении на арбитражную оговорку, изложенную в письменной форме, или на документ, содержащий арбитражную оговорку, образует арбитражное соглашение, если такая ссылка делает эту оговорку частью соглашения.

Таким образом, английский законодатель, в целом сохраняя требование письменной формы, одновременно закрепляет достаточно гибкий подход, допускающий включение арбитражной оговорки в договор путем отсылки к внешнему документу, что позволяет в большей степени учитывать материальную волю сторон. Более того, в соответствии со ст. 1(b) Закона, стороны должны быть свободны в согласовании способов разрешения своих споров при условии соблюдения только тех гарантий, которые необходимы в общественных интересах¹. Указанная позиция законодателя нашла последовательное подтверждение и в сформированной в прецедентной практике, согласно которой суды при толковании арбитражной оговорки должны исходить из презумпции в пользу ее действительности и стараться сохранить арбитражное соглашение, а не признать его недействительным из-

¹ Arbitration Act 1996 // Official website of the UK Government legislation archive. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/contents>. – Section 1(b).

за формальных дефектов, также способствует приоритету материальной воли сторон над формальными требованиями¹.

Особого внимания в этом контексте также заслуживает опыт регулирования арбитражного соглашения в Швейцарии, являющейся одной из наиболее популярных стран для выбора в качестве места арбитража в силу современности национального законодательства и относительной политической нейтральности. В швейцарском праве также соблюдена концепция двуединого начала арбитражного соглашения, которая следует из его определения в Законе о международном частном праве Швейцарии от 18 декабря 1987 года². В соответствии со ст. 178 указанного Закона установлено, что арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме или при помощи иных средств, подтверждающих текстуальную форму согласия, а также установлено требование материального характера, связанное с действительностью арбитражного соглашения. Швейцарский подход допускает подтверждение согласия на арбитраж не только классической письменной формой, но и иными средствами, фиксирующими текстуальное выражение воли, что также свидетельствует о стремлении не абсолютизировать формальные требования в ущерб материально-правовому согласию. Примечательно, что швейцарские суды последовательно придерживаются позиции, согласно которой формальные требования не должны служить препятствием для признания действительности арбитражного соглашения, если может быть достоверно установлена воля сторон на передачу спора в арбитраж³.

Второй этап стал реакцией на данный формализм со стороны правовой системы общего права и связан с прецедентной практикой американских судов. Как отмечает Дж. Ф. Койл (J.F. Coyle), родоначальником внимания к

¹ See: *Enka Insaat Ve Sanayi AS v. OOO Insurance Company Chubb* [2020] UKSC 38, 53(iv) // BAILII. – URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2020/38.html>.

² Swiss Private International Law Act of 18 December 1987 // Fedlex: The Federal Law Collection. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1988/1776_1776_1776/en. – Art. 178.

³ *Compagnie de Navigation et Transports S.A. v. MSC (Mediterranean Shipping Company) S.A* (Swiss federal Tribunal, 16 January 1995), Yearbook Commercial Arbitration XXI, 1996.

рассматриваемой проблеме стала прецедентная практика американских судов, связанная не с арбитражными, а с пророгационными соглашениями¹. Одним из наиболее показательных примеров таких прецедентов является дело *Coastal Steel Corp. v. Tilghman Wheelabrator Ltd*², рассмотренное Апелляционным судом США по Третьему судебному округу в 1983 году.

Фактические обстоятельства данного дела лежали в плоскости конкуренции между двумя независимыми оговорками о выборе юрисдикционного органа для рассмотрения и разрешения спора. Компания Coastal Steel заключила договор подряда с английской компанией Farmer Norton в целях строительства промышленного комплекса. Договор между Farmer Norton и Coastal Steel содержал пророгационную оговорку о рассмотрении споров, вытекающих из отношений сторон, в судах штата Нью-Джерси. Для исполнения своих обязательств по договору Farmer Norton привлекла субподрядчика – английскую компанию Tilghman. В свою очередь, договор субподряда между компаниями Farmer Norton и Tilghman содержал оговорку о рассмотрении всех споров в английских судах. Впоследствии Coastal Steel обратилось в Федеральный суд в округе Нью-Джерси с требованием к субподрядчику Tilghman.

В окончательном решении по данному делу суд апелляционной инстанции указал, что компетенцией на рассмотрение спора между Coastal Steel и Tilghman обладает английский суд, в пользу которого заключено пророгационное соглашение, несмотря на то что американская компания никогда не заключала соглашение с оговоркой о рассмотрении споров английскими судами.

¹ Coyle John F., Effron Robin J. Forum Selection Clauses, Non-signatories, and Personal Jurisdiction // Notre Dame Law Review. 2021. Vol. 97. Iss. 1. Отметим, что для целей настоящего исследования анализ опыта, сформировавшегося в отношении пророгационных соглашений, будет релевантен, поскольку в доктрине данные понятия часто анализируются и исследуются вместе в силу их общей правовой природы. Правовая природа, как арбитражных, так и пророгационных соглашений, подразумевает реализацию сторонами правоотношения воли на выбор юрисдикционного органа для рассмотрения и разрешения споров. См: Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Елисеев Н.Г., Рожкова М.А., Скворцов О.Ю. под общ. ред.: Рожкова М.А. М.: Статут. 2008. С. 52.

² *Coastal Steel Corp. v. Tilghman. Wheelabrator Ltd.*, 709 F.2d 190, 203 (3d Cir. 1983).

Суд обосновал свою позицию, используя следующий логический путь: американская компания, выбравшая в качестве генерального подрядчика при реализации проекта английскую компанию, должна была разумно полагать и предвидеть, что английская компания будет привлекать английских субподрядчиков для исполнения своих обязательств перед Coastal Steel. Более того, Coastal Steel могла разумно предполагать, что она станет третьей стороной, извлекающей выгоду из соглашения между двумя английскими компаниями. Следовательно, Coastal Steel, извлекая выгоду из соглашения, должна нести и корреспондирующие обязанности (предъявлять требования в английский суд). Таким образом, согласие на конкретный форум было выведено из конструкции материально-правовых отношений, сформировавшихся между сторонами, на основании принципа невозможности извлечения выгоды из договора без несения корреспондирующей обязанности о рассмотрении и разрешении споров в определенном юрисдикцию

Третий условный этап связан с развитием интереса к проблеме неподписантов уже в континентальной правовой системе.

Как отмечает Б. Анотью (B. Hanotiau) в своей фундаментальной работе, посвященной исследованию сложных арбитражных разбирательств, включая арбитражи с множественным составом участником или вытекающих из нескольких договоров, и являющейся одним из самых масштабных исследований по рассматриваемой проблематике¹, в континентальной правовой системе внимание исследователей и правоприменителей сосредоточилось не на процессуальных вопросах, сопутствующих участию неподписантов в арбитражном разбирательстве, а на анализе материально-правовых оснований такого участия, что нашло свое отражение в деле *Dow*

¹ Hanotiau B. *Complex Arbitrations: Multi-Party, Multi-Contract and Multi-Issue: A Comparative Study*. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2020. – P. 210.

*Chemical v. Isover Saint Gobain*¹, где была сформулирована доктрина «группы компаний», которая будет рассмотрена подробнее в следующем параграфе настоящего исследования. Это дело, наряду с американским прецедентом *Coastal Steel*, демонстрирует, что проблема распространения компетенции состава арбитража на лиц, формально не подписавших соглашение о выборе юрисдикционного органа, зарождалась и получила свое первоначальное оформление не в законодательстве или в доктрине, а в судебной и арбитражной практике различных правовых систем.

При этом, как следует из приведенного анализа, правоприменительная практика не сформировала комплексного учения об участии неподписантов в арбитражном разбирательстве, равно как и не выработала дифференцированных подходов к материально-правовым и процессуально-правовым последствиям в зависимости от конкретной формы их участия. Вместе с тем, систематизация накопленного эмпирического материала и существующих теоретических воззрений позволяет предложить отправную гипотезу дальнейшего исследования, в соответствии с которой участие лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве возможно в двух принципиально различных формах, а именно:

- 1) вступление – по инициативе или с согласия с лица, не подписавшего арбитражное соглашение; и
- 2) привлечение – по инициативе стороны арбитражного разбирательства с последующим властным решением состава арбитража в отсутствие прямо выраженного согласия лица, не подписавшего арбитражное соглашение.

Каждая из этих форм участия порождает принципиально различные типы проблем. При добровольном вступлении лицо желает участвовать в

¹ Подробнее данное дело будет рассмотрено в последующем разделе. Спор возник на основании различных соглашений, заключенный разными дочерними компаниями Dow Chemicals Company. При этом, сама компания Dow Chemicals стороной соглашений не являлась, однако инициировала разбирательство совместно с иными компаниями. Состав по делу установил наличие юрисдикции на рассмотрение требований по делу. Hanotiau B. Consent to Arbitration: Do We Share a Common Vision? // *Arbitration International*. 2011. Vol. 27. No. 4. P. 539–554.

арбитраже, но его волеизъявление не соответствует формальным требованиям, предъявляемым к арбитражному соглашению. В данном случае проблема заключается в конфликте между волевым содержанием арбитражного соглашения (согласием на арбитраж) и формой, в которую такое согласие должно быть облечено. При привлечении лицо не выражает согласия на участие в арбитражном разбирательстве или активно возражает против такого участия, однако его связанность с материальным правоотношением, частью которого выступает арбитражное соглашение, делает необходимым его участие для полноценного рассмотрения и разрешения спора. В такой ситуации проблема имеет принципиально иную правовую природу: отсутствует не только надлежащая форма, но и непосредственно выраженное согласие на участие в арбитраже.

Учитывая анализ эволюционно-компаративный анализ связанности лиц обязательством о разрешении спора в определенном форуме представляется необходимым последовательно разрешить три взаимосвязанных вопроса, имеющих принципиальное значение для определения основополагающих компонентов исследуемой проблемы.

Прежде всего необходимо установить, насколько в целом проблема участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве актуальна для современной практики международного и внутреннего коммерческого арбитража, как в зарубежных, так и в отечественном правовых порядках. Ответ на этот вопрос требует эмпирического обоснования, которое может быть получено на основе статистических данных ведущих арбитражных учреждений. Сведения о количестве споров с множественностью сторон, о заявлениях о присоединении дополнительных участников и о консолидированных разбирательствах позволяют оценить масштаб исследуемого явления, подтвердить, что проблема не является сугубо теоретической, и обосновать необходимость выработки эффективных процессуальных механизмов. Отсутствие надлежащего эмпирического

фундамента лишало бы дальнейшие теоретические построения в этой области практической опоры, отрывая их от реальных потребностей правоприменения.

Во-вторых, необходимо определить, для достижения каких целей лица, не подписавшие арбитражное соглашение, могут участвовать в арбитражном разбирательстве. При этом следует учитывать, что цели участия не являются единообразными и различаются в зависимости от формы такого участия. При добровольном вступлении цели определяются прежде всего волей самого лица, реализующего свое право на судебную защиту в арбитраже: лицо самостоятельно принимает решение об участии в разбирательстве и тем самым определяет круг собственных процессуальных задач. При привлечении цели носят иной характер, поскольку они непосредственно связаны с эффективностью самого арбитражного разбирательства, полнотой разрешения спора, исполнимостью и стабильностью выносимого арбитражного решения. Выявление и систематизация указанных целей позволят сформировать целевые установки для каждой из форм участия, определить критерии допустимости привлечения неподписантов и создать теоретическую основу для последующей разработки дифференцированных процессуальных механизмов, обеспечивающих достижение этих целей.

В-третьих, необходимо определить понятийный аппарат исследования, сформулировав определение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, и выделив его конститутивные признаки. В доктрине международного коммерческого арбитража до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению данной категории лиц, что создает трудности как для правоприменительной практики, так и для теоретических обобщений. Отсутствие унифицированного понятийного аппарата препятствует систематизации накопленного правоприменительного материала, не позволяет выработать единые критерии отнесения субъектов к числу неподписантов и, как следствие, затрудняет разработку процессуальных механизмов их участия в арбитражном разбирательстве. Формирование четкого определения неподписанта и выделение его конститутивных

признаков представляет собой необходимую предпосылку для построения последовательной теоретической концепции и выработки обоснованных практических рекомендаций.

Изложенные выше вопросы – о востребованности привлечения неподписантов, о целях их участия и о понятийном аппарате – будут последовательно рассмотрены в настоящем параграфе. Их разрешение создаст необходимые теоретические предпосылки для последующего детального анализа правовых проблем, возникающих при вступлении и привлечении неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве.

Обращаясь к первому из обозначенных вопросов, следует обратиться к эмпирическим данным, отражающим реальную востребованность привлечения неподписантов в практике ведущих арбитражных учреждений.

Как свидетельствуют данные Лондонского международного третейского суда (LCIA), вопросы, связанные с множественностью сторон и привлечением дополнительных участников, регулярно возникают в практике данного учреждения. В 2022 году споры с множественностью сторон составили 7% от общего числа дел¹, в 2023 году – 24%², в 2024 году – 18%³. Заявления о привлечении третьего лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения (*joinder*), подавались в 2022 году 6 раз⁴, в 2023 году – 4 раза⁵, в 2024 году – уже 8 раз⁶.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в статистике Международной торговой палаты (ICC). Доля споров с участием множества

¹ См.: LCIA Annual Casework Report 2022, p. 25-26. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=935>.

² См.: LCIA Annual Casework Report 2023, p. 24-25. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=988>.

³ См.: LCIA Annual Casework Report 2024, p. 26-27. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=1045>.

⁴ См.: LCIA Annual Casework Report 2022, p. 25-26. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=935>.

⁵ См.: LCIA Annual Casework Report 2023, p. 24-25. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=988>.

⁶ См.: LCIA Annual Casework Report 2024, p. 26-27. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=1045>.

сторон составила в 2022 году 33% от общего числа дел (порядка 235 споров)¹, в 2023 году – 31% (порядка 256 споров)², в 2024 году – 33% (порядка 278 споров)³.

Схожие ежегодные статистические метрики публикуются Гонконгским арбитражным центром (HKIAC). В 2024 году количество споров с множеством сторон составило 134 из 352 общего числа дел (38%), а споров из множества договоров – 51⁴. В 2025 году 47% арбитражей, поданных в HKIAC, вовлекали множественность сторон или договоров, что демонстрирует устойчивый рост данного показателя⁵.

Дубайский международный арбитражный центр (DIAC) в 2023 году зафиксировал 4 спора с привлечением дополнительной стороны, не являющейся стороной арбитражного соглашения, 10 консолидированных споров и 33 спора, инициированных из множества договоров (из 355 дел)⁶.

Анализ статистики российских арбитражных учреждений показывает, что запрос на привлечение неподписантов, хотя и не столь масштабный, как в зарубежных центрах, также присутствует. Так, по данным Российского арбитражного центра (РАЦ) за 2024 год, из 367 рассмотренных дел в 7 были зафиксированы споры с множественностью сторон⁷. В 2025 году, несмотря на общий рост количества администрируемых дел до 566, число споров с участием множества сторон составило 6⁸. Относительно небольшой процент таких дел в общей структуре РАЦ не свидетельствует о неактуальности

¹ См.: ICC Dispute Resolution 2022 Statistics, p. 4. URL: <https://jusmundi.com/en/document/publication/en-2022-icc-dispute-resolution-statistics>.

² См.: ICC Dispute Resolution 2023 Statistics, p. 5. URL: https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2024/06/2023-Statistics_ICC_Dispute-Resolution_991.pdf.

³ См.: ICC Dispute Resolution 2024 Statistics, p. 4. URL: https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2025/06/2024-Statistics_ICC_Dispute-Resolution.pdf.

⁴ См.: HKIAC 2024 Statistics. URL: <https://hkiac.org/about-us/statistics/>.

⁵ См.: HKIAC 2025 Statistics. URL: <https://hkiac.org/about-us/statistics/>.

⁶ См.: DIAC Annual Report 2023. URL: <https://www.diac.com/en/reports/diac-annual-report-2023/>.

⁷ См.: Годовой отчет РАЦ и РИСА 2024. URL: https://modernarbitration.ru/shopuploads/1/RAC_RIMA_Annual_report_2024.pdf.

⁸ См.: Годовой отчет РАЦ и РИСА 2025. URL: https://modernarbitration.ru/shopuploads/1/%D0%A0%D0%90%D0%A6_%D0%92_%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%90%D0%A5_2025.pdf.

исследуемой проблемы для российской практики. Напротив, сам факт наличия даже единичных споров с участием множества сторон, особенно в условиях роста общего числа разбирательств, подтверждает востребованность процессуальных механизмов привлечения дополнительных участников, не подписавших арбитражное соглашение, для обеспечения полноты и эффективности арбитражного разбирательства.

Приведенные статистические данные с очевидностью свидетельствуют о том, что проблема участия неподписантов в арбитражном разбирательстве не является единичной или сугубо теоретической: она систематически возникает в практике ведущих арбитражных учреждений различных юрисдикций. Устойчивая тенденция на медленный, но неуклонный рост количества споров с множественностью сторон и заявлений о привлечении дополнительных лиц подтверждает, что арбитражное разбирательство все чаще сталкивается с ситуациями, когда формальный круг участников арбитражного соглашения не совпадает с фактическим кругом субъектов спорного материального правоотношения. Это, в свою очередь, делает разработку эффективных процессуальных механизмов привлечения неподписантов не просто желательной, а объективно необходимой для сохранения функциональной пригодности арбитража как средства разрешения сложных многосторонних коммерческих споров.

Убедившись в том, что проблема участия неподписантов составляет не только предмет теоретических размышлений, стоит отметить, что обеспечение их участия в арбитражном разбирательстве не является самоцелью. Оно должно служить достижению целей и задач, стоящих перед арбитражем, которые по своей функциональной направленности во многом аналогичны задачам гражданского судопроизводства: эффективная защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов участников оборота посредством справедливого и своевременного разрешения спора. Как справедливо отмечал Г.А. Жилин применительно к гражданскому судопроизводству, задачи и цели процесса определяют требования всех

процессуальных норм, деятельность суда и всех других субъектов по их реализации¹. Представляется, что это замечание в полной мере применимо и к арбитражному разбирательству.

В этой связи представляется возможным выделить четыре основные цели, которые достигаются участием лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве:

- 1) обеспечение полноты (окончателности) разрешения спора;
- 2) стабильность арбитражного решения (минимизация рисков его оспаривания или отказа в признании и приведении в исполнение);
- 3) реальная исполнимость арбитражного решения; и
- 4) процессуальная экономия².

При этом представляется, что сформулированные цели являются универсальными независимо от формы участия неподписантов в арбитражном разбирательстве, однако механизм их достижения различается. При добровольном вступлении участие неподписанта основано на его добровольном волеизъявлении: оно либо самостоятельно инициирует свое присоединение к арбитражному разбирательству, либо соглашается на соответствующее предложение стороны о таком присоединении. В этом случае обозначенные цели не являются непосредственной задачей для состава арбитража или стороны, инициирующей присоединение неподписанта: их достижение выступает лишь сопутствующим эффектом, обусловленным согласием лица, не подписавшего арбитражное соглашение, участвовать в разбирательстве. При привлечении инициатива, напротив, исходит от стороны арбитражного разбирательства, заинтересованной в привлечении неподписанта для обеспечения полноты разрешения спора, исполнимости решения или процессуальной экономии. Достижение указанных целей в этом

¹ Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 10.

² Подробнее см.: Авраменко М.А. Цели и задачи, обеспечиваемые привлечением к разбирательству лиц, не подписавших арбитражную оговорку // Евразийский журнал. 2026. № 4. С. 262 – 266.

случае представляет собой прямую задачу, которую инициирующая сторона ставит перед арбитражем.

Достижение первой цели, а именно полноты (окончателности) разрешения спора, заключается в возможности вынесения единого, всеобъемлющего решения по сложному материальному правоотношению, охватывающего всех его субъектов. В условиях современного коммерческого оборота, характеризующегося широким распространением многосторонних договорных конструкций, участие в проекте значительного числа связанных общим экономическим интересом субъектов стало нормой. Типичными примерами являются строительные проекты с участием заказчика, генерального подрядчика, субподрядчиков, поручителей и гарантов, сделки слияния и поглощения; проектное финансирование, корпоративные отношения в рамках групп компаний. В таких условиях рассмотрение спора только между формальными сторонами арбитражного соглашения неизбежно приводит к неполноте судебного акта: решение, вынесенное без участия всех субъектов правоотношения, не может считаться окончательным, поскольку оставляет открытым вопрос о правах и обязанностях остальных участников.

Участие неподписантов в арбитражном разбирательстве позволяет избежать этой неполноты. Так, если кредитор имеет солидарное требование к двум должникам, один из которых связан арбитражным соглашением, а другой – нет, рассмотрение спора в арбитраже с участием неподписанта-соответчика позволяет арбитражу всесторонне и полно разрешить спор, возникающий из единого правоотношения, установить наличие или отсутствие солидарности между должниками, изучить доводы и возражения всех сторон. Как отмечает М. Mráz, участие неподписанта способствует более полноценному и всестороннему разрешению спора между сторонами в силу предоставления арбитрам большего аналитического материала (доказательства и доводы сторон)¹. Кроме того, полнота разрешения спора

¹ Mráz M. Extension of an Arbitration Agreement to Non-Signatories: Some Reflections on Swiss Judicial Practice // Annals of the Faculty of Law in Belgrade. 2009. Vol. 57. No. 3. P. 54–63.

имеет и процессуальный аспект: вынесение единого решения по всем субъектам правоотношения исключает проблему существования двух противоречивых актов (например, арбитражного решения и судебного акта государственного суда), которые могут быть вынесены по одному и тому же фактическому основанию, но в отношении разных субъектов.

Цель реальной исполнимости вынесенного арбитражного решения непосредственно связана с целью достижения полноты (окончательности) разрешения спора, но имеет самостоятельное значение. Она заключается в обеспечении реального, а не формального исполнения арбитражного решения за счет участия в арбитражном разбирательстве лиц, обладающих активами, достаточными для удовлетворения требований кредитора. В современной коммерческой практике нередки случаи, когда стороной договора, содержащего арбитражную оговорку, выступает специально созданная компания (*special purpose vehicle*), не обладающая собственными активами. Такие компании создаются для управления конкретным проектом и не имеют имущества, на которое может быть обращено взыскание. Если в таком случае ограничиться рассмотрением спора только с участием этой компании, кредитор рискует получить решение, которое невозможно будет исполнить. Привлечение к участию в арбитражном разбирательстве контролирующих лиц (материнской компании, бенефициара) позволяет преодолеть эту проблему. Как отмечает V. Pavić, материально-правовые основания, такие как доктрина группы компаний и доктрина «альтер эго», используемые для привлечения к участию в арбитражном разбирательстве неподписантов, в значительной степени являются рефлексией коммерческой реальности, отражающей фактическую роль сторон в правоотношении, когда формальными неподписантами арбитражного соглашения выступают лица, которые в действительности полностью контролируют сторону обязательства¹.

¹ Pavić V. Non-Signatories and the Long Arm of Arbitral Jurisdiction // *Resolving International Conflicts: Liber Amicorum Tibor Várady* / ed. by P. Hay, L. Vékás, Y. Elkana, N. Dimitrijević. Budapest; New York: Central European University Press, 2009. P. 213–230.

Третья цель в виде обеспечения стабильности арбитражного решения имеет исключительное значение и заключается в минимизации рисков его последующей отмены арбитражного решения или отказа в признании и приведении в исполнение. Особая значимость данной цели обусловлена тем положением, в котором оказывается неподписант, чьи права и обязанности затронуты арбитражным решением, но вопрос об участии которого в арбитражном разбирательстве не был надлежащим образом разрешен в ходе такого разбирательства. В этом случае неподписант, как правило, узнает о существовании вынесенного арбитражного решения, которое затрагивает его права и обязанности, только на стадии судебного содействия или контроля: когда сторона, в чью пользу вынесено решение, обращается в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения либо когда сторона, против которой вынесено решение, инициирует процедуру его отмены в государственном суде по месту арбитража. Именно на этом этапе для неподписанта возникает реальная угроза принудительного исполнения решения, затрагивающего его права, без предоставления ему возможности участвовать в арбитражном разбирательстве.

Показательно, что в российском процессуальном законодательстве право на оспаривание решения третейского суда предоставлено не только сторонам третейского разбирательства, но и иным лицам, в отношении прав и обязанностей которых вынесено такое решение¹. Это положение представляет собой важнейшую процессуальную гарантию для лиц, не участвовавших в третейском разбирательстве, но затронутых вынесенным арбитражным решением. Таким образом, формально неподписант, чьи права и обязанности затронуты арбитражным решением, обладает правом на обращение в

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. – Ч. 2 ст. 230: «Оспаривание в арбитражном суде решений третейских судов по спорам, возникающим из гражданских правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, может быть осуществлено лицами, участвующими в третейском разбирательстве, а также иными лицами, в отношении прав и обязанностей которых вынесено решение третейского суда, путем подачи заявления в арбитражный суд об отмене решения третейского суда в соответствии со статьей 233 настоящего Кодекса».

арбитражный суд с заявлением об отмене такого решения. В этом заключается принципиальное сходство с гражданским процессом, где лица, не привлеченные к участию в деле, о правах и обязанностях которых суд принял судебный акт, также вправе обжаловать этот акт¹.

Однако наличие права на обжалование арбитражного решения само по себе не решает проблему его стабильности. Ключевой вопрос заключается в том, по каким основаниям неподписант может добиться отмены арбитражного решения или отказа в его признании и приведении в исполнение. Действующее законодательство устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отмены решения третейского суда и для отказа в выдаче исполнительного листа. В качестве одного из таких оснований предусмотрено, что решение вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением или не подпадающему под его условия, либо содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения. Данное основание, как и все иные, сформулировано в общих терминах и не содержит прямого указания на случаи вынесения решения в отношении лица, не являющегося стороной третейского соглашения. Теоретически неподписант может ссылаться на это основание, доказывая, что арбитры вышли за пределы своей компетенции, распространив ее на лицо, не связанное арбитражным соглашением. Однако на практике эффективность такого механизма остается ограниченной, поскольку основание сформулировано применительно к спору и его условиям, а не к субъектному составу.

Более того, даже если неподписант реализует свое право на обращение с заявлением об отмене, он сталкивается с процессуальной проблемой: он

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. № 147 (7 июля). П. 1: «Лица, не участвующие в деле, как указанные, так и не указанные в мотивировочной и/или резолютивной части судебного акта, вправе его обжаловать в порядке апелляционного производства в случае, если он принят об их правах и обязанностях, то есть данным судебным актом непосредственно затрагиваются их права и обязанности, в том числе создаются препятствия для реализации их субъективного права или надлежащего исполнения обязанности по отношению к одной из сторон спора». Аналогичное регулирование предусмотрено ч. 4 ст. 13 ГПК РФ: «Обязательность судебных постановлений не лишает права заинтересованных лиц, не участвовавших в деле, обратиться в суд, если принятым судебным постановлением нарушаются их права и законные интересы».

должен доказать наличие одного из оснований, предусмотренных законом, при том, что большинство этих оснований сформулированы с учетом интересов сторон третейского разбирательства. В результате неподписант оказывается в процессуально неравном положении по сравнению со сторонами, для которых основания для отмены были разработаны с учетом их участия в разбирательстве.

В отсутствие законодательных уточнений, прямо регламентирующих основания для отмены арбитражного решения или отказа в его признании и приведении в исполнение в случае вынесения решения в отношении неподписанта, правоприменительная практика выработала механизмы, позволяющие в определенной мере учитывать интересы таких лиц на стадии судебного контроля.

Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от еще в 2005 году разъяснил, что арбитражный суд отменяет решение третейского суда в части, касающейся лица, не участвующего в третейском разбирательстве, о правах и обязанностях которого было принято решение¹. Данное разъяснение фактически признает возможность отмены арбитражного решения в отношении неподписанта на основании выхода арбитров за пределы компетенции, хотя и не вводит самостоятельного основания для отмены.

Последующая судебная практика подтвердила и развила эту позицию. В одном из дел Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, поскольку решение было принято за пределами арбитражного соглашения против лица, которое не являлось стороной соглашения об арбитраже и не участвовало в рассмотрении дела. Суд указал,

¹ См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 3. – П. 11: «Арбитражный суд отменяет решение третейского суда в части, касающейся лица, не участвующего в третейском разбирательстве, о правах и обязанностях которого было принято решение».

что принятие третейским судом решения о правах и обязанностях лица, не являющегося стороной третейского соглашения и не привлеченного к участию в деле, нарушает права данного лица на судебную защиту¹. В другом деле Арбитражный суд Московского округа, ссылаясь на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации², указал, что защита охраняемых законом интересов третьих лиц является важной функцией правосудия, входящей в элемент публичного порядка государства³. Следовательно, при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение третейского решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения.

В зарубежной практике также встречаются примеры предоставления третьим лицам права оспаривать арбитражные решения. Так, в 2017 году Конституционный суд Бельгии вынес постановление, согласно которому третьи лица вправе подавать возражение третьей стороны (*derdenverzet/tierce opposition*) против вынесенных арбитражных решений. Поводом для рассмотрения данного вопроса послужило обращение компании, не являвшейся стороной арбитражного разбирательства, но полагавшей себя затронутой вынесенным решением⁴. Суд первой инстанции Брюсселя приостановил производство и обратился в Конституционный суд Бельгии с запросом о толковании.

В своем первом вопросе суд первой инстанции поставил вопрос о соответствии нормы Судебного кодекса Бельгии, допускающей возражение третьей стороны против судебных решений, но не предоставляющей аналогичной возможности третьим лицам в арбитражном разбирательстве,

¹ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 18.10.2006 N Ф08-5260/2006 по делу N А32-11102/2006-62/381ТР // СПС «Консультант Плюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.04.2017 по делу N 305-ЭС16-19572, А40-147645/2015 // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2017 N Ф05-10896/2017 по делу N А40-13241/17 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Constitutional Court of Belgium (Grondwettelijk Hof / Cour Constitutionnelle), Judgment No. 21/2017 of 16 February 2017, Rolnummer 6362 // Etaamb – Openbare bekendmaking van wetten, decreten, besluiten en andere akten. URL: https://etaamb.openjustice.be/nl/arrest_n2017201559.

принципам равенства и недискриминации. Конституционный суд пришел к выводу, что различие в правовом статусе третьих лиц в судебном и арбитражном процессах не является оправданным, поскольку судебные и арбитражные решения имеют идентичные последствия для третьих лиц, а выбор арбитража осуществляется сторонами арбитражного соглашения, на который третьи лица не могут повлиять. В связи с этим Конституционный суд признал соответствующую норму не соответствующей Конституции Бельгии, допустив возражение третьей стороны против арбитражных решений.

Второй вопрос касался соответствия Конституции нормы, закрепляющей исчерпывающий перечень оснований для отмены арбитражного решения и не предоставляющей такой возможности третьим лицам. Конституционный суд, опираясь на постановление Кассационного суда Бельгии от 1993 г., согласно которому третьи лица исключены из круга лиц¹, управомоченных на подачу заявления об отмене арбитражного решения, за исключением случаев, когда арбитраж был симулирован с целью нарушения их прав, признал данную норму соответствующей Конституции. Суд указал, что заявление об отмене арбитражного решения является процедурой, предназначенной прежде всего для сторон арбитражного разбирательства, тогда как третьи лица заинтересованы лишь в исполнимости решения и не могут оспаривать его непосредственно. Таким образом, в бельгийском правовом порядке сформирован подход, согласно которому третьи лица могут оспаривать арбитражное решение посредством возражения третьей стороны, но не вправе напрямую использовать основания для отмены, предусмотренные для сторон арбитражного разбирательства.

Несмотря на наличие у неподписантов формального права на обращение с заявлением об отмене арбитражного решения и на выработанные судебной практикой механизмы, представляется, что существующий механизм судебного контроля остается фрагментарным. Отказ в признании и

¹ Cour de cassation de Belgique, arrêt du 29 janvier 1993 // Pasicrisis belge (Pas.). 1993. I. P. 582.

приведении в исполнение на основании публичного порядка является исключительной мерой¹. Основания для отмены, предусмотренные законом, сформулированы в большей степени применительно к сторонам третейского разбирательства и не учитывают специфику положения неподписантов. В результате неподписант, даже имея формальное право на обращение в суд, сталкивается с трудностями при доказывании наличия оснований для отмены арбитражного решения или отказа в его признании и приведении в исполнение.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости расширения перечня оснований для отмены арбитражного решения и отказа в его признании и приведении в исполнение путем включения в него отдельного основания, связанного с нарушением прав и законных интересов лиц, не подписавших арбитражное соглашение, но затронутых арбитражным решением. В пользу такого расширения свидетельствует опыт Бельгии, где был признан особый механизм защиты прав третьих лиц. Вместе с тем следует учитывать, что расширение перечня оснований может вступить в противоречие с принципом окончательности арбитражного решения и ограниченного судебного контроля.

Поэтому предлагаемое расширение должно быть сбалансированным: например, путем уточнения существующего основания о выходе арбитров за пределы компетенции применительно к случаям вынесения решения в отношении лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения, с одновременным закреплением процессуальных гарантий для таких лиц на

¹ См. Молчанов В.В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 140 – 158: «Для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка суд должен установить совокупное наличие двух признаков: во-первых, нарушение фундаментальных принципов построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации, которое, во-вторых, может иметь последствия в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп либо нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц. Верховный Суд РФ разъяснил также, что противоречие публичному порядку как основание для отмены решения третейского суда, отказа в приведении в исполнение решения третейского суда применяется судом в исключительных случаях, не подменяя специальных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение, предусмотренных международными договорами Российской Федерации и нормами ГПК РФ и АПК РФ».

стадии арбитражного разбирательства. Представляется, что такая модель позволила бы обеспечить баланс между стабильностью арбитражного решения и защитой прав лиц, объективно вовлеченных в спор, но формально не являющихся сторонами арбитражного соглашения.

Предлагаемое изменение не предполагает введения нового, самостоятельного основания для отмены или отказа в признании и приведении в исполнение, которое могло бы нарушить принцип окончательности арбитражного решения и ограниченного судебного контроля. Напротив, речь идет о законодательном уточнении уже существующего основания, а именно – выхода состава арбитража за пределы компетенции применительно к случаям вынесения решения о правах и обязанностях лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения.

В связи с этим представляется обоснованным дополнить содержание пункта 3 части 2 статьи 233 АПК РФ и пункта 4 части 3 статьи 239 АПК РФ следующим положением: *«Выходом состава арбитража за пределы третейского соглашения признается, в частности, вынесение решения о правах и обязанностях лица, не являющегося стороной третейского соглашения, если такое лицо не было привлечено к участию в третейском разбирательстве»*¹.

Данная формулировка не создает нового основания для судебного контроля, а конкретизирует содержание уже существующего – выхода арбитров за пределы компетенции, не наделяя неподписанта самостоятельным правом на оспаривание арбитражного решения в любом случае, а лишь устанавливает четкий критерий для оценки государственным судом того, имел ли место выход арбитров за пределы компетенции при вынесении решения, затрагивающего права и обязанности лица, не являющегося стороной арбитражного соглашения.

¹ Аналогичные изменения должны быть внесены и в пункт 3 части 3 статьи 421 ГПК РФ и пункт 4 части 3 ст. 426 ГПК РФ, которые являются процессуальными аналогами статей 233 и 239 АПК РФ и регулируют основания для отмены решений третейских судов и отказа в выдаче исполнительных листов по спорам, возникающим из гражданских правоотношений с участием граждан.

Предлагаемое уточнение позволяет восполнить пробел в законодательном регулировании, сохраняя при этом баланс между стабильностью арбитражного решения и защитой прав лиц, объективно вовлеченных в спор, но формально не являющихся сторонами арбитражного соглашения. Оно не нарушает принцип окончательности арбитражного решения, поскольку его применение возможно только при отсутствии установленной связанности неподписанта арбитражным соглашением, и не создает для неподписанта дополнительных процессуальных возможностей, выходящих за рамки уже предоставленных им законом.

Наконец, последняя цель в виде достижения процессуальной экономии заключается в предотвращении параллельных разбирательств и консолидации связанных споров в рамках одного производства. Современные коммерческие проекты часто порождают множество взаимосвязанных споров: между заказчиком и генеральным подрядчиком, между генеральным подрядчиком и субподрядчиками, между подрядчиками и поручителями, между участниками проекта и гарантами. Если каждый из этих споров будет рассматриваться в отдельном разбирательстве (в разных арбитражах или в арбитраже и государственном суде), это приведет к многократному увеличению судебных издержек, затягиванию разрешения споров и риску вынесения противоречащих друг другу решений. Привлечение неподписантов к единому арбитражному разбирательству позволяет избежать этих негативных последствий.

Как подчеркивает К.Е. Сюрмеев, параллельные разбирательства – это явление, с которым необходимо бороться всеми доступными средствами, и привлечение дополнительных участников, чьи права и обязанности связаны с основным спором, является одним из наиболее эффективных способов такой борьбы¹. Консолидация споров с участием различных лиц, каждое из которых связано отдельными арбитражными соглашениями (то есть множество

¹ Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 14.

неподписантов по отношению к какому-либо одному арбитражному соглашению), возникает, например, в строительных спорах из договоров ЕРС и ЕРСМ. Подобного рода контрактные формы привлекают значительное число субъектов (заказчик, генеральный подрядчик, субподрядчик, поручители, гаранты). Отношения каждой отдельной группы субъектов могут быть связаны разными оговорками о выборе форума, содержащимися в различных договорах. В условиях подобной взаимосвязанной множественности правоотношений и субъектов уменьшение количества споров путем их консолидации в рамках одного разбирательства приводит к повышению эффективности для всех лиц, участвовавших в реализации проекта.

Вместе с тем, следует признать, что однозначно определить, является ли во всех случаях привлечение неподписанта прямой предпосылкой для улучшения эффективности разбирательства, не представляется возможным. Как справедливо отмечается, привлечение неподписантов зачастую способствует увеличению расходов на представительство и замедлению разбирательства, возникающего по причине увеличения круга субъектов, которым предоставляется определенный набор процессуальных прав в рамках арбитражного разбирательства¹.

Привлечение дополнительной стороны неизбежно влечет необходимость предоставления ей процессуальных прав (право на ознакомление с материалами дела, право на представление доказательств, право на участие в слушаниях), что требует дополнительного времени и ресурсов. Таким образом, при обосновании тезиса о возрастании эффективности разбирательства необходимо учитывать компенсаторный характер указанных издержек. Привлечение неподписанта положительно повлияет на эффективность разбирательства в случае, когда посредством арбитража будут исключены параллельные разбирательства, тождественные по субъектному составу или по предмету. В этом случае выгода от

¹ Born G.B. Op. cit. P. 2500-2510.

консолидации (сокращение общего количества разбирательств, экономия на судебных издержках, предотвращение противоречащих решений) перевешивает издержки, связанные с увеличением количества участников в рамках одного разбирательства.

Проведенный выше анализ позволяет сформулировать следующий вывод. Привлечение лиц, не подписавших арбитражное соглашение, к участию в арбитражном разбирательстве не является самоцелью, а представляет собой процессуальное средство реализации уже существующей материально-правовой связанности таких лиц с обязательством, элементом которого выступает арбитражная оговорка. Сформулированные цели (полнота разрешения спора, реальная исполнимость, стабильность арбитражного решения и процессуальная экономия) имеют непосредственное значение прежде всего для сценария привлечения, где арбитраж и иницилирующая сторона заинтересованы в их достижении. При добровольном вступлении указанные цели не являются определяющими, поскольку лицо самостоятельно реализует свое право на участие в разбирательстве, и их достижение в этом случае выступает лишь сопутствующим эффектом консолидации всех заинтересованных лиц в рамках одного производства.

Таким образом, цели участия неподписантов в арбитражном разбирательстве органично соотносятся с общими целевыми установками арбитражного разбирательства, которые заключаются в эффективной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов участников оборота посредством справедливого и своевременного разрешения спора.

После того как были установлены эмпирическая востребованность участия неподписантов в арбитражном разбирательстве и цели, которым такое участие служит, следующим логическим шагом является формирование понятийного аппарата исследования. Для этого необходимо определить содержание понятия «лицо, не подписавшее арбитражное соглашение», выделить его конститутивные признаки и установить, на каком основании такие лица могут быть признаны участниками арбитражного разбирательства.

В доктрине международного коммерческого арбитража до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению данной категории лиц, что создает трудности как для правоприменительной практики, так и для теоретических обобщений. Отсутствие унифицированного понятийного аппарата препятствует систематизации накопленного правоприменительного материала, не позволяет выработать единые критерии отнесения субъектов к числу неподписантов и, как следствие, затрудняет разработку процессуальных механизмов их участия в арбитражном разбирательстве.

В доктрине международного коммерческого арбитража до настоящего времени не сложилось единого понятия лица, не подписавшего арбитражное соглашение, что создает трудности как для правоприменительной практики, так и для последующих теоретических обобщений. Разработка такого понятия, выделение его конститутивных признаков и классификация соответствующих лиц по различным критериям имеют не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку позволяют систематизировать накопленный правоприменительный материал и создать основу для дифференциации процессуальных механизмов их привлечения.

В зарубежной доктрине предлагались различные дефиниции.

Так, Г. Борн определяет неподписантов как лиц, которые не подписали арбитражное соглашение или договор, содержащий арбитражную оговорку, но при этом обладают правами и обязанностями из такого соглашения в силу ряда материально-правовых теорий, на основании которых устанавливается связанность арбитражным соглашением¹. С. Брекулакис, в свою очередь, определяет неподписантов как лиц, приобретающих процессуальный статус в рамках арбитражного разбирательства несмотря на то, что не являются формальной стороной арбитражного соглашения². Э.С. Ромеро указывает, что

¹ Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. The Hague: Kluwer Law International, 2021. P. 1428.

² Brekoulakis S. Third Parties in International Commercial Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 15.

неподписантами следует считать лиц, которые в какой-либо форме выразили свое согласие на участие в арбитражном разбирательстве¹.

В отечественной литературе К.И. Налетов предлагает определять лиц, не подписавших арбитражное соглашение, через призму юридических казусов, в которых допустимо участие таких лиц в арбитражном разбирательстве, выделяя пять следующих случаев:

- (i) связанность такого лица нормой права, делающая возможным его участие в арбитраже несмотря на отсутствие подписи;
- (ii) акцептование арбитражной оговорки путем совершения действий;
- (iii) использование иных форм акцепта;
- (iv) приобретение статуса в силу расширительного толкования нормы права;
- (v) принятие таким лицом роли фактической стороны договора².

На основании проведенного в анализа правовой природы материально-правовой связанности арбитражным соглашением и с учетом целей привлечения таких лиц к арбитражному разбирательству представляется возможным сформулировать следующее определение: лицо, не подписавшее арбитражное соглашение (неподписант), – это субъект, не имеющий формального статуса стороны арбитражного соглашения, но признанный составом арбитража или компетентным органом арбитражного учреждения в качестве участника арбитражного разбирательства на основании установленной материально-правовой связанности обязательством из арбитражного соглашения или выраженного волеизъявления такого лица на участие в разбирательстве.

Данное определение отражает три ключевых аспекта исследуемого явления: формальный (отсутствие статуса стороны арбитражного соглашения), материально-правовой (установленная связанность

¹ Romero E.S. Non-Signatories and International Arbitration: Consent and Its Implications // American Review of International Arbitration. 2015. Vol. 26. No. 2. P. 215.

² Налетов К.И. Лица, не подписавшие арбитражное соглашение: проблемы теории и практики // Третейский суд. 2018. № 2. С. 45.

обязательством из этого соглашения либо выраженное волеизъявление) и процессуальный (приобретение статуса участника арбитражного разбирательства). Соответственно, могут быть выделены три конститутивных признака, которым должно отвечать лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, для признания его таковым.

Первый признак – формальный: отсутствие подписи под арбитражным соглашением. Этот признак является формальным критерием, позволяющим отличить данную категорию лиц от сторон арбитражного соглашения, чья связанность презюмируется из факта подписания, и других участников арбитражного разбирательства. При этом под подписью понимается не только собственноручная подпись на едином документе, но и любая иная форма фиксации согласия на арбитраж, предусмотренная применимым законодательством (включение арбитражной оговорки в устав общества, обмен письмами и т.д.).

Второй признак – наличие материально-правового основания для признания лица участником арбитражного разбирательства. Данный признак имеет два аспекта в зависимости от сценария участия неподписанта. При добровольном вступлении таким основанием служит выраженное волеизъявление самого лица на участие в арбитражном разбирательстве, которое может быть выражено в форме, отличной от установленной в применимом законодательстве. При привлечении основанием является установленный в соответствии с применимыми нормами материального права факт, что лицо является субъектом обязательства, элементом которого выступает арбитражное соглашение. Как было показано в выше, такая связанность может быть обусловлена правопреемством (универсальным или сингулярным), представительством, фактическим участием в правоотношении или контролем над стороной арбитражного соглашения. Установление этого факта является прерогативой состава арбитража (или, в определенных случаях, арбитражного учреждения) и осуществляется в рамках процедуры,

которая будет подробно рассмотрена в в дальнейших параграфах настоящего исследования.

Третий признак – процессуальный: приобретение статуса участника арбитражного разбирательства. Установленные факты непосредственного волеизъявления, выраженного в непредусмотренной форме, или материально-правовой связанности являются необходимой предпосылкой для участия лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве, но требуют надлежащего процессуального оформления. В случае добровольного вступления неподписант либо самостоятельно подает соответствующее заявление, либо добровольно вступает в процесс на основании удовлетворения заявления стороны арбитражного разбирательства о привлечении данного лица. В рамках второй модели неподписант привлекается на основании соответствующего решения состава арбитража или арбитражного учреждения в зависимости от стадии арбитражного разбирательства, на которой разрешается данный вопрос.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что эволюция представлений об участии лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве отражает фундаментальный сдвиг от формалистского понимания арбитража к функциональному подходу, учитывающему потребности современного коммерческого оборота.

Исходная модель, основанная на принципе относительности договора и строгом соблюдении требований письменной формы, рассматривала арбитражное соглашение как замкнутую конструкцию, связывающую исключительно его сторон. Данный формалистский подход, закрепленный в Нью-Йоркской Конвенции 1958 года, долгое время служил надежным, но недостаточно гибким инструментом, не позволявшим вовлекать в арбитражное разбирательство лиц, объективно связанных с обязательством, элементом которого выступала арбитражная оговорка. Однако усложнение структуры коммерческих отношений и появление новых средств коммуникации потребовали пересмотра этой модели. Последовательная

либерализация формальных требований, нашедшая выражение в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 года и особенно в поправках 2006 года, а также в национальных законодательствах об арбитраже многих государств, сместила акцент с проверки наличия письменного документа на исследование действительной воли сторон. Параллельно судебная и арбитражная практика выработала материально-правовые доктрины, позволяющие распространять компетенцию арбитража на неподписантов на основе их фактической вовлеченности в правоотношение.

Эмпирические данные ведущих арбитражных учреждений подтверждают, что проблема участия неподписантов не является сугубо теоретической, а систематически возникает в практике как зарубежных, так и российских арбитражей. Это делает разработку эффективных процессуальных механизмов объективно необходимой. Участие неподписантов в арбитражном разбирательстве служит достижению четырех универсальных целей: полноты разрешения спора, реальной исполнимости арбитражного решения, его стабильности и процессуальной экономии. При этом механизм достижения этих целей различается в зависимости от формы участия: при добровольном вступлении они выступают как сопутствующий эффект реализации лицом своего права на защиту, при привлечении – как прямая задача, инициируемая стороной и разрешаемая составом арбитража.

Сформулированное в настоящем параграфе определение неподписанта и выделенные его конститутивные признаки создают необходимый понятийный аппарат для последующего анализа правовых проблем, возникающих при вступлении и привлечении неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве.

1.2. Вступление лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в третейское разбирательство: конфликт формы и содержания арбитражного соглашения

В настоящем параграфе будет рассмотрено ключевое противоречие, возникающее при вступлении неподписантов (*т.е. осуществляемое неподписантом добровольно*), а именно конфликт между наличием согласия на участие в арбитраже и отсутствием его надлежащего формального выражения. При этом представляется важным уточнить, что понимается под ненадлежащей формой в контексте добровольного вступления. «Добровольный» неподписант – это не лицо, которое вообще не выражало своей воли на участие в арбитраже. Напротив, такое лицо, как правило, уже выразило свое согласие на передачу спора в арбитраж, однако это согласие не было облечено в ту процессуальную форму, которая требуется применимым законодательством или Нью-Йоркской Конвенцией для признания арбитражного соглашения действительным.

Такая ситуация может возникнуть в следующих случаях. Во-первых, лицо могло не являться стороной первоначального договора, однако впоследствии, в силу правопреемства, реорганизации, уступки прав или перевода долга, оно стало участником материального правоотношения, из которого возник спор. При этом арбитражная оговорка была заключена между первоначальными сторонами, и новый участник не подписывал ее, хотя и признает себя связанной материальным обязательством и, например, требует защиты своих прав именно в рамках арбитражного разбирательства.

Во-вторых, лицо могло присоединиться к договору путем акцепта оферты, но арбитражная оговорка содержалась в общих условиях, которые не были подписаны отдельно, либо в документе, на который имеется ссылка, но который не был непосредственно подписан данным лицом.

В-третьих, воля лица на участие в арбитраже могла быть выражена после возникновения спора – например, путем подачи заявления о вступлении или согласия на участие, однако это волеизъявление не соответствует формальным

требованиям, предъявляемым к арбитражному соглашению на момент его заключения.

Наконец, могут быть случаи, когда лицо является стороной договора, подписавшей его, но арбитражная оговорка содержится в приложении, регламенте или ином документе, на который имеется общая отсылка, и эта отсылка не была оформлена как неотъемлемая часть договора в соответствии с применимыми требованиями к форме арбитражного соглашения.

Таким образом, при добровольном вступлении проблема заключается не в отсутствии волеизъявления – оно, напротив, присутствует и вполне определенно выражено. Проблема состоит в том, что требования к форме арбитражного соглашения могут позволить не признать это волеизъявление достаточным для возникновения компетенции арбитров. Форма становится искусственным барьером, который препятствует участию лица, уже выразившего свою волю на арбитраж. Именно здесь и возникает конфликт между материальным элементом арбитражного соглашения (волей) и процессуальным (формой).

Для разрешения этого противоречия необходимо обратиться к правовой природе арбитражного соглашения и к вопросу о том, что является первичным – воля или форма ее выражения. Представляется, что поставленный вопрос не может быть разрешен без уяснения правовой природы арбитражного соглашения. Выше, при анализе первого этапа эволюции доктринальных представлений, уже было показано, что Нью-Йоркская Конвенция и последующие национальные реформы закрепили дуализм процессуального (форма) и материального (согласие) элементов в легальном определении арбитражного соглашения. Также было установлено, что на нормативном уровне прослеживается последовательная либерализация подходов к форме арбитражного соглашения – от жесткого требования письменной формы, установленного Нью-Йоркской Конвенцией 1958 года, к расширительному толкованию способов ее соблюдения в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 года и особенно в поправках 2006 года, а также в национальных

законодательствах. Однако, несмотря на эту либерализацию на уровне законодательства, на практике, особенно в контексте признания и приведения в исполнение арбитражных решений, суды нередко сохраняли строго формальный подход, сосредотачиваясь на проверке соблюдения письменной формы и зачастую упуская из виду исследование действительной воли сторон.

Иллюстративными примерами такого формального подхода могут служить следующие дела. Так, Апелляционный суд Хологаланд (Норвегия) в 1999 году отказал в признании арбитражного соглашения, заключенного путем обмена электронными письмами со ссылкой на чартерную партию GENCON, содержащую арбитражную оговорку, поскольку сама партия не была подписана¹. Суд указал, что обмен электронными письмами с отсылкой к неподписанному документу не удовлетворяет требованиям ст. II(2) Нью-Йоркской Конвенции².

Аналогичным образом Высший земельный суд Целле (Германия) в 2003 году отказал в признании арбитражного решения, вынесенного на основе оговорки Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии, поскольку распечатка факса с текстом контракта оказалась частично нечитаемой, а читаемая копия не была подписана³.

Суды стран общего права (common law) также отказывались признавать арбитражные соглашения, содержащиеся только в телексе, который был отклонен другой стороной (США, дело *Sen Mar, Inc. v. Tiger Petroleum Corp.*, 1991)⁴, и отказывали в приведении в исполнение решений против неподписантов, даже если установлено, что ответчик является alter-ego подписавшей стороны (Канада, дело *Javor v. Francœur*)⁵.

Вместе с тем существуют и противоположные примеры, демонстрирующие готовность судов преодолевать формальные барьеры.

¹ Norway, Halogaland Court of Appeal, 16 August 1999 // Stockholm Arbitration Report. 1999. Vol. 2. P. 121.

² Там же.

³ Германия, Высший земельный суд Целле, 4 сентября 2003 г., дело № 8 Sch 11/02 // SchiedsVZ. 2004. S. 165–168.

⁴ *Sen Mar, Inc. v. Tiger Petroleum Corp.*, 774 F. Supp. 879 (S.D.N.Y. 1991) (№ 87 Civ. 8020 (DNE)).

⁵ *Javor v. Francœur*, [2003] 13 B.C.L.R. (4th) 195 (B.C.S.C.), confirmed [2004] B.C.J. No. 448 (B.C.C.A.).

Так, в 2025 году Замоскворецкий районный суд г. Москвы фактически признал неподписанта стороной арбитражной оговорки, приняв обеспечительные меры в поддержку арбитража LCIA в Лондоне и наложив арест на имущество ответчика, который не подписывал арбитражное соглашение, но был признан составом арбитража стороной договора и арбитражной оговорки¹.

Однако такие случаи пока остаются скорее исключениями, а общая тенденция в правоприменительной практике, особенно на стадии признания и исполнения, сохраняет формалистский вектор. В частности, упомянутое определение Замоскворецкого районного суда г. Москвы было отменено именно со ссылкой на статус неподписанта лица, в отношении которого были приняты обеспечительные меры.²

Именно это парадоксально сохраняющееся расхождение между либеральным регулированием, подкрепленного теоретической основой, и консервативной правоприменительной практикой создает барьеры для участия неподписантов в арбитражном разбирательстве и обостряет конфликт между формой и содержанием арбитражного соглашения.

Применительно к предмету настоящего исследования важно подчеркнуть, что проблема добровольного участия в арбитражном разбирательстве неподписантов непосредственно связана с обозначенными двумя элементами арбитражного соглашения. Представляется, что она является прямым следствием необоснованного предоставления форме приоритета над согласием на участие в арбитражном разбирательстве и связанности арбитражным соглашением.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: каким образом должен

¹ Определение Замоскворецкого районного суда г. Москвы о принятии обеспечительных мер от 1 августа 2025 г. по делу № 13-1256/2025 // Официальный сайт Замоскворецкого районного суда г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil-exec/details/4aab4160-6e03-11f0-aa12-37fce23e691d?participant=%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%B5%D0%B2+%D0%92.%D0%91>.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 29 апреля 2026 года по делу № 33-16033/2026 // Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/faaa2650-2783-11f1-9a17-4fc5f8e4d902>.

разрешаться сформированный конфликт между формальными требованиями и содержанием в виде согласия на арбитраж в каждом конкретном случае? Представляется, что ответ на него невозможен без обращения к фундаментальным теориям, объясняющим правовую природу арбитража, поскольку именно от ответа на вопрос о том, что лежит в основе арбитражного соглашения – частноправовой или процессуальный договор, – зависит выбор методологии для преодоления правоприменительного формализма и обоснования возможности участия неподписантов в арбитражном разбирательстве.

Первоначально в науке международного коммерческого арбитража появились две основные теории, противоположно объясняющих природу арбитража и, как следствие, арбитражного соглашения: договорная (консенсуальная)¹ и процессуальная (юрисдикционная). Впервые они были сформулированы в начале XIX века в Германии², а в середине указанного столетия, благодаря трудам А.И. Вицына³ и А.Ф. Волкова⁴, появились и в отечественной науке. Позднее, в середине XX века, в качестве попытки примирить недостатки данных теорий появилась смешанная (*sui generis*) теория⁵, а в качестве радикального отрицания всех трех названных теорий получила свое оформление автономная теория, призванная не примирить уже существующие теории, а обосновать арбитраж как абсолютно независимое правовое явление, которое ошибочно представлять и толковать в устоявшихся правовых категориях⁶.

¹ Lew J., Mistelis L., Comparative International Commercial Arbitration. The Hague; London; New York, 2003. P. 71 - 81.

² Кейлин А.Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. М., 1961. Ч. 3. Арбитраж. С. 50.

³ Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение. М., 1856. Переиздание в журнале "Третейский суд". 1999. N 2/3, 4/6; 2000. N 1, 3, 6.

⁴ Волков А.Ф. Торговые третейские суды. СПб., 1913. С. 1 - 27.

⁵ Лебедев С.Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / Сост. А.И. Муранов. М., 2009. С. 65.

⁶ Rubellin-Devichi J. L'Arbitrage Nature Juridique // Droit interne et Droit international privé. Paris, 1965. P. 18.

Для целей настоящего исследования предлагается рассмотреть три исторически первые теории (договорную, юрисдикционную и смешанную) посредством выделения одного ключевого критерия, а именно – основания возникновения компетенции арбитров на рассмотрение и разрешение спора между конкретными лицами.

В рамках договорной теории, которая в ее классическом понимании оформилась в начале XIX столетия усилиями французского прокурора Ф. Мерлена¹, но своими корнями уходит еще в римское право², арбитражное соглашение квалифицируется как гражданско-правовой договор, влекущий для сторон гражданско-правовые обязательства. Согласно данной теории, компетенция арбитража возникает именно как следствие существующего между сторонами гражданско-правового обязательства, волеизъявления на использование арбитража в качестве механизма для рассмотрения и разрешения споров³. Юридически обязывающий характер арбитражного решения в отношении сторон рассматривается также как прямое следствие арбитражного соглашения, которое сторонниками договорной теории представляется не иначе как классическим гражданско-правовым договором⁴. Объем арбитражного обязательства, в свою очередь, включает в себя, в том числе, обязанность сторон, принявших на себя такое обязательство, подчиняться решению арбитров. Данная теория, акцентируя внимание на волевом акте сторон, оставляет пространство для установления факта выражения согласия на арбитраж не только через формальное подписание, но и через иные юридически значимые действия, свидетельствующие о присоединении к арбитражному соглашению.

Принципиально иной подход предлагает юрисдикционная теория. Она основывается на постулате о том, что заключенное арбитражное соглашение

¹ Кейлин А.Д. Указ. Соч. с. 52-55.

² David R. Arbitration in International Trade. Kluwer Law International, 1984. P. 84 - 85.

³ Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права: В 3 т. М., 1976. Т. 3. Международный гражданский процесс. С. 216-219.

⁴ См.: Ануров В.Н. Третейское соглашение: Монография. М., 2009. С. 22; Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005. С. 35-36.

имеет не гражданско-правовой эффект, а исключительно процессуальный, в связи с чем его квалификация в качестве гражданско-правовой сделки ошибочна, а единственно верным толкованием его правовой природы является наделение его свойствами процессуального договора¹. Юрисдикционная теория строится по модели разграничения компетенции арбитража и государственного суда как общего и частного². С этой точки зрения, арбитраж представляется формой разрешения гражданско-правового спора, выступающей альтернативой государственному суду.

Ключевым элементом данной конструкции также выступает арбитражное соглашение, которое в данном случае становится основанием для разграничения компетенции между государственным судом и арбитражем, играя роль процессуальной предпосылки, обосновывающей компетенцию соответствующего юрисдикционного органа. Как следствие, соотношение арбитражного соглашения с компетенцией арбитров в рамках юрисдикционной теории может быть отчетливо продемонстрировано при применении правового позитивизма.

Арбитражное разбирательство может существовать как альтернатива государственному суду, поскольку такая возможность предусмотрена законом. При этом закон устанавливает ряд условий, предопределяющих возникновение у арбитров компетенции на рассмотрение спора: субъектами должно быть заключено соглашение о передаче споров на рассмотрение третейского суда, а форма такого соглашения должна соответствовать критериям, закрепленным в законе.

Также примечательно, что в отличие от сторонников договорной теории, представители юрисдикционной теории разводят арбитражное соглашение и арбитражное решение как выражения двух разнонаправленных

¹ Курочкин С.А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство. М., 2013. С. 10-16.

² Ванеев А.С., Дякин Д.Б. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. N 1. С. 39.

воле: в первом случае – воли сторон, заключивших такое соглашение, а во втором – воли арбитров, вынесших данное решение.

С точки зрения юрисдикционной теории, круг субъектов, связанных арбитражным соглашением, определяется не волей сторон как таковой, а процессуальным законом, который закрепляет условия возникновения компетенции арбитража. Это означает, что арбитражное соглашение имеет строго определенный субъектный состав, охватывающий только тех лиц, которые прямо указаны в соглашении как его стороны. Выход за пределы этого состава, следовательно, может быть обоснован лишь прямым указанием процессуального закона, но не материально-правовой связью. Такой подход ограничивает возможность привлечения лиц, не подписавших арбитражное соглашение, поскольку процессуальный закон, как правило, не содержит норм, прямо предусматривающих распространение арбитражной оговорки на неподписантов. Вместе с тем, в рамках данной теории возможно признание связанности через институты процессуального правопреемства или замены стороны в процессе, но такие механизмы в большинстве своем носят исключительно процессуальный характер и не затрагивают материально-правовых оснований связанности.

Необходимость преодоления противоречий между двумя названными теориями привела к формированию теории *sui generis* (смешанной)¹. В ее рамках правовая природа арбитража раскрывается как набор черт, одновременно включающий как элементы гражданско-правовых черт арбитражного соглашения в качестве первоисточника для возникновения компетенции у арбитров, так и юрисдикционных оснований². Иными словами, часть вопросов, связанных с арбитражем, регулируется материальным правом, а другая часть – процессуальным.

¹ Лебедев С.Н. Указ. соч. С. 66-68.

² Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3 т. М., 2001. Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. С. 146.

Смешанная теория, сохраняя элементы как договорной, так и юрисдикционной концепций, не предлагает однозначного ответа на вопрос о субъектном составе арбитражного соглашения. Признавая, что арбитражное соглашение одновременно порождает материально-правовое обязательство и является основанием для процессуальной компетенции арбитров, смешанная теория оставляет открытой проблему распространения этого соглашения на лиц, формально не участвовавших в его заключении, допуская возможность как материально-правового, так и процессуально-правового обоснования такого распространения. Тем самым смешанная теория создает теоретическую основу для поиска баланса между консенсуальными началами арбитража и необходимостью учета сложности современных коммерческих отношений, но при этом не предлагает четких критериев для разрешения этого противоречия.

На своеобразный парадокс одновременной полярности и обоснованности каждой из теорий обращал внимание С.Н. Лебедев, отмечавший, что выделение в рамках каждой из них определенных особенностей арбитража не позволяет исключить обоснованность противостоящей теории¹. Более того, ни одна из них в отдельности не дает удовлетворительного ответа на вопрос о потенциальной возможности привлечения к участию в арбитражном разбирательстве лица, не подписавшего арбитражное соглашение и не выразившее согласия на участия в нем.

Однако для целей настоящего параграфа, посвященного добровольному вступлению неподписанта, этот недостаток теорий не является критическим. Дело в том, что при добровольном вступлении речь идет не о распространении арбитражной оговорки на лицо, которое не выражало согласия, а о признании действительным волеизъявления лица, которое уже выразило свою волю на участие в арбитраже, но не облекло её в надлежащую процессуальную форму. Следовательно, ключевой вопрос здесь не в том, как «привязать»

¹ Лебедев С.Н. Указ. соч. С. 120-125.

неподписанта к соглашению помимо его воли, а в том, как выявить и подтвердить его фактическое согласие, несмотря на формальный дефект.

Именно поэтому анализ теорий правовой природы арбитража приобретает для модели добровольного вступления неподписантов в участие в арбитражном разбирательстве принципиальное значение. Все три теории сходятся в одном: основанием компетенции арбитров всегда служит волевой акт сторон. Договорная теория прямо исходит из того, что арбитражное соглашение есть гражданско-правовой договор, и, следовательно, его действительность определяется прежде всего наличием материально-правового согласия, а не соблюдением определенной формы. Юрисдикционная теория, хотя и рассматривает арбитражное соглашение как процессуальный договор, также признает, что процессуальные последствия наступают только при наличии выраженной воли сторон. Смешанная теория, допуская двойственную природу арбитражного соглашения, подтверждает, что материальный элемент (согласие) и процессуальный (форма) являются взаимосвязанными, но при этом форма не может подменять собой содержание.

Таким образом, все теории при всей их полярности дают основание для вывода о первичности материальной воли по отношению к формальным требованиям. Именно это единство в понимании волевого начала позволяет преодолеть кажущееся противоречие между консенсуальной природой арбитража и возможностью добровольного вступления неподписанта. На первый взгляд, такое вступление может показаться нарушением аксиомы, согласно которой участниками арбитража являются только стороны арбитражного соглашения. Однако если согласие на арбитраж уже выражено лицом, то его формальное отсутствие в подписанном документе не означает отсутствия самого соглашения как материально-правового феномена.

Ключ к разрешению этого противоречия кроется в отказе от смешения двух самостоятельных элементов арбитражного соглашения – его содержания (материальной воли) и формы (процессуального выражения). Следование формальному подходу приводит к необоснованному отождествлению

арбитражного соглашения лишь с одной из его составных частей, тогда как для добровольного вступления достаточно установить, что волеизъявление лица было направлено на передачу спора в арбитраж, даже если оно не было облечено в предписанную законом форму.

Данные же категории являются взаимосвязанными, но абсолютно самостоятельными компонентами содержания понятия «арбитражное соглашение». При исследовании арбитражного соглашения необходимо выстроить иерархическую модель, которая будет отражать одновременно материально-правовой элемент (согласие на арбитраж) и процессуальный (форму арбитражного соглашения). В поддержку данного вывода можно привести позицию О.Ю. Скворцова, который обоснованно обращает внимание на то, что наличие термина «соглашение», имеющего первостепенно цивилистическую природу, не является достаточным основанием для отождествления арбитражного соглашения с гражданско-правовой сделкой в узком смысле, равным образом, как и термин «арбитражное» не позволяет ограничиваться исключительно процессуальными институтами. Следовательно, при исследовании арбитражного соглашения необходимо выстраивать иерархию, в которой материальный элемент (согласие) признается первичным, а процессуальный (форма) – вторичным, производным от содержания.¹

Представляется, что исходной предпосылкой для возникновения у арбитров компетенции должно служить именно выражение воли субъектами, их фундаментальное согласие на передачу спора в арбитраж². Компетенция арбитров, в любом случае, будет являться следствием выражения и оформления воли определённым образом. Примечательно, что указанная приоритизация согласия на арбитраж над формой его выражения была

¹ Скворцов О.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации». М.: ТК Велби, 2003. С. 45–46.

² Брун М.И. Третейский суд и его соглашение // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 7. С. 45–48; Носырева Е.И. Арбитражное соглашение: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. 2002. № 10. С. 85–87.

косвенно осмыслена в доктринальных трудах, написанных еще до формирования современного терминологического аппарата в сфере коммерческого арбитража, то есть до принятия Нью-Йоркской Конвенции.

Так, на первоочередность материального элемента, предшествующего возникновению у арбитров компетенции, указывали многие отечественные дореволюционные ученые. Например, А.Ф. Волков, со ссылкой на германское законодательство об арбитражном разбирательстве, указывал на то, что форма арбитражного соглашения не обязательно должна быть зафиксирована в письменном виде¹. Более того, согласие на разбирательство, по его мнению, может не выражаться в каком-либо едином акте, а также не требует наличия совместных подписей сторон на договоре².

Первичность волевого элемента в иерархии оснований для возникновения компетенции у арбитров прослеживается в трудах представителей отечественной дореволюционной науки, поддерживающих разные теории происхождения арбитража. Так, И.Е. Энгельман, будучи явным последователем договорной теории, указывал, что власть третейского суда основывается на воле частных лиц, которые, распоряжаясь свободно своими отношениями, вправе наделить такое лицо правом разрешения их споров³. Е.А. Нефедьев, придерживавшийся юрисдикционной теории, указывал, что в силу принадлежащего на основании закона тяжущимся права такие лица могут передавать на разрешение третейского суда свои споры при помощи третейского соглашения⁴. Таким образом, даже в рамках юрисдикционной теории волевой элемент признается необходимым условием, хотя и облеченным в определенную процессуальную форму.

¹ Волков А.Ф. Курс русского гражданского процесса. СПб.: Издание юридического книжного склада «Право», 1913. С. 112–115.

² Там же.

³ Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. С. 98–102.

⁴ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1904. С. 87–90.

Аналогичным образом, на современном этапе представители различных теорий правовой природы арбитража сходятся в том, что возникновение компетенции у арбитров невозможно без установления воли сторон правоотношения на передачу спора в арбитраж. Так, Дж. М. Хоскинг (J.M. Hosking), будучи представителем договорной теории и анализируя основания для возникновения у арбитров компетенции, охарактеризовал волевой компонент в виде согласия (*consent*) сторон на арбитраж как ключевой материально-правовой аспект, обеспечивающий само существование арбитража¹.

Таким образом, представляется обоснованным утверждение, что выражение воли (материальный элемент) является первой, первичной ступенью, которую необходимо преодолеть для формирования вывода о наличии у арбитров компетенции. Форма же (как процессуальный элемент) выступает в качестве вторичного, производного требования, призванного подтвердить и зафиксировать уже выраженную волю. Такой подход к приоритизации материального элемента по отношению к процессуальному в рамках анализа арбитражного соглашения как смешанного по своей правовой природе института не является случайным. Форма, а именно требования, предъявляемые законом к арбитражному соглашению, в любом случае следует за сущностью самого явления, а не предрешает и не подменяет смысл этого явления. Следование от обратного, когда формальное требование начинает доминировать над волей сторон, недопустимо, поскольку приводит к игнорированию правовой природы арбитража, необоснованно умаляя его консенсуальные истоки.

Резюмируя проведенный анализ теоретических основ, можно констатировать, что деконструкция понятия «арбитражное соглашение» позволяет выделить два самостоятельных элемента, раскрывающих его содержание, а именно:

¹ Hosking J.M. The Third-Party Non-Signatory's Ability to Compel International Commercial Arbitration: Doing Justice Without Destroying Consent // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. 2004. Vol. 4. No. 3. P. 475–478.

(1) материальный элемент в виде воли сторон, выраженной в форме согласия на передачу споров на рассмотрение и разрешение арбитров; и

(2) процессуальный элемент, понимаемый как форма выражения данной воли.

Таким образом, возникновение у арбитров компетенции на рассмотрение и разрешение спора в отношении или с участием какого-либо субъекта находится на пересечении двух категорий вопросов: вопросов материального права, связанных с установлением факта выражения согласия соответствующей стороной, и вопросов процессуального права, связанных с соблюдением формы арбитражного соглашения.

Для добровольного вступления неподписанта определяющее значение имеет установление факта его действительной воли на участие в арбитраже. Если такая воля подтверждена, дефект формы не должен служить непреодолимым препятствием. Именно на этом выводе, вытекающем из анализа теорий правовой природы арбитража, базируется дальнейшее исследование механизмов, позволяющих признавать неподписанта связанным арбитражным соглашением при его добровольном вступлении.

Вторая же модель (привлечение) порождает проблемы принципиально иного порядка, и даже само ее название должно вызывать множество вопросов теоретической направленности, связанных с консенсуальной природой арбитража.

Сама постановка вопроса о привлечении кого-либо к арбитражному разбирательству в отсутствие прямо выраженного согласия на арбитраж на первый взгляд противоречит фундаментальной аксиоме арбитража, согласно которой арбитражное разбирательство основано исключительно на добровольном согласии сторон. В отличие от первого сценария, где лицо само выражает желание участвовать в арбитражном разбирательстве, во втором сценарии лицо, формально не подписавшее арбитражное соглашение, объективно необходимо для полноценного разрешения спора. Однако оно не выражало и не выражает после инициирования спора какого-либо согласия на

участие в арбитражном разбирательстве или, более того, активно возражает против своего участия в разбирательстве.

Типичными ситуациями, иллюстрирующими данный сценарий, являются случаи, когда лицо выступает в качестве надлежащего ответчика по обязательству, солидарного должника (соответчика), лица, к которому впоследствии может быть предъявлено регрессное требование, контролирующего лица (материнской компании, бенефициара), фактически определявшего действия формальной стороны арбитражного соглашения. Во всех этих случаях лицо является субъектом, опосредованно связанным, с материальным правоотношением, из которого рассматривается спор, но оно не давало и не желает давать согласия в арбитражном разбирательстве.

Именно в этом заключается принципиальное отличие. В первом сценарии (добровольное вступление) проблема состоит в том, что лицо желает участвовать в арбитраже, но не соответствует формальным критериям, позволяющим приобрести соответствующий статус в рамках разбирательства. Во втором - проблема имеет принципиально иную природу.

Лицо необходимо для арбитража в силу своей материально-правовой связанности с обязательством, элементом которого является арбитражная оговорка, однако оно не выражало согласия на участие в арбитражном разбирательстве. В таком случае имеет место отсутствие прямого волеизъявления как такового (либо у самого неподписанта, либо у всех участников правоотношения) при наличии объективной материально-правовой связанности.

В такой ситуации дискуссия строится не вокруг конфликта формы и содержания при наличии выраженной воли на передачу спора в арбитраж, а вокруг консенсуальности арбитража в целом: может ли арбитражное соглашение связывать лицо, которое не выражало согласия на арбитраж, и если да, то на каком основании?

Решение этого вопроса, предлагаемое в настоящем исследовании, состоит в следующем. Согласие на арбитраж – это ключевой элемент, без

которого арбитраж не может существовать. Однако при привлечении согласие неподписанта на арбитраж *a priori* отсутствует в классическом понимании – как прямое, явно выраженное волеизъявление, облеченное в надлежащую форму.

В отличие добровольного вступления неподписанта, где воля имеется, но форма нарушена, во втором сценарии нет ни того, ни другого. Предлагаемое решение состоит в том, что согласие на арбитраж не должно сводиться исключительно к прямому акту волеизъявления, зафиксированному в формальном акте подписания. Согласие может быть восполнено через объективную материально-правовую связанность лица обязательством, элементом которого является арбитражное соглашение.

Иными словами, если лицо является субъектом материального правоотношения, элементом которого выступает арбитражная оговорка, то оно связано этой оговоркой независимо от того, подписывало ли оно соглашение и выражало ли явное согласие на участие в инициированном или будущем арбитражном разбирательстве. Связанность арбитражным соглашением в таких случаях производна от связанности материально-правовым обязательством. Именно поэтому для рассмотрения конструкции привлечения необходимо обращение к объективным юридическим фактам, порождающим материально-правовую связанность.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что проблема участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве является сложносоставной. В случае добровольного вступления речь идет о конфликте формы и содержания арбитражного соглашения, который разрешается через признание приоритета согласия на арбитраж над формальными требованиями. В случае необходимости привлечения при отсутствии волеизъявления проблема выходит за рамки конфликта формы и содержания. Его решение состоит в том, что согласие на арбитраж не должно фиктивно конструироваться, а должно выявляться через

объективные материально-правовые факты, устанавливаемые на основе норм материального права.

Изложенное предопределяет необходимость обращения к анализу объективных юридических фактов, порождающих связанность лица арбитражным соглашением, что будет предметом рассмотрения в следующем параграфе настоящей главы.

1.3. Привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в третейском разбирательстве: основания для установления связанности арбитражным соглашением

Как уже было установлено выше, в рамках первой возможной формы участия лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве ключевая проблема сводится к конфликту формы и содержания арбитражного соглашения, который разрешается через признание приоритета согласия на арбитраж над требованиями применимого права к форме выражения такого согласия¹.

Однако для второй формы, основанной на принуждении лица к участию в третейском разбирательстве, конфликт формы и содержания не является определяющим, поскольку в классическом смысле отсутствует как надлежащая форма арбитражного соглашения, так и воля неподписанта на участие в арбитражном разбирательстве, и отдача приоритета содержания над формой сама по себе не решает возникающую проблему.² Если в первом сценарии содержание (согласие на арбитраж) имеется, но форма нарушена, то во втором сценарии содержание в классическом понимании отсутствует: неподписант не выражал согласия на арбитраж и, более того, может активно возражать против своего участия в арбитражном разбирательстве.

В этой связи возникает закономерный вопрос: где искать это содержание, если неподписант не желает участвовать в разбирательстве, но его привлечение необходимо для вынесения арбитражного решения по существу спора? Представляется, что ответ на данный вопрос состоит в том, что в таком случае согласие на арбитраж применительно к неподписанту выражается не в его непосредственном волеизъявлении, а в его восполнении в силу объективной материально-правовой связанности обязательством, элементом которого выступает арбитражное соглашение.

¹ Born G. Op.cit. P. 125-130.

² См: Авраменко М.А. Согласие на арбитраж: проблема соотношения формы арбитражного соглашения и волеизъявления сторон // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 29–34.

Вопрос о соотношении материального и процессуального начал традиционно занимает одно из центральных мест в цивилистической процессуальной науке. Как убедительно показывает Д.Б. Абушенко, материальное право оказывает на цивилистический процесс не фрагментарное, а системное влияние: оно определяет виды производств, основания наделения субъектов статусом лиц, участвующих в деле, предмет доказывания, основания отмены и изменения судебных актов¹. При этом наряду с системным влиянием автор выделяет так называемые «частные вкрапления» материального права в процессуальную «ткань», которые не требуют создания корреспондирующих процессуальных моделей, но тем не менее учитываются законодателем².

Представляется, что аналогичная логика применима и к третейскому разбирательству. Вопрос распространения компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, не выражавшего прямого согласия на участие в третейском разбирательстве, но участие которого необходимо, не может быть понят в отрыве от материально-правовых конструкций, опосредующих связанность такого лица обязательством, элементом которого выступает арбитражная оговорка.

Указанная связанность порождается объективными юридическими фактами, а именно обстоятельствами, с которыми нормы материального права связывают возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Такие факты либо существуют, либо нет: их не нужно создавать или фиктивно признавать, их необходимо устанавливать в ходе арбитражного разбирательства. Установление соответствующих объективных юридических фактов восполняет дефект отсутствия прямого волеизъявления неподписанта на участие в арбитражном разбирательстве. При этом согласие на арбитраж сохраняет свою фундаментальную роль как краеугольное основание

¹ Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. С. 2-5.

² Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. С. 11-14.

арбитража, но о его наличие или отсутствие устанавливается не через формальный акт подписания или иную форму прямого волеизъявления, а через объективные юридические факты, порождающие материально-правовую связанность обязательством.

На первый взгляд, данному подходу может противоречить общепризнанная презумпция автономности (*separability*) арбитражного соглашения¹. Согласно данной презумпции, арбитражное соглашение считается самостоятельным по отношению к основному договору: недействительность, расторжение или иные пороки основного договора не влекут недействительность арбитражной оговорки². Ее значение для арбитражной практики трудно переоценить: именно автономность арбитражного соглашения позволяет арбитрам рассматривать спор по существу, даже если сторона заявляет о недействительности основного договора.

Может возникнуть предположение, что данная презумпция исключает возможность рассмотрения арбитражного соглашения как части основного обязательства для целей определения субъектного состава арбитражного разбирательства. Если арбитражное соглашение автономно, то оно существует отдельно от основного договора. Следовательно, и круг лиц, им связанных, должен определяться независимо от связанности основным обязательством. Представляется, однако, что данное возражение основано на ошибочном расширительном толковании данной презумпции, поскольку она призвана действовать только в одном направлении, а именно – защищать арбитражное соглашение от пороков основного договора (недействительность, расторжение, незаключенность и т.д.)³. Это процессуальный принцип,

¹ См.: Ануров В.Н. Отделимость третейского соглашения // Вестник гражданского процесса. 2025. N 3. С. 54 - 75.

² Поллсон Я. Идея арбитража / пер. с англ.; под ред. Н.А. Бабаджаняна. М.: Российский институт современного арбитража, 2021. С. 100.

³ Dimolitsa A. Separability and kompetenz-kompetenz // Improving the efficiency of arbitration agreements and awards: 40 years of application of the New York Convention / Ed. by A.J. van den Berg; Int. Bureau of the Permanent Court of Arbitration. The Hague, 1999. P. 227 - 228. (ICCA congress series; N 9).

обеспечивающий стабильность и эффективность арбитражного соглашения, но не отвечающий на вопрос о субъектном составе арбитражного соглашения. Как справедливо отмечает Г. Борн, автономность арбитражного соглашения означает лишь одно: оно не разделяет судьбу основного договора в случае его недействительности, но это не означает, что арбитражное соглашение полностью изолировано от основного правоотношения для всех иных целей¹. Таким образом, несмотря на признание автономности арбитражного соглашения как процессуального принципа, вопрос о субъектном составе арбитражного соглашения остается открытым и должен решаться на основе иных подходов.

В зарубежной доктрине одним из подходов был сформулирован в 2017 году С. Брекулакисом в работе «Rethinking Consent in International Commercial Arbitration»². Критикуя существующие материально-правовые теории, обосновывающие возможность распространения арбитражного соглашения на неподписантов³, как основанные на фикции подразумеваемого согласия, С. Брекулакис предлагает сместить фокус исследования с категории «согласие» на категорию «спор». Так, по его мнению, основанием для привлечения неподписанта к арбитражному разбирательству должна служить его неразрывная вовлеченность в спор, являющийся предметом арбитражного разбирательства. С. Брекулакис утверждает, что неподписант привлекается к арбитражу не потому, что он действительно согласился на арбитраж, а потому, что было бы несправедливо, если бы ему было позволено его избежать⁴.

Данная концепция содержит важное рациональное зерно, которое, однако, нуждается в корректировке. С. Брекулакис справедливо отмечает, что в условиях сложных многосторонних правоотношений формальная принадлежность к арбитражному соглашению не должна быть единственным

¹ Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021. P. 493–495; см. также: *Enka Insaat ve Sanayi AS v. OOO Insurance Company Chubb* [2020] UKSC 38, ¶ 53(iv).

² Brekoulakis S. Rethinking Consent in International Commercial Arbitration: A General Theory for Non-signatories // Journal of International Dispute Settlement. 2017. Vol. 8, No. 4. P. 610–643.

³ Brekoulakis S. Op. cit. P. 615-616.

⁴ Brekoulakis S. Op. cit. P. 617.

критерием для определения круга лиц, участвующих в арбитражном разбирательстве, и что во многих случаях неподписанты фактически находятся в центре гражданско-правового правоотношения и возникшего из него спора, но не непосредственной стороной арбитражного соглашения¹. Однако предлагаемое им решение вызывает серьезные возражения.

Во-первых, предложенная концепция создает ложную дихотомию, противопоставляя согласие, которое критикуется как фикция для неподписантов, привлечению, которое предлагается в качестве альтернативы. Отказываясь от согласия, не происходит какого-либо восполнения в форме выраженного юридического критерия. Неразрывная вовлеченность в спор представляет собой оценочную категорию, которая не дает арбитрам предсказуемых ориентиров для принятия решения о наличии или отсутствии компетенции на рассмотрение спора с участием лица, которое возражает против своего привлечения к разбирательству. Как следствие, такая неопределенность создает риски произвольного правоприменения и лишает всякий осмысленной прогнозируемости действий, направленных на привлечение к разбирательству. Если основанием для привлечения является «неразрывная вовлеченность в спор», то фактически любой участник коммерческого проекта, так или иначе связанный со спорным правоотношением, может быть привлечен к арбитражному разбирательству без установления его материально-правовой связанности.

Во-вторых, в концепции не учитывается, что в большинстве случаев неподписанты связаны арбитражным соглашением не фиктивно, а объективно – через юридические факты, установленные нормами материального права: правопреемство, представительство, контроль над стороной, различные модели ответственности нескольких должников. Это не фикция, а установление субъектного состава обязательства, элементом которого является арбитражная оговорка.

¹ Brekoulakis S. Op. cit. P. 618.

В-третьих, *de facto* смешиваются две разные проблемы: сложность доказывания согласия в отдельных случаях и отсутствие материально-правовых оснований для установления, пускай и косвенного, согласия. Из того, что в некоторых случаях сложно доказать косвенное согласие, не следует, что нужно отказываться от самой концепции согласия как краеугольного основания арбитража. Напротив, это означает необходимость разработки четких критериев для его установления.

Наконец, принципиальное возражение вызывает сама логика построения концепции: она выстроена на том, что неподписант привлекается к арбитражу не потому, что он дал согласие, а потому, что было бы несправедливо позволить ему избежать арбитража. Однако оперирование категорией «справедливость» в данном контексте, особенно за границами системы общего права (*common law*) представляется еще более проблематичным, чем установление неразрывной вовлеченности в спор. Если для установления вовлеченности еще можно предпринять попытку конструирования объективных критериев для признания наличия или отсутствия такой вовлеченности, то справедливость, очевидно, не имеет каких-либо форм обобщения, которые необходимы международному коммерческому арбитражу. Ни арбитражные регламенты, ни национальные законы об арбитраже не содержат указаний на то, как следует определять справедливость при решении вопроса о привлечении неподписанта. Какие последствия повлечет за собой признание привлечения или не привлечения лица, не подписавшего арбитражного соглашения, несправедливым? Как устанавливать эту справедливость в каждом конкретном случае? Все указанные вопросы категорично влияют на прогнозируемость разрешения арбитражем вопросов о наличии компетенции на рассмотрение спора и эскалируют потребность в интервенции государственных судов в форме заявлений об отмене и т.д.

Представляется, что существует третий путь, который не сводится ни к фиктивному конструированию согласия, которое небезосновательно

критикуется С. Брекулакисом, ни к отказу от него, что подрывает саму сущность арбитража как формы рассмотрения и разрешения споров, отличной от императивного государственного судопроизводства.

Данный путь заключается в установлении объективной материально-правовой связанности обязательством, элементом которого выступает арбитражное соглашение. Вместо того чтобы отказываться от согласия как юридической категории, выработанная в рамках данного исследования концепция сохраняет его фундаментальную роль для арбитража как юрисдикционной формы защиты, но выявляет его через объективные юридические факты, а не через прямое волеизъявление.

Предлагаемая в концепция свободна от указанных недостатков, поскольку предлагает обращение к объективным юридическим фактам, установленным нормами материального права.

Связанность неподписанта арбитражным соглашением – это не вопрос справедливости, а вопрос установления субъектного состава материального правоотношения, элементом которого является арбитражное соглашение. Если такие факты установлены, привлечение неподписанта является юридически обоснованным, если нет – привлечение невозможно. Такой подход обеспечивает правовую определенность и предсказуемость, которые отсутствуют в концепции С. Брекулакиса. Задача арбитра, таким образом, состоит не в том, чтобы конструировать согласие или формулировать идеи справедливости, а установить наличие или отсутствие этих фактов.

Таким образом, необходимо установить, как лицо, не выражавшее согласие на арбитраж, может быть связано арбитражным соглашением. Как было показано выше, ответ состоит в том, что согласие на арбитраж сохраняет свою фундаментальную роль как краеугольное основание арбитража, однако его наличие устанавливается не через прямое волеизъявление, а через объективные юридические факты, порождающие связанность арбитражным соглашением и восполняющие отсутствие прямого волеизъявления на участие в арбитражном разбирательстве в надлежащей форме. Привлечение

становится допустимой формой отклонения от общепринятого стандарта, выраженное в восполнении пробельности при помощи применения соответствующих норм права.

В практике международного коммерческого арбитража и государственных судов выработан ряд материально-правовых доктрин¹, позволяющих установить такую связанность. Каждая из этих доктрин представляет собой юридическую конструкцию, в рамках которой лицо признается субъектом материального правоотношения, элементом которого выступает арбитражное соглашение, независимо от того, подписывало ли оно соглашение и выражало ли прямое согласие на арбитраж в иной форме². Следовательно, рассмотрение указанных доктрин позволяет не только систематизировать накопленный правоприменительный материал, но и сформулировать в дальнейшем понятие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, через призму тех материально-правовых институтов, которые служат основанием для их привлечения к участию в арбитражном разбирательстве.

К числу таких доктрин относятся посредничество (агентирование и представительство), доктрина группы компаний, доктрина «альтер эго» («прокалывание корпоративной вуали»), доктрина подразумеваемого согласия (*implied consent*), а также правопреемство (универсальное и сингулярное). Указанные доктрины, несмотря на их закрепление в нормах различных национальных правовых порядков, обнаруживают сходные черты и могут быть признаны универсальными механизмами, позволяющими арбитрам устанавливать связанность неподписанта арбитражным соглашением в отсутствие непосредственного волеизъявления.

Посредническая теория. Одной из наиболее распространенных ситуаций, в которых возникает необходимость исследования возможности привлечения к арбитражу неподписантов, являются правоотношения,

¹ Schwenzer I., Mohs F. Arbitration Clauses in Chains of Contracts // ASA Bulletin. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 213-214.

² Schwenzer I., Mohs F. Op. cit. P. 221-222.

осложненные участием посредников, таких как представители, агенты, поручители. Анализируемому основанию в англоязычной литературе по международному коммерческому арбитражу присвоено название «агентирование и представительство» (*representation and agency*), однако полагаем, что наиболее точным понятием для обобщения данных связанных теорий будет понятие «посредничество»¹.

При установлении обстоятельств дела и определении связанности конкретных субъектов арбитражным соглашением в рамках данной теории выделяются два параллельных направления:

(1) связанность посредника арбитражным соглашением, которое заключено в интересах третьего лица; и

(2) связанность арбитражным соглашением лица, в чьих интересах действовал посредник.

Б. Анотью (B. Hanotiau), один из самых видных зарубежных исследователей комплексных арбитражных разбирательств, приводит ряд дел и правовых подходов в странах континентального и общего права, посвященных установлению связанности арбитражным соглашением таких посредников². Встречаются как случаи, в которых неподписанты-посредники привлекаются к разбирательству, а также противоположные ситуации, когда связанность обязательством из арбитражного соглашения не была установлена.

Так, поверенный, действующий по поручению доверителя в его интересах и от его имени, не принимает на себя обязательство участвовать в арбитражном разбирательстве, поскольку поручение по заключению соответствующего арбитражного соглашения в волевом смысле исходило именно от доверителя. Напротив, посредник, действующий от своего имени, должен быть связан арбитражным соглашением в материальном смысле, если заключил его для целей исполнения собственных обязательств перед третьим

¹ Hanotiau B. Op. cit. P. 187-190.

² Hanotiau B. Op.cit. P. 187-190.

лицом, в то время как связанность же арбитражным соглашением такого третьего лица, скорее всего, установить не удастся из-за отсутствия согласия с его стороны¹.

Ситуации использования посреднических материально-правовых оснований для установления компетенции арбитров встречаются и в актуальной практике российских арбитражных судов.

Так, например, в рамках дела № А40-264409/2019 арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении заявления об отмене решения арбитража *ad hoc*². Доводы заявителя сводились к тому, что спор, рассмотренный составом арбитража, не охватывался арбитражной оговоркой, а решение было вынесено в отношении лиц, которые данную оговорку не подписывали. Суд посчитал, что арбитраж был компетентен рассматривать спор в отношении лиц, не подписавших арбитражную оговорку, поскольку в роли неподписантов выступали лица, находящиеся под контролем непосредственных сторон договора. Соглашение, из которого возник спор, содержало условие о том, что подписанты выступают в качестве представителей подконтрольных им лиц³. Определение Арбитражного суда г. Москвы было оставлено без изменения Арбитражным судом Московского округа и Верховным Судом РФ⁴.

Таким образом, в рамках посреднической теории возможность привлечения неподписанта-посредника к разбирательству находится в прямой зависимости от установления волевого элемента через призму конкретной материально-правовой конструкции. В случае, когда посредник выражает свою волю на арбитраж, но при этом не может быть признан формальной

¹ Поверенный, действующий по поручению доверителя, в его интересах и от его имени не принимает на себя обязательства в арбитражном разбирательстве, поскольку поручение по заключению соответствующего арбитражного соглашения в волевом (материальном) смысле исходило именно от доверителя. Напротив, посредник, который действует от своего имени, должен быть связан арбитражным в материальном смысле, если заключил такое арбитражное соглашение для целей исполнения собственных обязательств перед третьим лицом, а связанность арбитражным соглашением такого третьего лица скорее всего установить не получится из-за отсутствия согласия со стороны такого лица на арбитражное соглашение.

² Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2019 по делу № А40-264409/2019 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 21.08.2020 по делу № А40-264409/19 СПС «Консультант Плюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 25.02.2021 по делу № А40-264409/19 СПС «Консультант Плюс».

стороной соглашения, посредническая теория позволяет восполнить пробел отсутствия соглашения для придания исполнимости изначальной воле (согласию) неподписанта.

Теории группы компаний и «альтер эго». Значительное внимание в доктрине уделяется основаниям, связанным с привлечением неподписантов на основании наличия различных форм корпоративной связи между лицом, которое непосредственно является стороной арбитражного соглашения, и лицом, имеющим корпоративную связь с этой стороной. Наличие данной связи при применении определенных конструкций материального права позволяет на практике признавать, что одно лицо выражало волю за другое или что такая воля является солидарной.

В публикациях данные основания для привлечения лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к участию в арбитражном разбирательстве, аналогично именуются по названиям материально-правовых доктрин: «доктрина группы компаний» и доктрина «альтер эго» (прокалывание корпоративной вуали¹). Объединение указанных доктрин в одну подгруппу в рамках настоящего анализа представляется логичным, поскольку рассматриваемые основания тесно связаны с вопросами фактического возникновения «солидарного» обязательства между связанными лицами по основаниям различных индикаторов, опосредующих корпоративную связь: подконтрольность, возможность дачи указаний, действие лиц в едином интересе².

Отправной точкой для использования доктрины «группы компаний» для привлечения неподписантов стало резонансное дело *Dow Chemical v. Isolver Saint Gobain*, рассмотренное составом арбитража по арбитражному

¹ Woolhouse S.P. Group of Companies Doctrine and English Arbitration Law // Arbitration International. 2004. Vol. 20. No. 4. P. 435.

² Подробные критерии закреплены в ст. 67.3 ГК РФ. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. – Ст. 67.3.

регламенту Международной торговой палаты (ICC)¹. В рамках данного дела требования были предъявлены материнской компанией группы, которая не являлась формальной стороной арбитражного соглашения. Состав арбитража пришел к выводу о наличии собственной компетенции на рассмотрение требований неподписанта с учетом следующих фактических обстоятельств: действия всех лиц, входящих в группу, были объединены общими целями и мотивами; «неподписант» принимал активное участие в согласовании условий договора, из которого возник спор, и имел возможность определять действия формальных подписантов арбитражного соглашения. При этом определяющим критерием в рамках данной доктрины, согласно более современным исследованиям, является взаимное желание сторон арбитражного соглашения распространить ее действие на других (третьих) лиц, которые входят в группу компаний одной из сторон².

В то же время стоит отметить, что данная теория не нашла широкого распространения на практике, а упомянутый выше Б. Анотью критически высказался о ее самостоятельности, указав на то, что установление намерения является в действительности разновидностью уже сформулированных консенсуальных теорий³.

Теория «альтер эго» (прокалывание корпоративной вуали) в большей степени используется как конструкция, описывающая основания и допустимые случаи привлечения к солидарной ответственности одного лица по долгам и обязательствам другого лица (например, бенефициара/участника должника по долгам непосредственной стороны обязательства). В российском

¹ ICC Interim Award in Case No. 4131, *Dow Chemical France, The Dow Chemical Company, Dow Chemical A.G., Dow Chemical Europe v. Isover Saint Gobain*, 23 September 1982 // *Journal du droit international (Clunet)*. 1983. P. 899-905.

² Fouchard Ph., Gaillard E., Goldman B. *On International Commercial Arbitration*. P. 1153 - 1178; Born G. *International Commercial Arbitration*. P. 1169 - 1170.

³ Анотью Б. Согласие на участие в арбитраже: разделяем ли мы общее мнение? // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2013. N 1. С. 74 - 92.

праве указанная теория имплементирована в качестве нормы о солидарной ответственности основного общества по долгам дочернего¹.

При этом в правоприменительной практике, связанной с границами субъектного распространения арбитражной оговорки, доктрина «альтер эго» нашла свое отражение как самостоятельное основание для привлечения неподписанта к арбитражу.

В США, например, доктрина «альтер эго» как основание для установления связанности арбитражным соглашением неподписанта была применена в деле *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*². Спор возник из концессионного соглашения, заключенного между аргентинской компанией *Bridas* и туркменской государственной корпорацией «Туркменнефть». В рамках арбитражного разбирательства к участию в споре в качестве соответчика было привлечено Правительство Республики Туркменистан, которое не являлось формальной стороной арбитражного соглашения³. Состав арбитража привлек к участию в споре неподписанта и впоследствии вынес против него решение со ссылкой на доктрину «альтер эго». Апелляционный суд по пятому округу США, рассматривая заявление об отмене арбитражного решения, указал на ряд правовых критериев, позволяющих со ссылкой на доктрину «альтер эго» привлекать к арбитражному разбирательству неподписантов, в частности, когда неподписант осуществлял абсолютный контроль в отношении стороны арбитражного соглашения.

Вопрос привлечения неподписанта по основанию «альтер эго» возникал и применительно к спорам о наличии компетенции у конкретного государственного суда, когда сторонами соглашения делается выбор в пользу

¹ Шиткина И. "Снятие корпоративной вуали" в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. N 2. С. 3 - 26., Мамагеев В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 3. С. 36 - 73.

² *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).

³ Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 80-125.

того или иного национального суда. Одним из знаковых дел с участием российских лиц является дело *VTB Capital v. Nutritek International*¹. В рамках данного дела стороной соглашения, содержащего оговорку о выборе юрисдикционного органа, являлось российское общество Русагропром. В судебном разбирательстве судом исследовались вопросы, связанные с подконтрольностью и злоупотреблением корпоративной формой как основанием для возникновения обязательства из пророгационной оговорки у неподписанта.

Актуальность вопроса о допустимости привлечения неподписанта по основаниям материально-правовой связи со стороной арбитражного соглашения прослеживается для российского правопорядка не только через прецеденты иностранных судов, но и находит отражение в практике отечественных судов.

Так, в рамках дела о признании и приведении в исполнение решения арбитража Лондонского международного третейского суда (LCIA) рассматривался вопрос о возможности признания и приведения в исполнение решения, вынесенного против неподписанта². Спор возник из соглашения между В. Смагиным и компанией Kalken Holdings Limited. В качестве соответчика был привлечен А. Егиазарян. Фактические обстоятельства дела и требования сторон возникли из двух разных соглашений, заключенных в 2006 и 2008 годах соответственно, при этом круг сторон в рамках данных соглашений тоже не был тождественным. А. Егиазарян не являлся стороной соглашения 2008 года, однако компания Kalken Holdings Limited, являвшаяся стороной обоих соглашений, контролировалась им. Несмотря на это, арбитры пришли к выводу о наличии компетенции на рассмотрение требований в отношении неподписанта в силу подконтрольности непосредственной стороне

¹ *VTB Capital plc v Nutritek International Corp and others*, [2013] UKSC 5, on appeal from: [2012] EWCA Civ 808. URL: https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2012_0167_judgment_cb19351e6b.pdf.

² LCIA Final Award in Case No. 101721, *Vitaly Ivanovich Smagin v. Kalken Holdings Limited and Ashot Yegiazaryan*, 11 November 2014, URL: <https://www.transnational-dispute-management.com/legal-and-regulatory-detail.asp?key=32223>.

арбитражного соглашения¹. Результатом стало солидарное удовлетворение требований в отношении А. Егiazаряна и компании Kalken Holdings Limited.

Впоследствии Арбитражный суд г. Москвы² и Арбитражный суд Московского округа³ при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение данного арбитражного решения на территории Российской Федерации последовательно отказали заявителю. Первое основание для отказа было связано с несоблюдением формальных требований о предъявлении требования в течение трех лет с момента вынесения решения, предусмотренное ст. 246 АПК РФ. В качестве второго, самостоятельного основания, судами было указано на несвязанность А. Егiazаряна арбитражной оговоркой, поскольку он не являлся стороной соглашения, содержавшего арбитражную оговорку в пользу LCIA. Примечательно, что в 2017 году Высокий суд Англии и Уэльса и Апелляционный суд⁴, рассматривая заявление об отмене данного решения, пришли к противоположному выводу об отсутствии оснований для отмены, сочтя, что арбитры обоснованно пришли к выводу о наличии собственной юрисдикции в отношении А. Егiazаряна⁵.

Похожий случай встречался и в практике Высшего Арбитражного Суда РФ, рассматривавшего дело об отмене решения МКАС при ТПП РФ. В рамках рассматриваемого дела арбитры привлекли к участию в деле в качестве соответчика Правительство города Москвы, которое не являлось стороной арбитражного соглашения, но контролировало Департамент строительства города, которое являлось непосредственной стороной заключенного арбитражного соглашения⁶. Арбитражное решение было впоследствии

¹ Там же.

² Определение Арбитражного суда г. Москвы от 02.11.2022 по делу № А40-10824/22 СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2023 по делу № А40-10824/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ *Yegiazaryan v Smagin* [2016] EWCA Civ 1290 (19 December 2016). URL: <https://jusmundi.com/fr/document/decision/en-vitaly-ivanovich-smagin-v-kalken-holdings-limited-ashot-yegiazaryan-judgment-of-the-court-of-appeal-civil-division-monday-19th-december-2016>.

⁵ *A v B* [2015] EWHC 1944 (Comm) (9 July 2015).

⁶ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2013 по делу № А40- 41781/13-69-197 // СПС «Консультант Плюс».

отменено Федеральным арбитражным судом Московского округа¹, позиция которого была поддержана Высшим Арбитражным Судом РФ². Примечательно, что обе судебные инстанции поддержали саму идею возможности распространения обязательства из арбитражного соглашения со ссылкой на доктрину прокалывания корпоративной вуали, но посчитали, что данная доктрина может применяться только в частно-правовых отношениях, а не в публично-правовых. Таким образом, еще в 2013 году высшая судебная инстанция подтвердила принципиальную допустимость использования прогрессивных концепций для определения круга лиц, связанных арбитражным соглашением, однако оставив открытым вопрос о критериях их применения к публично-правовым образованиям.

Несмотря на это, в доктрине и практике по-прежнему отсутствует единый подход: если в спорах между частными лицами (как в деле Егiazаряна) суды готовы признавать контроль в качестве основания для распространения оговорки, то в отношении государства и его органов применяется иммунитет. Представляется, что для устранения этого противоречия необходимо в каждом конкретном случае исследовать не формальный статус лица, а его фактическую роль в коммерческой деятельности и степень влияния на сторону арбитражного соглашения.

Иными словами, если публично-правовое образование выступает в гражданском обороте как равный участник (например, через коммерческие организации), отказ в привлечении его к участию в арбитражном разбирательстве по формальному признаку его статуса создает необоснованные преимущества и позволяет злоупотреблять предоставленными иммунитетами. Более сбалансированным представляется подход, при котором применение доктрины «альтер эго» к публичным лицам должно быть принципиально возможным, но ограничено строгими

¹ Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 05.09.2013 по делу № А40-41781/13-69-19 // СПС «Консультант Плюс».

² Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2013 по делу № А40-41781/13-69-197 // СПС «Консультант Плюс».

критериями (например, прямое указание со стороны государства, смешение активов и обязательств), а бремя доказывания таких обстоятельств должно лежать на истце.

Представляется, что основания для привлечения неподписанта, связанные с материально-правовыми теориями ответственности одного лица по долгам другого, обоснованно являются одними из наиболее популярных и исследуемых доктрин. Это обстоятельство, на наш взгляд, не является случайностью, а отражает действительно острую проблему, регулярно встречающуюся в правоприменительной практике и требующую особого внимания со стороны исследователей. Возможность или невозможность установления солидарной ответственности в рамках единственного разбирательства (без необходимости инициирования последующего процесса в ином юрисдикционном органе) прямо предопределяет, насколько целесообразным средством является арбитраж в вопросах восстановления нарушенных прав. При следовании строго консервативному подходу в вопросах границ компетенции арбитража можно было бы прийти к заключению о существенной ограниченности возможностей арбитража.

В случае, если в какой-либо юрисдикции законодатель стремится сместить баланс между судами и арбитражами в пользу последнего (например, в силу загруженности или дороговизны национальных судов), логично предположить, что в правоприменительной практике будут формироваться более толерантные подходы к вопросам привлечения неподписантов.

Данный тезис, на наш взгляд, наглядно подтверждается обзорными данными судебной практики в различных юрисдикциях.

Так, как отмечает Д.А. Хоцанов, в США поддерживаются наиболее либеральные подходы к определению круга распространения арбитражного соглашения, в то время как в Англии актуальны более консервативные подходы, ограничиваемые обозначенным выше принципом относительности

договорных отношений (*privity of contract*)¹. Х. Чаухан (H. Chauhan) отмечает, что индийские суды достаточно консервативны и не стремятся активно применять материально-правовые институты, позволяющие в других правовых порядках привлекать неподписантов².

Подразумеваемое согласие. В качестве третьей подгруппы материально-правовых оснований, выработанных для привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве, выделяется доктрина «подразумеваемого согласия» (*implied consent*)³. Данное основание сформировалось в теории и практике международного коммерческого арбитража как реакция на несоблюдение требований к форме арбитражного соглашения при наличии ряда фактических обстоятельств, свидетельствующих о том, что неподписант выразил согласие на арбитраж.

Как справедливо отмечает С.В. Лысов, при использовании основания «подразумеваемого согласия» зачастую речь идет о поведении соответствующей стороны до возникновения спора (например, на стадии заключения или исполнения обязательств по договору)⁴. Если лицо осуществляет права и обязанности в рамках договора, содержащего арбитражную оговорку, как непосредственная сторона данного обязательства, то такое лицо следует считать связанным арбитражным соглашением даже при несоблюдении формальных предпосылок в виде подписания арбитражного соглашения в форме, предписанной законом.

Одним из классических примеров использования подразумеваемого согласия в качестве основания для распространения компетенции состава арбитража на рассмотрение требований в отношении неподписанта является дело *Compagnie de Navigation et Transports SA v. MSC Mediterranean Shipping*

¹ Хоцанов Д.А. Арбитражное соглашение и его неподписанты: некоторые общие замечания // Коммерческий арбитраж. 2022. № 1(8). С. 76–87.

² Chauhan H. Impleading of Non-Parties in Arbitration Proceedings // SSRN. 2016. 8 Apr. URL: <https://ssrn.com/abstract=2761118>.

³ Nanotiau B. Op.cit. P. 280.

⁴ Лысов С.В. Участие в арбитражном разбирательстве лиц, не являющихся подписантами арбитражного соглашения // Вестник международного коммерческого арбитража. 2015. № 1. С. 31.

*Company SA*¹. Спор о компетенции состава арбитража возник между сторонами в связи с тем, что арбитражная оговорка содержалась в коносаменте, составленном отправителем². Поскольку коносамент является транзакционным документом, сопровождающим груз по пути его следования, сторонами подписывались соответствующие копии, и у одной стороны спора отсутствовал экземпляр, надлежащим образом подтверждающий согласие другой стороны на арбитраж.

При рассмотрении спора одна из сторон ссылалась на отсутствие у арбитров компетенции в связи с отсутствием арбитражного соглашения, заключенного в соответствии с требованиями Нью-Йоркской Конвенции. Арбитры не согласились с данным подходом и пришли к выводу о наличии собственной компетенции, применив материально-правовую доктрину «подразумеваемого согласия».

Швейцарские суды, рассматривая заявление об отмене арбитражного решения, сочли, что арбитраж обоснованно пришел к выводу о наличии юрисдикции. Высшая судебная инстанция Швейцарии указала, что в некоторых ситуациях вывод о действительности и заключенности арбитражного соглашения может быть сделан на основании поведения сторон; применительно к обстоятельствам данного дела таким поведением следует считать наличие подписи стороны на копии документа и непосредственное исполнение обязательств по соглашению с арбитражной оговоркой.

Возникновение подразумеваемого согласия как основания для возникновения компетенции у арбитров на рассмотрение споров в отношении конкретного неподписанта возможно и в рамках самого разбирательства. В таком случае подразумеваемое согласие может быть установлено на основании действий стороны по реализации предоставленных процессуальных прав в рамках арбитража.

¹ *Compagnie de Navigation et Transports S.A. v. MSC (Mediterranean Shipping Company) S.A* (Swiss federal Tribunal, 16 January 1995), *Yearbook Commercial Arbitration* XXI, 1996.

² Коломиец А.И. Перспективы современного толкования требований к письменной форме арбитражного соглашения // *Право и экономика*. 2011. N 9. С. 75 - 79.

Так, А. Ван Флит (A. Van Fleet), анализируя арбитражную и судебную практику о привлечении неподписантов, пришел к выводу о том, что суды подтверждают наличие у арбитров компетенции на рассмотрение споров с участием неподписантов в случаях, когда соответствующие лица совершали процессуальные действия в рамках разбирательства¹. Если неподписанты совершали активные действия (например, подавали процессуальные документы), впоследствии такие лица не могут ссылаться на отсутствие компетенции у арбитров. Суды США, как отмечает автор, придерживаются подхода, согласно которому совершение процессуальных действий можно расценивать в качестве самостоятельной формы выражения согласия на арбитраж и признания его компетенции².

Делая оговорку о том, что формальное совершение какого-либо процессуального действия не следует расценивать в качестве безусловного признания лицом компетенции арбитража, важно отметить, что доктрина подразумеваемого согласия позволяет восполнять формальный пробел отсутствия арбитражного соглашения, соответствующего применимому законодательству, при помощи исследования обстоятельств, имеющих отношение к материально-правовой стороне содержания арбитражного соглашения. При этом речь не идет о подмене материального элемента, а об установлении воли стороны на рассмотрение спора в арбитраже, которая сохраняет ключевую роль при анализе конкретного дела.

Правопреемство. Правопреемство представляет собой одно из наиболее фундаментальных материально-правовых оснований для признания лица, не подписавшего арбитражное соглашение, связанным арбитражной

¹ Van Fleet A., Van Fleet G.A., Corroero M.A. Joining Nonsignatories to an Arbitration in the US / Practical Law Litigation, Practical Law Arbitration // Thomson Reuters. 2020. URL: <https://www.clearygartlieb.com/-/media/files/nyaw-2020/practical-law-joining-nonsignatories-to-an-arbitration-in-the-us-w0113186-pdf.pdf>.

² Отметим, что подход с квалификацией предыдущего поведения стороны, как обстоятельства, лишаящего сторону права ссылаться и занимать в будущем иную позицию в большой степени напоминает процессуальный эстоппель. При этом, в некоторых юрисдикциях (в том числе, в США) эстоппель часто используется как отдельное и самостоятельное основание для установления ЧЕГО? в отношении неподписанта. См.: Русакова Е. П., Йонг Домингес Э. Х. Распространение арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны: уроки сравнительного права // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 144–154; Meshel T. Of International Commercial Arbitration, Non-Signatories, and American Federalism: The Case for a Federal Equitable Estoppel Rule // Stanford Journal of International Law. 2020. Vol. 56. No. 2. P. 123–152.

оговоркой. В доктрине международного коммерческого арбитража правопреемство традиционно рассматривается как самостоятельное и автономное основание для распространения юрисдикции арбитража на лицо, формально не участвовавшее в заключении арбитражного соглашения¹. Предпосылкой для такого выделения является значительный объем накопленного эмпирического материала, в котором ситуации материального правопреемства приводили к спорам между сторонами о наличии у арбитров компетенции на рассмотрение спора с участием правопреемника².

В зарубежной доктрине, как отмечает Г. Борн, правопреемство, уступка и новация традиционно рассматриваются в качестве самостоятельных оснований для признания лица связанным арбитражным соглашением. При этом Борн подчеркивает, что в этих случаях арбитражное соглашение может не быть подписано неподписантом, но было заключено от его имени или в его пользу³. В рамках данного подхода правопреемство относится к числу так называемых консенсуальных теорий, поскольку предполагается, что переход обязательства, элементом которого является арбитражная оговорка, презюмирует согласие правопреемника на арбитраж⁴.

Однако, как было обосновано в предыдущем параграфе, применительно ко второй модели участия неподписантов в арбитражном разбирательстве (привлечению) проблема не сводится к поиску опосредованного согласия. В отличие от распространенного в зарубежной литературе подхода, сводящего правопреемство к механизму так называемого «отслеживания согласия» (*consent-tracking*), предлагаемая в настоящем исследовании концепция исходит из того, что при любом виде привлечения согласие неподписанта в классическом понимании отсутствует. Правопреемство в данном случае служит не способом установления опосредованного согласия, а объективным юридическим фактом, порождающим материально-правовую связанность,

¹ См. также: Hanotiau B. Op. cit. P. 85–92.

² Born G.B. Op. cit. P. 1499–1520.

³ Born G.B. Op. cit. P. 1519.

⁴ Born G.B. Op. cit. P. 1520.

которая как раз восполняет отсутствие прямого волеизъявления. Именно в этом заключается принципиальное отличие предлагаемого подхода от подхода Г. Борна и иных авторов, рассматривающих правопреемство исключительно как консенсуальную теорию.

Правопреемство как самостоятельное материально-правовое основание для привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве, на наш взгляд, может найти наибольший отклик в рамках отечественного правопорядка в силу многочисленной отечественно судебной практики по делам, касающимся перехода обязательства из арбитражного соглашения к правопреемнику, а также особого внимания исследователей к вопросам соотношения материально-правовых конструкций правопреемства с особой правовой природой арбитражного соглашения¹.

Первоочередный взгляд на квалификацию правопреемника как неподписанта может показаться некорректным в силу моделей универсального и сингулярного правопреемства, подразумевающих переход определенного набора прав от одного лица к другому. Более логичной, на наш взгляд, представляется своего рода совмещенная модель, а именно перехода статуса стороны арбитражного соглашения наряду с основным, более широким по кругу прав и обязанностей, материально-правовым правопреемством. Подобный подход фактически подтверждается в актуальной судебной практике российских арбитражных судов, активно устанавливающих связанность арбитражной оговоркой правопреемников².

Вместе с тем, представляется, что выделение материально-правового института правопреемства именно как основания для привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве является точно отражающим особенности арбитражного соглашения как особого правового

¹ Мусин В.А. Арбитражная оговорка во внешнеторговом контракте и проблема правопреемства // Третейский суд. 2000. N 4., Коломиец А.И. Правовая природа арбитражного соглашения: вопросы доктрины и практики // Право и экономика. 2017. N 5. С. 45 - 54.

² См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.10.2025 по делу N A60-63977/2024 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2024 по делу N A40-180427/2019 // СПС «Консультант Плюс».

явления, не подлежащего безусловному отождествлению и смешению с иными правовыми конструкциями.

Как справедливо отмечено А.Ю. Шевелевым и Г.Ю. Шевелевым, правопреемство как юридический факт, создающий последствие в виде перехода материального права от одного субъекта к другому, не аксиоматично свидетельствует о выражении правопреемником воли (согласия) на участие в арбитражном разбирательстве¹. Применительно к частным формам материального правопреемства (реорганизация юридического лица, наследование, цессия) вопрос выражения воли правопреемником не является автоматическим последствием перехода иных материальных прав. Более того, материальные конструкции правопреемства при их детальном осмыслении не позволяют прийти к неоспоримому выводу о том, что согласие правопреемника на арбитраж можно считать презюмируемым. Так, существует ряд наглядных исключений, подтверждающих несбалансированность тезиса об автоматическом и всеобъемлющем переходе арбитражной оговорки в дополнение к иным правам, приобретаемым правопреемником. Это касается, например, форм реорганизации юридического лица (присоединение или слияние), когда волевой элемент (согласие на арбитражную оговорку) исходил только от одного из первоначальных участников правоотношения.

В.А. Мусин, анализируя модели сингулярного правопреемства и их соотношение с нормами закона об автономности арбитражного соглашения, справедливо отмечал, что сингулярное правопреемство (например, переход прав по суброгации), урегулированное в нормах материального права, очевидным образом не позволяет прийти к бесспорному выводу о переходе арбитражной оговорки к правопреемнику². Арбитражная оговорка, затрагивающая вопросы процессуального права, не может быть ограничена

¹ Шевелев А.Ю., Шевелев Г.Ю. Верховенство согласия: отечественный взгляд на соотношение материального правопреемства и перехода арбитражной оговорки через призму компаративного восприятия // Третейский суд. 2022. N 2/3. С. 204 - 265.

² Мусин В.А. Указ. соч. С. 48.

исключительно нормами материального права, которые применяются к конкретному виду правопреемства.

На особенность отечественного правового восприятия соотношения материально-правовых конструкций правопреемства и арбитражного соглашения обращал внимание и А.И. Муранов, анализируя пример из судебной практики по делу об отмене решения третейского суда, в котором к участию в разбирательстве был привлечен правопреемник¹. Позиция суда, по мнению автора, зиждется на сформировавшемся в российском праве подходе об осмысленном отказе от принципа автономности арбитражного соглашения и смещении общепринятого акцента в пользу следования арбитражного соглашения за самим материальным правом.

На практические сложности установления связанности правопреемника обязательством из арбитражного соглашения указывают и иностранные авторы. Так, Ч. Агаоглу (C. Agaoglu) в своем диссертационном исследовании указал, что отсутствие консолидированного и единообразного подхода в вопросе судьбы арбитражного соглашения при правопреемстве в первую очередь следует из понимания и толкования теории автономности арбитражного соглашения, принятой в различных юрисдикциях². Например, в странах с континентальной системой права (Франция, Швейцария, Германия, Швеция, Япония) на правоприменительном уровне сформирована презумпция следования арбитражной оговорки как при сингулярном, так и при универсальном правопреемстве. В Англии, относящейся к системе общего права, подобного единообразия не достигнуто. Из этого, как представляется, делается обоснованный вывод о том, что оценка влияния правопреемства на

¹ Муранов А.И. Комментарий к Определению Арбитражного суда г. Москвы от 26 февраля 2021 г. по делу N А40-4463/2020-52-12: отмена третейского решения от 16 декабря 2019 г. по делу N 13/2018, администрировавшемуся Морской арбитражной комиссией при ТПП РФ // Третейский суд. 2021. N 1. С. 17 - 33.

² Ağaoglu C. Arbitration in Merger and Acquisition Transactions: Problem of Consent in Parallel Proceedings and in the Transfer of Arbitration Agreements in Merger and Acquisition Arbitration. Ankara: Seçkin Yayıncılık, 2016. P. 124.

судьбу арбитражного соглашения зависит от конкретного применимого национального законодательства.

Анализ доктринальных взглядов и позиций правоприменительной практики позволяет также сформулировать следующий тезис процессуальной направленности: установление обстоятельств, опосредующих связанность правопреемника обязательством из арбитражного соглашения, с точки зрения процессуальной деятельности будет в большей степени направлено не на доказывание связанности таким соглашением (как, например, в случае с подразумеваемым согласием), а на опровержение презумпции о том, что арбитражное соглашение может быть выделено из консолидированного массива прав и обязанностей, перешедших от одного субъекта к другому. Исходя из этого, можно констатировать, что правопреемство вправе занять свое самостоятельное место среди оснований, используемых для привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве, что обусловливается особенностями материально-правовых особенностей различных форм правопреемства и их соотношения с правовой природой арбитражного соглашения.

Следует констатировать, что возможность или невозможность использования того или иного материально-правового основания для привлечения неподписанта к участию в арбитражном разбирательстве в значительной степени зависит от конкретной юрисдикции: в проарбитражных правовых порядках (коими до настоящего времени можно было считать США, Францию) подходы к привлечению неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве более либеральны, в то время как в юрисдикциях, где сильны традиции договорного формализма (Англия), подходы более консервативны.

Российская практика, как показывают проанализированные примеры, движется в направлении признания возможности привлечения лиц, не подписавших арбитражное соглашение, к участию в арбитражном разбирательстве, хотя и с определенными оговорками (например, о

недопустимости применения теории «альтер эго» в публично-правовых отношениях).

Проведенный анализ материально-правовых доктрин позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на то, что приведенные выше основания являются самостоятельными институтами материального права, в рамках исследуемой проблематики привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве в их основе лежит единый принцип: в отсутствие формально выраженного согласия на арбитраж единственно возможным основанием для участия неподписанта является установление факта его связанности арбитражным соглашением в силу связанности материальным правоотношением, элементом которого выступает арбитражная оговорка. Связанность арбитражным соглашением в таких случаях производна от связанности материальным обязательством и устанавливается через объективные юридические факты – правопреемство, представительство, фактическое участие в правоотношении, контроль над стороной. Несмотря на единую природу указанных оснований, с точки зрения процедуры доказывания и сложности установления юридически значимых фактов они существенно различаются, что предопределяет необходимость их классификации.

Такие попытки классификации были предприняты отечественными авторами.

Так, М.С. Калинин предлагает выделять три группы оснований¹. К первой группе предлагается относить основания, которые позволяют установить, что арбитражное соглашение было заключено с момента возникновения правоотношения (заключение договора представителем, правопреемство). Ко второй группе относятся основания, связанные с установлением действительности общей воли лица, подписавшего

¹ Калинин М.С. Действие арбитражного соглашения в отношении лиц, которые его не подписывали // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 3: Сб. ст. / Под ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 225–241.

арбитражную оговорку совместно с иным лицом (например, доктрина «альтер эго»). Третья группа – это основания, связанные с применением принципа добросовестности (прокалывание корпоративной вуали, эстоппель и т.д.). Предложенная классификация, хотя и охватывает основные материально-правовые основания, построена на различных классификационных критериях и не учитывает ключевого для настоящего исследования аспекта — объема исследовательской деятельности, необходимой для установления связанности.

Схожие модели классификации материально-правовых оснований предлагались и другими авторами.

Например, Д.А. Хоцанов, опираясь на иностранную правовую доктрину и судебно-арбитражную практику, приходит к выводу о том, что материально-правовые основания для привлечения неподписантов могут быть обобщены и разделены на две группы:

- (1) группа консенсуальных оснований (где согласие на арбитраж презюмируется из поведения или правовой связи); и
- (2) группа неконсенсуальных оснований (где согласие должно быть доказано с помощью дополнительных средств доказывания)¹.

В качестве классифицирующего критерия для отнесения к той или иной группе автор рассматривает необходимость или отсутствие необходимости установления и исследования факта выражения соответствующим лицом согласия на арбитраж.

С.В. Лысов также выделил схожий классификационный признак, предложив разделить основания на направленные на установление формальной связанности неподписантов (агентские/представительские отношения, правопреемство) и основания, направленные на установление «неформальной» связанности (подразумеваемое согласие, группа компаний)². В качестве ключевого признака для отнесения к какой-либо группе автором фактически выделяется доказательственная сторона: установление

¹ Хоцанов Д.А. Указ. соч. С. 76–87.

² Лысов С.В. Указ. соч. С. 31.

формальной связанности связано с установлением какого-либо объективного факта, в то время как основания, отнесенные ко второй группе, требуют тщательного анализа поведения сторон, обстоятельств дела и применимых норм материального права.

Вместе с тем, как следует из обоснованной выше концепции, при привлечении речь идет не о поиске консенсуального или неконсенсуального согласия, а об установлении объективной материально-правовой связанности. В этой связи классификации, построенные на критерии наличия или отсутствия согласия, не в полной мере отражают специфику исследуемой проблемы. Представляется возможным, с учетом цели настоящего исследования в виде разработки процедурной модели, дифференцированной по сложности доказывания и распределению компетенции состава арбитража, предложить более укрупненную классификацию, разделяющую основания на бесспорные и оспоримые. Критерием данной классификации выступает объем исследовательской деятельности, необходимой для установления связанности: от формальной проверки одного документа до комплексной оценки совокупности фактических обстоятельств.

К бесспорным основаниям относятся те, для которых установления связанности неподписанта арбитражным соглашением достаточно подтверждения объективного юридического факта, как правило, документально подтвержденного и не требующего развернутого исследования обстоятельств дела и оценки поведения сторон. В первую очередь к таким основаниям относится правопреемство (универсальное или сингулярное), при котором переход обязательства из арбитражного соглашения следует из закона или договора и подтверждается формальными документами (выписка из реестра, договор цессии и т.п.).

К оспоримым основаниям относятся те, для которых установление связанности неподписанта арбитражным соглашением требует исследования совокупности фактических обстоятельств, оценки поведения сторон, анализа корпоративных связей, установления фактов контроля, дачи указаний, общего

экономического интереса и т.д. К числу таких оснований относятся доктрина «группы компаний», доктрина «альтер эго» (прокалывание корпоративной вуали), подразумеваемое согласие (implied consent) и иные основания, связанные с установлением множественности лиц на стороне обязательства.

Ключевое различие с точки зрения доказывания между бесспорными и оспоримыми основаниями проявляется в наборе средств доказывания, необходимых для разрешения вопроса о наличии юрисдикции арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение.

Рассмотрим это различие на конкретных примерах.

Пример бесспорного основания. Истец инициирует арбитраж против ответчика, который после заключения арбитражного соглашения был реорганизован в форме слияния или присоединения. Российское гражданское законодательство предусматривает, что при указанных видах реорганизации юридического лица права и обязанности переходят к вновь возникшему юридическому лицу или юридическому лицу, к которому было присоединено реорганизованное лицо, в порядке ст. 58 ГК РФ. С точки зрения буквального толкования требований к арбитражному соглашению, реорганизованное лицо не является стороной арбитражного соглашения, поскольку арбитражное соглашение было непосредственно заключено правопреемником. Вместе с тем, в силу положений законодательства о правопреемстве, реорганизованное лицо будет связано обязательством по рассмотрению споров в арбитраже, возникшим на основании арбитражного соглашения, заключенного правопреемником, в силу перехода к нему данного права.

Деятельность по доказыванию связанности реорганизованного юридического лица арбитражным соглашением, заключенным правопреемником, представляется достаточно прямолинейной. Истец может представить выписку из государственного реестра, подтверждающую факт реорганизации и, соответственно, подтверждающую факт перехода прав по арбитражному соглашению. Следовательно, объем средств, необходимых

для установления данного факта, является минимальным. Данный факт может быть установлен уполномоченным субъектом при исследовании одного доказательства без необходимости исследования развернутой и мотивированной правовой позиции. Применение большого объема средств доказывания будет необходимо скорее для опровержения факта связанности правопреемника обязательствами из арбитражного соглашения, если такое обстоятельство будет оспариваться.

Пример оспоримого основания. Истец инициирует арбитраж против дочернего общества и заявляет о привлечении в качестве соответчика материнской компании. К указанным соответчикам предъявляется требование о взыскании убытков в солидарном порядке. Основанием для взыскания убытков с материнской компании является дача указаний дочернему обществу. Однако материнская компания не подписывала арбитражное соглашение и в силу принципа автономности юридического лица не может считаться связанной арбитражным соглашением.

В подобной ситуации круг юридически значимых обстоятельств, который необходимо установить для разрешения вопроса о наличии компетенции арбитража в отношении неподписанта, будет существенно шире, нежели при применении бесспорных оснований. Необходимо установить: характер корпоративной связи между материнской и дочерней компаниями, степень контроля, наличие и содержание указаний, влияние указаний на возникновение убытков, иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что материнская компания фактически определяла действия дочерней. Объем обстоятельств, которые необходимо установить, свидетельствует о необходимости использования широкого круга средств доказывания и исследования ряда доказательств (корпоративные документы, переписка, свидетельские показания, заключения экспертов). Таким образом, разрешение вопроса о наличии компетенции арбитража в отношении неподписанта (материнской компании) при использовании оспоримого основания потребует значительных усилий от лиц, участвующих в арбитражном разбирательстве.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ключевой тезис настоящего параграфа. В отсутствие формально выраженного согласия на арбитраж единственно возможным основанием для привлечения неподписанта является установление факта его связанности арбитражным соглашением в силу связанности материальным правоотношением, элементом которого выступает арбитражная оговорка. Связанность лица, не подписавшего арбитражное соглашение, обязательством из этого соглашения порождается объективными юридическими фактами, которые могут быть разделены на две группы.

К первой группе относится правопреемство (универсальное и сингулярное), где связанность следует из формально подтвержденного перехода обязательства. Ко второй группе относятся факты, свидетельствующие о множественности лиц на стороне обязательства: представительство, фактическое участие в правоотношении и контроль над стороной (доктрины группы компаний и «альтер эго»).

Все перечисленные факты носят объективный характер – они либо существуют, либо нет. Задача арбитра при разрешении вопроса о привлечении неподписанта состоит не в конструировании подразумеваемого согласия или иной фикции, а в установлении наличия или отсутствия соответствующих объективных юридических фактов. Предложенная классификация на бесспорные и оспоримые основания, построенная на критерии объема исследовательской деятельности, необходимой для установления связанности, создает необходимые теоретические предпосылки для дифференциации процедуры установления компетенции арбитража в отношении неподписантов, что будет подробно рассмотрено в следующей главе настоящего исследования.

Глава 2. Процессуальные аспекты участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве

2.1. Процессуальный статус лиц, не подписавших арбитражное соглашение

В предыдущей главе настоящего исследования были установлены понятие лица, не подписавшего арбитражное соглашение, его конститутивные признаки, а также выделены две формы участия такого лица в арбитражном разбирательстве – вступление и привлечение.

Для каждой из этих форм также были определены основания участия в арбитражном разбирательстве: при добровольном вступлении – непосредственно выраженное волеизъявление неподписанта, при привлечении – установленная материально-правовая связанность обязательством, элементом которого выступает арбитражное соглашение. Однако сами по себе сформулированные понятие, формы и основания участия не дают ответа на вопрос о том, какое процессуальное положение занимает неподписант в арбитражном разбирательстве: какой процессуальный статус он приобретает, какими правами и обязанностями наделяется и в каком порядке происходит его легитимация в качестве участника арбитражного разбирательства. Представляется, что ответ именно на данные вопросы имеет определяющее значение для практической реализации механизмов участия неподписантов в арбитражном разбирательстве. В связи с этим в настоящем параграфе подлежат рассмотрению процессуальный статус неподписантов, порядок его приобретения и место данной категории лиц в системе участников арбитражного разбирательства.

Для решения указанной задачи представляется необходимым последовательно проанализировать три вопроса.

Во-первых, важно очертить классический круг субъектов, которые могут участвовать в арбитражном разбирательстве, проанализировав правила ведущих отечественных и иностранных арбитражных учреждений в части

регулирования участия различных категорий лиц в арбитражном разбирательстве. Во-вторых, установить, является ли неподписант самостоятельным процессуальным статусом среди участников арбитражного разбирательства, а в случае отрицательного ответа – какие из этих субъектов могут рассматриваться в качестве неподписантов, и каковы критерии такого отнесения. В-третьих, разработать систематизированное описание процессуальных статусов, которые могут приобретать неподписанты, и определить способы получения каждого из этих статусов через призму оснований для установления материально-правовой связанности, приведенных выше.

Круг участников арбитражного разбирательства. Несмотря на отсутствие комплексного доктринального учения о лицах, существующего в науке гражданского и арбитражного процессуального права, арбитражное разбирательство, подобно государственному судопроизводству, также предполагает участие определенного круга лиц¹. Традиционно в доктрине и практике международного коммерческого арбитража выделяются следующие участники арбитражного разбирательства: арбитры, стороны, их представители, свидетели и эксперты².

Как уже было отмечено ранее, в силу основополагающего значения арбитражного соглашения его стороны традиционно считаются сторонами арбитражного разбирательства, именуемые по аналогии с государственным судопроизводством в государственных судах как истец и ответчик. При этом сторонами арбитража могут выступать не только физические лица, включая индивидуальных предпринимателей, и юридические лица, но и публично-правовые образования или иные субъекты, которые могут иметь статус истца или ответчика³.

¹ Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Указ. соч. С. 530.

² Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Указ. соч. С. 530-586.

³ Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Указ. соч. С. 530-532.

Следующим участником арбитражного разбирательства можно назвать представителя. Институт представительства в международном арбитраже, как представляется, по своей целевой направленности также напоминает представительство в гражданском процессе, поскольку главной задачей представителя является честное и добросовестное представление стороны в деле. Однако ключевым отличием является следующее: в гражданском процессе право на обращение к представителю является одним из конститутивных элементов процессуальной дееспособности и прямо закреплено в процессуальном законодательстве, в то время как в международном арбитраже право на обращение к представителю выводится не из международных конвенций или национального законодательства, а из самого существа арбитража. В то же время в ряде национальных правовых порядков право стороны арбитражного разбирательства вести дело через представителя все же нашло нормативное закрепление. Так, § 36 английского Закона об арбитраже 1996 года предусматривает, что сторона может быть представлена юристом или иным лицом по своему выбору, если стороны не пришли к соглашению об ином. Более детально право на представительство регламентировано в арбитражных регламентах ведущих институциональных арбитражных учреждений¹. Статья 18.1 Регламента Лондонского международного третейского суда (LCIA) предусматривает, что любая сторона может быть представлена одним или несколькими представителями². Статья 23.1 Регламента Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC) устанавливает, что сторона может быть представлена юристами или иными уполномоченными лицами³.

¹ Arbitration Act 1996 // UK Public General Acts. 1996. c. 23. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/section/36>. – § 36.

² LCIA Arbitration Rules (2020) // London Court of International Arbitration. URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx. – Art. 18.1.

³ SIAC Rules 2016 (6th Edition, 1 August 2016) // Singapore International Arbitration Centre. URL: <https://siac.org.sg/our-rules/rules/siac-rules-2016>. – Rule 23.1.

Свидетелей также можно считать классическими участниками арбитражного разбирательства¹ несмотря на то, что на практике они появляются далеко не в каждом споре. С формальной точки зрения, свидетель – это физическое лицо, располагающее сведениями о фактических обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела. Такие сведения могут быть получены им как непосредственно, так и опосредованно, в том числе в форме так называемых «показаний с чужих слов» (*hearsay evidence*). Статус свидетеля в международном коммерческом арбитраже имеет специфику по сравнению с его положением в государственном судопроизводстве. Именно стороны арбитража, действующие в рамках состязательного процесса, определяют необходимость участия свидетелей и обеспечивают их вызов; риск непредставления показаний также возлагается на стороны. Состав арбитража лишь в исключительных случаях может по собственной инициативе предложить сторонам представить того или иного свидетеля или самостоятельно вызвать его для дачи показаний. К числу основных процессуальных прав свидетеля в международном коммерческом арбитраже относятся право на свидетельский иммунитет, право на использование родного языка, обеспечение переводчиком и переводом документов, право быть услышанным (в том числе по месту своего нахождения или с использованием систем видеоконференц-связи), а также право на возмещение расходов, связанных с участием в арбитражном разбирательстве.

Еще одной, вполне традиционной, фигурой в числе участников арбитражного разбирательства можно назвать эксперта². Его статус шире, чем

¹ Кайсин Д.В., Калиш Я.В. Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 37 - 42.

² Статьи 27, 29 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ. URL: <https://docs.pca-cpa.org/2015/11/arb-rules-revised-r1.pdf>; Статья 21 LCIA Rules. URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx#Article%2021; Статьи 25, 26 SIAC Rules. URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-Rules-2016-Russian-version_Complete.pdf; Статья 25 HKIAC Rules. URL: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebrowser/2024%20HKIAC%20ADMINISTERED%20ARBITRATION%20RULES%20-%20English.pdf.

в гражданском и арбитражном судопроизводстве, поскольку нередко он выполняет одновременно функции эксперта, специалиста и свидетеля¹. Эксперты в международном арбитраже чаще всего выступают либо в качестве эксперта по вопросам права, либо по экономическим, техническим или иным вопросам, где требуются специальные знания и квалификация в определенной области. Такие эксперты могут быть назначены составом арбитража или, что является наиболее распространенной практикой, стороной арбитражного разбирательства. Объем процессуальных прав экспертов в международном коммерческом арбитраже в целом аналогичен объему прав свидетелей. К числу таких прав относятся право на использование родного языка, на обеспечение переводчиком и переводом документов, право быть услышанным (в том числе дистанционно, по месту своего нахождения или посредством видеоконференц-связи), а также право на возмещение расходов, связанных с участием в арбитражном разбирательстве.

Таким образом, классический круг участников арбитражного разбирательства включает в себя сторон, их представителей, свидетелей по вопросам факта, экспертов по праву или экономических или технических экспертов. Обращаясь к вопросу о возможности рассмотрения в качестве неподписантов представителей, экспертов и свидетелей представляется справедливым дать однозначно отрицательный ответ. Согласие данных участников арбитражного разбирательства на участие в арбитражном разбирательстве не должно и не может выражаться в форме арбитражного соглашения, поскольку такие лица, содействующие разбирательству, как и арбитры, находятся в зависимом положении от изначального волеизъявления сторон в форме арбитражного соглашения. Если соглашение сторон предусматривает возможность вовлечения таких лиц, они могут выразить

¹ Николаева З.Е. К вопросу о роли экспертов при разрешении строительных споров: сквозь призму отечественного и международного опыта // Проблемы строительного права: сборник статей / сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2024. Вып. 3.

последующее корреспондирующее согласие на участие в арбитражном разбирательстве.

Если сопоставить приведенный выше перечень участников арбитражного разбирательства с перечнем лиц, участвующих в цивилистическом процессе, наиболее показательным является отсутствие третьих лиц – ни с самостоятельными требованиями, ни без таковых. Институт третьих лиц, давно знакомый отечественному процессу, для международного коммерческого арбитража остается *terra incognita*. Объяснение этому, по-видимому, исторически лежало именно в консенсуальной природе арбитража: в рамках производства в государственном суде третьи лица могут быть привлечены без их согласия в целях обеспечения задач судопроизводства, тогда как арбитражное разбирательство изначально мыслилось таким образом, что при отсутствии согласия привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, невозможно. Именно поэтому институт третьих лиц в арбитраже изначально не сформировался и не мог сформироваться. Однако, как уже было показано выше, актуальная повестка является более сложной, и в правилах ведущих российских арбитражных учреждений появляется институт третьего лица, ранее казавшийся чуждым самой природе арбитража как формы рассмотрения и разрешения споров.

Так, например, Правила арбитража международных коммерческих споров МКАС при ТПП РФ закрепляют институт третьего лица, не заявляющего исковых требований против стороны арбитражного разбирательства, и различает две формы его участия – вступление и

привлечение¹. Независимо от формы участия, Правила МКАС допускают участие третьего лица без самостоятельных исковых требований только при соблюдении следующих альтернативных условий. Первым возможным вариантом является связь всех сторон и третьего лица единым арбитражным соглашением. Этот вариант является, скорее, исключением из правил и представляет собой наиболее простое и понятное основание для участия такого третьего лица. Второй вариант – это выражение согласия на участие третьего лица без самостоятельных требований как самого такого лица, так и сторон, участвующих в арбитражном разбирательстве. Таким образом, институт третьего лица без самостоятельных исковых требований в Правилах МКАС носит сугубо добровольный характер и принципиально отличается от аналогичного института в гражданском процессуальном праве, где привлечение третьего лица возможно независимо от его воли.

Наряду с процессуальным статусом третьего лица, не заявляющего исковых требований, Правила МКАС предусматривают и более распространенный статус дополнительной стороны². Так, сторона арбитражного разбирательства вправе предъявить иск против такой дополнительной стороны, который может быть рассмотрен при соблюдении одного из двух следующих условий:

¹ См.: Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 N 6) // СПС «Консультант Плюс»: «§14. Участие третьих лиц 1. Привлечение к арбитражному разбирательству третьего лица, не заявляющего исковых требований против сторон арбитражного разбирательства, а также вступление в арбитражное разбирательство такого третьего лица допускается при условии, если: - все стороны и третье лицо связаны одним арбитражным соглашением; или - все стороны и третье лицо выразили согласие на проведение арбитражного разбирательства с участием такого третьего лица в срок не более 15 дней с даты получения запроса, если Ответственным секретарем МКАС или третейским судом не установлен с учетом конкретных обстоятельств более продолжительный срок. 2. Ходатайство о привлечении третьего лица или ходатайство о вступлении в арбитражное разбирательство третьего лица должно быть заявлено до истечения срока представления отзыва на исковое заявление. При наличии уважительных причин этот срок может быть продлен Ответственным секретарем МКАС, а после формирования третейского суда – его председателем.»

² Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 N 6) // СПС «Консультант Плюс». – §13.

- 1) требования против дополнительной стороны охватываются тем же арбитражным соглашением, на котором основан первоначальный иск, или
- 2) требования против дополнительной стороны охватываются другим арбитражным соглашением, предусматривающим передачу споров в МКАС, но совместимым с первым арбитражным соглашением по своему содержанию, а также связаны с первоначальным иском в материально-правовом отношении.

При соблюдении любого из этих условий лицо, не являющееся истцом или ответчиком, также вправе вступить в арбитражное разбирательство в качестве дополнительной стороны, предъявив иск к истцу и (или) ответчику. Для целей формирования третейского суда дополнительная сторона может считаться соистцом или соответчиком в зависимости от существа предъявленных к ней или заявленных ею требований.

Правила МКАС устанавливают и процессуальные условия привлечения дополнительной стороны. Предъявление иска к дополнительной стороне или дополнительной стороной после завершения формирования третейского суда допускается при условии, что дополнительная сторона примет арбитраж в том состоянии, в котором он находится на такой момент, и откажется от оспаривания процессуальных действий по проведению арбитражного разбирательства, имевших место до этого момента, включая выдвижение возражений по процедуре формирования и составу третейского суда. Третейский суд может не разрешить предъявление иска к дополнительной стороне или дополнительной стороной, принимая во внимание степень связи такого иска с первоначальным иском, стадию разбирательства, а также целесообразность наиболее эффективного ведения процесса, и в этом случае такой иск может быть заявлен в самостоятельном разбирательстве. Таким образом, дополнительная сторона в МКАС представляет собой полноценного

участника арбитражного разбирательства, в отношении которого может быть вынесено арбитражное решение.

В Регламенте Российского арбитражного центра (РАЦ), в отличие от Правил МКАС, где третье лицо и дополнительная сторона являются различными институтами, в Регламенте РАЦ используется единый термин «дополнительная сторона», охватывающий все случаи присоединения к арбитражному разбирательству лиц, не являющихся первоначальными сторонами¹. Данный подход является более распространенным в современных зарубежных регламентах, где также отсутствует дробление на дополнительную сторону и третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования.

Согласно пункту 1 статьи 34 Регламента РАЦ, соистцы могут начать арбитраж путем совместной подачи уведомления об арбитраже, а соответчики могут быть привлечены к арбитражу по усмотрению истца на стадии подачи уведомления об арбитраже, являющегося первым процессуальным документом в арбитражном разбирательстве.

Рассматриваемое положение Регламента РАЦ также устанавливает условия присоединения дополнительной стороны. Так, лицо, не являющееся стороной, по своему заявлению или по заявлению любой из Сторон может присоединиться к арбитражу в качестве дополнительной стороны при соблюдении любого из следующих условий:

- 1) все Стороны согласны со вступлением в арбитраж дополнительной стороны;
- 2) лицо, присоединяющееся к арбитражу в качестве дополнительной стороны, является стороной того же арбитражного соглашения;

¹ Арбитражный регламент 2021 Российского арбитражного центра при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража» (в ред. от 01.11.2021) // Официальный сайт Российского арбитражного центра. URL: <https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2022/01/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82-2021-RU-digital.pdf>. – Ст. 34.

- 3) лицо, права и обязанности которого затрагиваются в споре, заявляет о присоединении к арбитражу в качестве дополнительной стороны;
- 4) требования Истца и требования (возражения) дополнительной стороны охватываются совместимыми арбитражными соглашениями и вытекают из связанных обязательств.

Анализ приведенных положений позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно допустимости и условий присоединения дополнительной стороны в арбитражное разбирательство, а также разграничить сценарии привлечения и вступления.

Во-первых, пункт 1 статьи 34 Регламента РАЦ (присоединение при наличии согласия всех Сторон) фактически закрепляет механизм привлечения дополнительной стороны. Инициатива в данном случае исходит от стороны арбитражного разбирательства (истца или ответчика), полагающей, что участие дополнительной стороны необходимо для полноты разрешения спора. При этом согласие всех уже имеющих Сторон является необходимым формальным условием, подтверждающим их готовность к участию в разбирательстве дополнительного лица. Однако ключевым обстоятельством является то, что согласие самого привлекаемого лица в пункте 1 прямо не упоминается. Это позволяет рассматривать данное основание как механизм привлечения, при котором воля присоединяемого лица не является определяющей, а решающее значение имеет волеизъявление стороны, инициирующей привлечение, и согласие остальных участников разбирательства. Таким образом, пункт 1 статьи 34 Регламента РАЦ представляет собой процессуальную реализацию модели привлечения, обоснованной в Главе 1 настоящего исследования.

Во-вторых, пункт 3 статьи 34 Регламента РАЦ, напротив, закрепляет механизм добровольного вступления лица, права и обязанности которого затрагиваются в споре. В отличие от пункта 1, здесь инициатива исходит от

самого лица, которое считает, что его права и обязанности могут быть затронуты решением по спору, и заявляет о присоединении к арбитражу в качестве дополнительной стороны. Само заявление о вступлении в арбитражное разбирательство, поданное таким лицом, должно расцениваться как непосредственное выражение его воли (согласия) на участие в арбитраже. Показательно, что в данном случае согласия всех Сторон не требуется, так как достаточным основанием для присоединения является сам факт того, что права и обязанности лица затрагиваются в споре, подтвержденный соответствующим волеизъявлением такого лица. Иными словами, добровольность вступления обеспечивается инициативой самого лица, которая одновременно служит и формой выражения его согласия на арбитраж, и основанием для его участия, не требующим одобрения со стороны уже имеющих участников разбирательства. Таким образом, пункт 3 статьи 34 Регламента РАЦ закрепляет механизм, при котором определяющим является непосредственное волеизъявление лица, выраженное в заявлении о присоединении, а согласие уже имеющих сторон для такого вступления не требуется. Это корреспондирует с обоснованной в настоящем исследовании концепцией добровольного вступления, при котором лицо самостоятельно иницирует свое участие в арбитражном разбирательстве.

Регламент РАЦ также четко устанавливает, что дополнительные стороны обладают процессуальными правами сторон, в том числе вправе выступать на стороне истца или ответчика, заявлять самостоятельные исковые требования, возражать против исковых требований, делать иные заявления, давать пояснения составу арбитража в устной и письменной формах и приводить свои доводы по вопросам, возникающим в ходе арбитража. При этом дополнительные стороны должны принять арбитраж в том состоянии, в котором он находится на момент такого вступления. Регламент определяет и распределение компетенции по разрешению вопроса о присоединении дополнительных сторон к инициированному арбитражному разбирательству: решение о присоединении к арбитражу дополнительной стороны принимается

составом арбитража, а до его формирования – Президиумом РАЦ не позднее 14 дней с момента получения соответствующего заявления. При принятии решения учитываются обстоятельства конкретного дела, в том числе риски затягивания арбитража.

Таким образом, российские арбитражные регламенты демонстрируют два подхода к регулированию участия лиц, не являющихся первоначальными сторонами. В Правилах МКАС присутствуют два самостоятельных института – третье лицо без самостоятельных исковых требований и дополнительная сторона, причем участие третьего лица, в отличие от цивилистического процесса, возможно только с согласия всех сторон и самого третьего лица. В Регламенте РАЦ, напротив, используется единый институт дополнительной стороны, который охватывает как случаи вступления, так и привлечения.

Анализ зарубежных регламентов показывает, что в них, подобно Регламенту РАЦ, отсутствует разделение на третье лицо и дополнительную сторону, а используется единый институт присоединения (*joinder*) дополнительной стороны. При этом большинство регламентов исходят из того, что присоединяемое лицо может быть либо дополнительным истцом (соистцом), либо дополнительным ответчиком (соответчиком).

Так, в Правилах арбитража Международной торговой палаты (ICC) в редакции 2026 года вопрос о присоединении дополнительных сторон регулируется статьей 8, которая устанавливает, сторона, желающая присоединить дополнительную сторону к арбитражу, подает соответствующий запрос о присоединении в Секретариат ICC¹. После получения такого запроса и регистрационного сбора Секретариат направляет запрос и приложенные документы дополнительной стороне. Ключевое положение заключается в том, что присоединение дополнительной стороны после подтверждения или назначения какого-либо арбитра возможно только

¹ ICC Arbitration Rules (2026) // International Chamber of Commerce (ICC). URL: <https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2026-arbitration-rules/>. – Art. 8.

при условии, что дополнительная сторона принимает состав арбитража в сформированном виде, и сам состав после формирования принимает решение о принятии запроса о присоединении. При принятии решения состав арбитража учитывает наличие *prima facie* компетенции в отношении дополнительной стороны, время подачи соответствующего запроса, возможные конфликты интересов и общее влияние такого присоединения на арбитражное разбирательство. Если запрос о присоединении подан до подтверждения или назначения арбитра, дополнительная сторона подает ответ в установленном порядке. Таким образом, Регламент ICC предусматривает, что присоединение дополнительной стороны после формирования состава возможно только при условии, что дополнительная сторона принимает уже сформированный состав, и сам состав принимает решение о присоединении.

В Правилах Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (SCC) в редакции 2023 года вопрос о присоединении дополнительных сторон регулируется статьей 13, которая предусматривает, что сторона арбитражного разбирательства может запросить у Правления SCC присоединение одной или нескольких дополнительных сторон¹. Ходатайство о привлечении дополнительных сторон должно быть подано как можно раньше, и такое ходатайство, поданное после представления объяснений ответчика, не рассматривается, если только Правление не решит иначе. Секретариат SCC устанавливает срок для представления ответа дополнительной стороны на ходатайство о ее привлечении в арбитражное разбирательство. Правление может принять решение о присоединении дополнительной стороны при условии, что у SCC очевидно не отсутствует компетенция в отношении спора между сторонами, включая любую дополнительную сторону, вступающую в арбитражное разбирательство. В любом случае, когда Правление принимает решение о присоединении, решение о компетенции состава арбитража в отношении присоединенной стороны принимается непосредственно

¹ SCC Arbitration Rules (2023) // Официальный сайт Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (SCC Arbitration Institute). URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/scc-arbitration-rules-english-2023/> . – Art. 13.

арбитрами. Если дополнительная сторона не соглашается с уже назначенным арбитром, Правление может освободить арбитров и назначить весь состав целиком, если все стороны, включая дополнительную сторону, не договорятся об иной процедуре.

В Регламенте Лондонского международного третейского суда (LCIA) в редакции 2020 года установлено, что состав арбитража обладает полномочиями разрешить одному или нескольким третьим лицам быть присоединенными к арбитражу в качестве стороны при условии, что любое такое третье лицо и сторона, заявившая соответствующее ходатайство, прямо выразили на это согласие в письменной форме¹. В отличие от Регламентов ICC и SCC, присоединение третьего лица в LCIA возможно только при наличии прямого письменного согласия как самого третьего лица, так и стороны, заявляющей ходатайство.

Таким образом, в большинстве проанализированных арбитражных регламентов институт присоединения дополнительной стороны предусматривает необходимость выражения мнения (согласия или принятия) как со стороны неподписанта, так и со стороны сторон арбитражного разбирательства. Это свидетельствует о том, что процессуальные регламенты стремятся обеспечить процессуальные гарантии как самого привлекаемого лица, так и изначальных сторон арбитражного разбирательства, не исключая при этом возможность привлечения, в рамках которого такие согласия не являются обязательными.

Процессуальный статус неподписанта. Представляется, что проведенный выше анализ классического круга субъектов участников арбитражного разбирательства и оснований для участия неподписантов в арбитражном разбирательстве демонстрируют определенные различия в их процессуальном статусе и наводят на мысль о том, что данный круг может

¹ LCIA Arbitration Rules (2020) // London Court of International Arbitration. – URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx. – Art. 22.1(x).

быть расширен за счет включения в него самостоятельной процессуальной фигуры неподписанта. При этом представляется, что неподписант — это не самостоятельный процессуальный статус, а представляет собой особое основание легитимации уже известных участников арбитражного разбирательства по следующим причинам.

Во-первых, неподписант не обладает процессуальными правами и обязанностями, отличными от прав и обязанностей сторон арбитражного разбирательства. Приобретая статус дополнительной стороны, он фактически наделяется тем же объемом процессуальных прав, что и любая другая сторона: право на участие в формировании состава арбитража, право на представление доказательств, право на заявление ходатайств и отводов, право на участие в слушаниях и право на обжалование арбитражного решения. Каких-либо специфических прав, присущих исключительно неподписантам, арбитражные регламенты и арбитражное законодательство различных правопорядков не предусматривает. Следовательно, в процессуальном смысле неподписант ничем не отличается от обычной стороны арбитражного разбирательства.

Во-вторых, отличие неподписанта от стороны арбитражного соглашения носит не процессуальный, а сугубо материально-правовой характер. Сторона арбитражного соглашения участвует в разбирательстве на основании прямо выраженного согласия, зафиксированного в установленной законом форме. Неподписант же участвует в разбирательстве на ином основании: при вступлении — на основании выраженного волеизъявления, которое может быть облечено в форму, отличную от предписанной применимым правом, а при привлечении — на основании установленной материально-правовой связанности, подтвержденной объективными юридическими фактами. Однако указанные различия касаются исключительно основания легитимации участника, но не его процессуального статуса как такового.

В-третьих, в арбитражном разбирательстве отсутствует потребность в выделении неподписанта в качестве отдельной процессуальной фигуры,

поскольку все необходимые процессуальные права и обязанности уже закреплены за сторонами. Категория «неподписант» фактически выполняет исключительно функцию так называемого входного фильтра, определяющего, на каком основании лицо допускается к участию в разбирательстве. После того как такое допущение состоялось, процессуальный режим для неподписанта и для формальной стороны арбитражного соглашения становится единым.

Таким образом, понятие «неподписант» описывает не особый самостоятельный процессуальный статус участника арбитражного разбирательства, а специфическое основание его легитимации, которое может быть связано либо с выраженным волеизъявлением лица (вступление), либо с установленной материально-правовой связанностью (привлечение). В зависимости от сценария участия неподписант приобретает различные процессуальные статусы, каждый из которых имеет свои особенности.

В рамках добровольного вступления лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, но считающее себя связанным обязательством из этого соглашения, может либо самостоятельно инициировать свое участие в арбитражном разбирательстве, либо выразить свое согласие на присоединение к нему после заявления соответствующего ходатайства стороной арбитражного разбирательства. В зависимости от того, какие именно требования оно заявляет и в каком качестве желает участвовать, такое лицо может приобрести статус соистца, если лицо присоединяется к требованию истца, считая себя управомоченным по обязательству, либо статус соответчика, если выразит добровольное согласие на привлечение в качестве такого по заявлению стороны арбитражного разбирательства.

В рамках привлечения лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, может быть привлечено к участию в арбитражном разбирательстве в качестве соответчика (дополнительной стороны). Истец, желающий привлечь к ответственности лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, но связанное с обязательством, предъявляет иск к такому лицу, привлечение которого

возможно при установлении материально-правовой связанности этого лица с обязательством. Согласия привлекаемого лица не требуется, поскольку его связанность устанавливается на основе объективных юридических фактов. Однако, как было показано выше, процессуальные регламенты предусматривают необходимость выражения мнения привлекаемого лица (принятие состава, согласие с состоянием арбитража) в случае присоединения после формирования состава.

Особую сложность представляет ситуация, когда такое лицо объективно связано с предметом спора, однако его материально-правовая связь не позволяет однозначно квалифицировать его в качестве стороны (истца или ответчика). В подобных случаях может возникнуть предложение обратиться к институту третьего лица без самостоятельных требований, хорошо известному отечественному цивилистическому процессу, и адаптировать его для арбитражного разбирательства. Однако представляется, что такой подход является ошибочным в силу следующего.

Третьи лица традиционно представляют собой участников спорных материальных правоотношений, связанных с тем правоотношением, которое является предметом судебного разбирательства, и они вступают или привлекаются в уже начавшийся процесс между первоначальными сторонами с целью защиты своих прав или законных интересов¹. В гражданском и арбитражном процессах они традиционно делятся на две категории – заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора и не заявляющие подобных требований. Как отмечает Г.Л. Осокина, принципиальное отличие между двумя этими категориями заключается в степени заинтересованности: третье лицо, не заявляющее самостоятельных

¹ Аргунов В.Н. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 9.

требований, заинтересовано только в исходе спора, поскольку он может повлиять на его права и обязанности, но не в его предмете¹.

В арбитражном разбирательстве ситуация принципиально иная. Арбитраж не является публично-правовым институтом, и компетенция арбитров производна от соглашения сторон. Соответственно, арбитражное решение не может затрагивать права и обязанности лица, не являющегося стороной арбитражного разбирательства. Если решение потенциально может затронуть права и обязанности лица, такое лицо должно быть стороной арбитражного разбирательства, а его согласие на арбитраж должно быть либо прямо выражено (вступление), либо восполнено через установление материально-правовой связанности (привлечение). Отсутствие такого согласия или связанности означает, что лицо не может быть вовлечено в разбирательство, поскольку арбитраж не вправе выносить решение, затрагивающее его права.

Именно в этом заключается ключевое отличие от цивилистического процесса. В рамках отправления правосудия государственные суды вправе выносить решения в отношении третьих лиц без учета их мнения и согласия, в то время как арбитры могут выносить решения только в отношении тех лиц, которые либо становятся сторонами (с их согласия или на основании связанности), либо вообще не участвуют в разбирательстве. Для третьего лица без самостоятельных требований в рамках арбитражного разбирательства невозможно ни прямое выражение согласия на арбитраж (поскольку оно не является стороной и не претендует на участие в арбитражном соглашении), ни восполнение отсутствия согласия через материально-правовую связанность (поскольку такая связанность, если она есть, делает лицо стороной обязательства, а не третьим лицом).

¹ Осокина Г.Л. К вопросу о возможности совпадения (совмещения) процессуальных статусов участников гражданского судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 355. С. 110.

Согласие первоначальных сторон на участие неподписанта в арбитражном разбирательстве. После определения того, какой именно процессуальный статус может приобретать неподписант в зависимости от сценария его участия в арбитражном разбирательстве, возникает не менее важный вопрос: требуется ли согласие первоначальных сторон на такое участие и в каких случаях оно необходимо. Ответ на данный вопрос зависит от ряда факторов, включая модель участия неподписанта, инициатора его участия и момент разбирательства, на котором решается вопрос о его вовлечении в арбитражное разбирательства.

Как уже было описано выше, в рамках добровольного вступления лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, самостоятельно иницирует свое участие в арбитражном разбирательстве либо добровольно соглашается на присоединение к нему по инициативе стороны. Представляется, что в данном случае согласия первоначальных сторон не требуется. Основанием для такого подхода служит правовая природа самого волеизъявления неподписанта: лицо само выражает согласие на арбитраж и принимает на себя все права и обязанности стороны арбитражного разбирательства. Поскольку инициатива исходит от самого лица, оно добровольно подчиняется компетенции арбитража, и согласие других участников разбирательства на его участие не является необходимым.

Арбитражное учреждение или состав арбитража проверяет наличие *prima facie* оснований для признания лица управомоченным по обязательству (при присоединении к требованию истца в качестве соистца) либо обязанным по нему (при добровольном принятии статуса соответчика). При положительном решении лицо допускается к участию. Возражения первоначальных сторон против вступления подлежат учету, но не должны иметь решающего значения, поскольку первостепенное значение имеет установление наличия волеизъявления неподписанта и его соответствия предмету спора.

В рамках привлечения вопрос о согласии первоначальных сторон приобретает более сложный характер, поскольку инициатива исходит не от самого привлекаемого лица, а от других участников арбитражного разбирательства или состава арбитража. Привлечение возможно только при установлении материально-правовой связанности привлекаемого лица с обязательством, элементом которого является арбитражная оговорка. Согласие привлекаемого лица в данном случае не требуется, поскольку отсутствие его явно выраженного согласия восполняется объективными юридическими фактами, свидетельствующими о материально-правовой связанности.

Представляется, что в зависимости от того, кто именно инициирует привлечение, вопрос о необходимости согласия первоначальных сторон решается по-разному.

Если ходатайство о привлечении дополнительной стороны исходит от истца, то согласие ответчика на такое привлечение, требоваться не должно. С высокой вероятностью первоначальный ответчик-подписант будет возражать против такого привлечения при условии наличия однонаправленного интереса с неподписантом (например, материнская и дочерняя компания). Состав арбитража в такой ситуации рассматривает ходатайство и принимает решение на основе установления материально-правовой связанности привлекаемого лица. В этом случае воля ответчика не должна быть определяющей, поскольку привлечение соответчика направлено на обеспечение полноты разрешения спора и исполнимости выносимого арбитражного решения. Истец, как инициатор разбирательства и лицо, обладающее наибольшей заинтересованностью в фактическом исполнении решения, вынесенного по итогам рассмотрения сторона, вправе предпринимать усилия, направленные на достижение обозначенной цели. Волеизъявление истца является достаточным основанием для рассмотрения вопроса о привлечении неподписанта.

Если ответчик подает ходатайство о привлечении дополнительной стороны в качестве соответчика для распределения ответственности, вопрос о согласии истца становится более сложным. В данном случае такое привлечение может непосредственно затрагивать процессуальные интересы истца. В этой связи представляется, что при инициативе ответчика о привлечении соответчика для распределения ответственности по заявленным исковым требованиям согласие истца на такое привлечение является необходимым, поскольку истец должен иметь возможность самостоятельно определять круг лиц, к которым он предъявляет свои требования.

Таким образом, согласие первоначальных сторон на участие неподписанта в арбитражном разбирательстве не должно быть универсальным требованием. При добровольном вступлении согласие первоначальных сторон не требуется, поскольку инициатива исходит от самого лица. При привлечении согласие привлекаемого лица не требуется, а согласие первоначальных сторон зависит от инициатора привлечения: при инициативе истца согласие ответчика не требуется, в то время как при инициативе ответчика требуется согласие истца.

Резюмируя рассуждения о месте неподписантов среди участников арбитражного разбирательства, можно констатировать, что во всех случаях неподписант участвует в арбитражном разбирательстве в режиме соучастия. Неподписант никогда не может быть в качестве единственного истца или единственного ответчика. Это логически вытекает из самой природы неподписанта: он не подписывал арбитражное соглашение, следовательно, не может быть единственным истцом, инициирующим арбитраж, поскольку для этого требуется наличие заключенного, действительного и исполнимого арбитражного соглашения между истцом и ответчиком. Если неподписант выступает в качестве истца, он всегда делает это совместно с подписантом (как соистец), поскольку только подписант обеспечивает наличие арбитражного соглашения с ответчиком. Аналогично, неподписант не может быть

единственным ответчиком, поскольку в этом случае отсутствовало бы арбитражное соглашение между истцом и ответчиком. Если неподписант выступает в качестве ответчика, он всегда выступает совместно с подписантом (как соответчик), поскольку истец предъявляет требования к подписанту (с которым у него есть арбитражное соглашение) и к неподписанту (в отношении которого устанавливается материально-правовая связанность).

Однако, в отличие от цивилистического процесса, где процессуальное соучастие допускается при наличии общих прав или обязанностей, одного основания либо однородных прав и обязанностей¹, в арбитражном разбирательстве с участием неподписантов условия соучастия являются более строгими. Оно возможно только при наличии арбитражного соглашения у подписанта на соответствующей стороне, единства материального правоотношения между подписантом и неподписантом (или его производности), установленной материально-правовой связанности неподписанта с обязательством, элементом которого является арбитражная оговорка (при привлечении), *prima facie* компетенции состава арбитража в отношении неподписанта, а также единства предмета спора или связанности требований в материально-правовом отношении. Условие однородности прав и обязанностей, допустимое в гражданском процессе, не применимо в арбитраже с участием неподписантов, поскольку однородные требования, не связанные единством правоотношения, не позволяют установить материально-правовую связанность, необходимую для восполнения отсутствия прямого согласия на арбитраж.

Из изложенного также следует, что в арбитражном разбирательстве неприменим институт замены ненадлежащего ответчика, известный

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. – Ч. 1, 2 ст. 46: «1. Иск может быть предъявлен в арбитражный суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие). 2. Процессуальное соучастие допускается, если: 1) предметом спора являются общие права и (или) обязанности нескольких истцов либо ответчиков; 2) права и (или) обязанности нескольких истцов либо ответчиков имеют одно основание; 3) предметом спора являются однородные права и обязанности».

цивилистическому процессу. В гражданском и арбитражном процессах замена суд может по ходатайству или с согласия истца допустить замену ненадлежащего ответчика надлежащим. Если истец не согласен на замену, суд может с согласия истца привлечь надлежащее лицо в качестве второго ответчика, а в случае отсутствия и такого согласия – продолжить рассмотрение дела по предъявленному иску. Суд продолжает рассмотрение дела по существу, поскольку его компетенция в отношении спора не зависит от того, кто именно является надлежащим ответчиком, а сам институт замены направлен на исправление процессуальной ошибки истца.

В арбитраже такой подход невозможен в силу самой природы арбитражной юрисдикции. Компетенция арбитра строго ограничена кругом лиц, связанных арбитражным соглашением (либо в силу прямого волеизъявления, либо в силу материально-правовой связанности). Если истец предъявил иск к лицу, в отношении которого у арбитра отсутствует компетенция (например, это лицо не подписывало арбитражное соглашение, не выразило согласия с ним или не связано им), состав арбитра не может произвести замену этого лица на другое в порядке, даже с согласия истца. Арбитраж не обладает полномочиями по принудительной замене стороны по своей инициативе или по ходатайству истца, поскольку его юрисдикция производна от соглашения сторон и не может быть распространена на лицо, в отношении которого компетенция не установлена. Если в отношении ответчика компетенция отсутствует, состав арбитра отказывает в ее признании и не может продолжать рассматривать дело в отношении этого лица.

Система процессуальных статусов в зависимости от материально-правового основания связанности арбитражным соглашением. Определив, что неподписант может приобретать исключительно статус стороны (соистца или соответчика) и что это зависит от сценария его участия в арбитражном разбирательстве (вступление или привлечение), необходимо

перейти к более детальному анализу факторов, определяющих выбор конкретного статуса.

При добровольном вступлении выбор статуса определяется волеизъявлением самого лица: оно либо присоединяется к требованию истца в качестве соистца, либо добровольно принимает статус соответчика. В данном случае установление материально-правовой связанности не требуется, поскольку основанием участия служит прямо выраженное согласие лица на арбитраж.

При привлечении определяющим фактором выступает материально-правовое основание, в силу которого лицо признается связанным арбитражным соглашением. Как было показано выше в Главе 1 настоящего исследования, такая связанность может быть обусловлена различными объективными юридическими фактами: правопреемством, представительством, фактическим участием в правоотношении или контролем над стороной. Именно эти основания предопределяют, в каком именно статусе, соистца или соответчика, неподписант может быть привлечен к участию в арбитражном разбирательстве. В связи с этим представляется необходимым последовательно рассмотреть каждое материально-правовое основание применительно к сценарию привлечения и определить, какой процессуальный статус возникает в каждом конкретном случае.

При правопреемстве (универсальном или сингулярном) неподписант становится стороной в силу самого факта перехода обязательства. Если к лицу перешло право требования, оно может выступить в качестве истца или соистца. Такой неподписант самостоятельно инициирует свое участие в арбитражном разбирательстве, подавая исковое заявление или заявление о вступлении в дело в качестве соистца. Его участие относится к сценарию добровольного вступления, поскольку он сам выражает желание участвовать в разбирательстве. Если к лицу перешел долг, оно может быть привлечено в качестве ответчика или соответчика. В этом случае участие относится к

сценарию привлечения, поскольку истец предъявляет требования к лицу, не подписавшему арбитражное соглашение, но являющемуся правопреемником должника. Связанность при правопреемстве презюмируется из факта перехода обязательства, подтвержденного документально.

При представительстве (посредничестве) связанность зависит от того, от чьего имени и в чьем интересе действовало лицо. Если представитель действовал от имени доверителя, связан доверитель, который может быть истцом или ответчиком в зависимости от того, в чью пользу возникло обязательство. Если посредник действовал от своего имени, связан он сам. В практике международного коммерческого арбитража нередки случаи, когда поручители или гаранты, не являющиеся формальными сторонами основного договора, признавались связанными арбитражной оговоркой на том основании, что их обязательство является акцессорным по отношению к основному обязательству. В зависимости от того, кто именно инициирует участие, неподписант при представительстве может приобрести статус истца или соистца (при вступлении) либо статус ответчика или соответчика (при привлечении). Связанность устанавливается на основе документов, подтверждающих полномочия представителя, либо на основе акцессорного характера обязательства.

При фактическом участии в правоотношении (подразумеваемом согласии) лицо, формально не являющееся стороной договора, но своим поведением фактически участвующее в его исполнении, ведущее переговоры, получающее выгоду от сделки, может быть признано фактической стороной обязательства. При таком фактическом участии неподписант может приобрести статус истца или соистца (если он сам инициирует разбирательство) либо статус ответчика или соответчика (если иск предъявляется к нему на основании его фактического участия). В первом случае участие является добровольным; во втором – принудительным, причем

для привлечения в качестве соответчика требуется установление факта фактического участия.

При контроле над стороной (доктрина группы компаний) неподписант может приобрести статус соистца (если компания группы считает себя управомоченной и инициирует разбирательство совместно с другими компаниями группы) либо статус соответчика (если требования предъявляются к компании группы наряду с другими компаниями). В первом случае участие является добровольным, во втором – принудительным, причем для привлечения в качестве соответчика требуется установление факта принадлежности к группе компаний и участия в соответствующем правоотношении.

При контроле над стороной (доктрина «альтер эго») неподписант может быть привлечен только в качестве соответчика, поскольку требования предъявляются к контролирующему лицу наряду с контролируемой организацией. Доктрина «альтер эго» исходит из того, что контролирующее лицо и контролируемая организация настолько тесно связаны, что их следует рассматривать как одно лицо для целей арбитражного соглашения.

Таким образом, при привлечении выбор процессуального статуса неподписанта (соистца или соответчика) определяется характером материально-правового основания связанности. Установление такой связанности является необходимым условием для привлечения неподписанта, тогда как при вступлении основанием участия служит исключительно волеизъявление самого лица.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

На основе критического осмысления доктринальных подходов к определению лица, не подписавшего арбитражное соглашение, представляется обоснованным сформулировать следующее определение:

неподписант – это субъект, не имеющий формального статуса стороны арбитражного соглашения, но признанный составом арбитража или компетентным органом арбитражного учреждения в качестве участника арбитражного разбирательства на основании установленной материально-правовой связанности обязательством из арбитражного соглашения или выраженного волеизъявления такого лица на участие в инициированном разбирательстве. В структуре данного определения выделены три конститутивных признака: формальный (отсутствие формальной подписи под арбитражным соглашением), материальный (наличие основания для признания лица участником: выраженное волеизъявление при вступлении либо установленная материально-правовая связанность при привлечении) и процессуальный (приобретение статуса участника арбитражного разбирательства).

Неподписант при этом не является самостоятельным процессуальным статусом среди участников арбитражного разбирательства, а представляет собой особое основание легитимации уже известных участников – сторон (истца или ответчика). В отличие от гражданского процесса, где третьи лица являются самостоятельным процессуальным участником и могут быть привлечены к участию в деле независимо от их согласия, в арбитраже институт третьего лица без самостоятельных требований не может быть использован, поскольку арбитражное решение не должно затрагивать прав лица, не являющегося стороной и не выразившего согласия на арбитраж, в связи с чем третье лицо без требований в арбитраже, если оно и допускается отдельными регламентами, может участвовать в нем только добровольно.

Участие неподписанта возможно в двух сценариях: вступление (по инициативе или с согласия самого лица) и привлечение (по инициативе стороны или состава арбитража). При вступлении неподписант приобретает статус соистца либо, в исключительных случаях, добровольно принимает статус соответчика. При привлечении неподписант может участвовать только

в качестве соответчика. Согласие первоначальных сторон на участие неподписанта не является универсальным требованием: при вступлении оно не требуется, в то время как при привлечении согласие привлекаемого лица не требуется, а согласие первоначальных сторон зависит от инициатора привлечения (при инициативе истца согласие ответчика не требуется, в то время как при инициативе ответчика требуется согласие истца).

Неподписант всегда участвует в арбитражном разбирательстве в режиме процессуального соучастия, никогда не выступая в качестве единственного истца или единственного ответчика. Условия соучастия в арбитраже с участием неподписанта являются более строгими, чем в цивилистическом процессе: наличие арбитражного соглашения у подписанта на соответствующей стороне, единство материального правоотношения между подписантом и неподписантом (или его производность), установленная материально-правовая связанность неподписанта (при привлечении), *prima facie* компетенция состава арбитража в отношении неподписанта, единство предмета спора или связанность требований в материально-правовом отношении. Условие однородности прав и обязанностей, допустимое в цивилистическом процессе, не применимо в арбитраже, поскольку однородные требования, не связанные единством правоотношения, не позволяют установить материально-правовую связанность, необходимую для восполнения отсутствия прямого согласия на арбитраж.

В арбитражном разбирательстве неприменим институт замены ненадлежащего ответчика, известного цивилистическому процессу, поскольку состав арбитража не может продолжать рассматривать дело в отношении лица, компетенция в отношении которого отсутствует, и не обладает полномочиями по принудительной замене стороны.

Конкретный процессуальный статус неподписанта при привлечении находится в прямой зависимости от установленного материально-правового основания связанности: при правопреемстве (переход права требования) –

статус соистца, при правопреемстве (переход долга) – статус соответчика, при представительстве – статус соистца или соответчика в зависимости от того, от чьего имени действовало лицо, при фактическом участии – статус соистца или соответчика, при контроле (группа компаний) – статус соистца или соответчика, при контроле (альтер эго) – только статус соответчика.

Проведенный анализ создает необходимые теоретические предпосылки для разработки процессуального механизма привлечения лиц, не подписавших арбитражное соглашение, что будет предметом рассмотрения следующих параграфов настоящего исследования.

2.2. Дифференциация процессуальных моделей установления компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение

Определившись с тем, кто такие неподписанты, какой процессуальный статус они могут занимать, в каких формах и на каких основаниях возможно их участие в арбитражном разбирательстве, представляется необходимым перейти к ключевому вопросу, а именно: каким образом происходит их вовлечение в арбитражное разбирательство, каким образом и на каком основании распространяется компетенция состава арбитража на неподписанта.

В силу принципа *kompetenz-kompetenz*, закрепленного в национальных арбитражных законодательствах и регламентах большинства арбитражных учреждений, состав арбитража самостоятельно разрешает вопрос о своей компетенции¹. Из этого также следует, что вопрос о распространении своей компетенции на лиц, формально не являющихся сторонами арбитражного соглашения, тоже должен решать непосредственно сам состав арбитража. Однако сама по себе констатация этого принципа не снимает сложностей, связанных с процедурным оформлением такого распространения. Проблема заключается в том, что решение вопроса о компетенции в отношении неподписанта требует не только юрисдикционного акта, который без сомнений может быть принят только составом арбитража, но и определения надлежащего процессуального момента для его принятия и разграничения функций между арбитражным учреждением и составом арбитража применительно к различным формам участия неподписантов в арбитражном разбирательстве, а для сценария привлечения – и характеру материально-правового основания, на котором такое участие основывается.

¹ См: статью 16 Федерального закона от 29 декабря 2015 года N 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации", статью 16 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года N 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже".

Как было установлено выше, участие лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в арбитражном разбирательстве возможно в двух принципиально различных формах, каждая из которых порождает необходимость формирования различного процессуального механизма для разрешения вопроса о компетенции арбитража в отношении такого неподписанта.

При добровольном вступлении лицо само инициирует свое участие, подавая соответствующее заявление о вступлении в арбитражное разбирательство либо соглашается с заявлением (ходатайством) стороны арбитражного разбирательства о его привлечении к участию. В данном случае вопрос о компетенции арбитража фактически сводится к проверке наличия волеизъявления лица и его соответствия предмету спора. Аналогичная ситуация формируется при использовании бесспорных оснований. Связанность арбитражной оговоркой будет с высокой степенью вероятности установлена на основании исследования документов (*например, подтверждающих состоявшуюся уступку права требования*).

При привлечении и применении оспоримых оснований вопрос о компетенции требует установления материально-правовой связанности обязательством, элементом которого выступает арбитражное соглашение, что предполагает исследование и установление объективных юридических фактов: правопреемства, представительства, фактического участия в правоотношении или контроля над стороной.

Существующие подходы к определению компетентного органа. В различных арбитражных регламентах вопрос о том, кто именно уполномочен разрешать вопрос о вступлении или привлечении неподписанта, решается по-разному. Анализ правил ведущих арбитражных учреждений позволяет выделить три основных подхода, каждый из которых имеет свои особенности, преимущества и недостатки.

Первый подход – решение арбитражным учреждением на этапе обмена первыми процессуальными документами в рамках арбитражного

разбирательства с момента подачи уведомления об арбитраже и до подачи ответчиком ответа на него. В соответствии с Правилами Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (SCC), ходатайство о привлечении дополнительной стороны должно быть заявлено до представления позиции ответчиком, а в случае, если ходатайство подано после представления ответчиком своей позиции, Правление SCC вправе оставить заявление без рассмотрения¹. Преимущество данной модели заключается в том, что вопрос о привлечении решается на максимально ранней стадии, что позволяет привлекаемому лицу получить полный объем процессуальных прав, включая право на участие в формировании состава арбитража. Это особенно важно в тех случаях, когда привлечение неподписанта является критически важным для полноты разрешения спора и исполнимости будущего решения. Кроме того, раннее разрешение вопроса о составе участников позволяет избежать ситуации, когда стороны и арбитры тратят время и ресурсы на рассмотрение спора по существу, а затем выясняется, что арбитры не обладают компетенцией в отношении одного из участников.

Однако данная модель имеет и существенные недостатки. Арбитражное учреждение, принимая решение на стадии регистрации, не обладает полным объемом информации о деле и может принять решение, которое впоследствии будет пересмотрено составом арбитража. Как уже было отмечено, такое решение носит предварительный характер и не препятствует последующему пересмотру. Однако сам факт необходимости такого пересмотра создает дополнительную процессуальную неопределенность и может привести к затягиванию разбирательства. Кроме того, арбитражное учреждение, в отличие от состава арбитража, не является юрисдикционным органом, поскольку его функция носит скорее административный характер. Соответственно, решение учреждения о привлечении дополнительной стороны основано на *prima facie* анализе, который может быть недостаточным,

¹ SCC Arbitration Rules 2023. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/wp-content/uploads/2024/12/SCC_Arbitration_Rules_2023_English.pdf. – Art. 13(2).

особенно в сложных случаях, требующих исследования не только фактических обстоятельств, но и правовых вопросов для установления материально-правовой связанности.

Второй подход – решение составом арбитров. В соответствии с Регламентом Лондонского международного третейского суда (LCIA), вопрос о присоединении третьего лица к разбирательству относится к полномочиям состава арбитража¹. По Регламенту Международной торговой палаты (ICC) принимать решение о присоединении дополнительной стороны также уполномочен состав арбитража. Преимущество данной модели заключается в том, что состав арбитража, уже ознакомленный с материалами дела, может более полно и всесторонне оценить наличие материально-правовых оснований для привлечения. Арбитры, погруженные в существо спора, способны принять более обоснованное решение, чем арбитражное учреждение, действующее на стадии регистрации. Кроме того, решение состава арбитража является окончательным в рамках данного разбирательства и не подлежит пересмотру, что обеспечивает процессуальную определенность.

Недостатком данной модели является риск затягивания разбирательства, поскольку вопрос решается после формирования состава, и привлекаемое лицо может быть лишено права на участие в формировании состава. Если привлечение происходит после формирования состава, привлекаемое лицо должно принять уже сформированный состав, что ограничивает его процессуальные права. Кроме того, если состав арбитража отказывает в привлечении, это может повлечь за собой необходимость инициирования отдельного разбирательства, что противоречит принципу процессуальной экономии.

Третий подход – смешанный (в зависимости от момента привлечения). Так, например, в Регламенте РАЦ закреплена гибридная модель,

¹ LCIA Arbitration Rules 2020. – Art. 22.1(x).

предусматривающая различные компетентные органы по разрешению вопроса о присоединении дополнительной стороны в зависимости от момента такого присоединения: если оно происходит до формирования состава арбитража, решение принимает Президиум РАЦ, а если после – непосредственно состав арбитров¹. При этом в Регламенте прямо закреплено, что стороны обязаны принять арбитраж в том состоянии, в котором он находится на момент вступления. Эта модель, на первый взгляд, представляется наиболее удачной, поскольку она учитывает как интересы привлекаемого лица, которое в случае привлечения до формирования состава получает полный объем прав, так и интересы уже существующих сторон, которые не должны испытывать негативные последствия от затягивания разбирательства.

В каждом из указанных вариантов процедура вовлечения неподписанта в арбитражное разбирательство может иметь место на разных стадиях арбитражного разбирательства и предполагает разграничение двух самостоятельных процессуальных вопросов: вопроса о допуске лица к участию в разбирательстве и вопроса о компетенции состава арбитража в отношении такого лица. Вопрос о допуске может разрешаться арбитражным учреждением на стадии возбуждения арбитражного разбирательства до формирования состава арбитража. Такое решение носит предварительный характер и не предreshает вопроса о компетенции состава арбитража. Вопрос о компетенции, напротив, подлежит разрешению исключительно сформированным составом арбитров, который в силу принципа *kompetenz-kompetenz* самостоятельно оценивает наличие у него компетенции в отношении неподписанта. Если состав арбитража уже сформирован, то решение как о допуске, так и о компетенции принимается непосредственно составом арбитража.

Таким образом, в зависимости от момента вовлечения неподписанта в разбирательство процедура может различаться: до формирования состава

¹ Арбитражный регламент РАЦ 2021. – Art. 35(4).

арбитража вопрос о допуске решается арбитражным учреждением, после формирования – как вопрос о допуске, так и вопрос о компетенции решаются составом арбитража.

Однако, представляется, что все три описанных подхода страдают общим недостатком: они не дифференцируют процедуру разрешения вопроса о компетенции в зависимости от формы участия неподписанта в арбитражном разбирательстве. Как было показано выше, вступление и привлечение имеют принципиально различную природу и, соответственно, требуют различных процедурных механизмов. Смешение этих сценариев в рамках единой процедуры порождает правовую неопределенность, увеличивает риски затягивания разбирательства и нарушения процессуальных прав участников.

При вступлении и применении бесспорных оснований вопрос о волеизъявлении лица, как правило, не вызывает сомнений, и проблема сводится к формальному аспекту. При привлечении и применении оспоримых оснований, напротив, требуется полноценное исследование материально-правовой связанности, что предполагает анализ фактических обстоятельств и оценку поведения сторон. Соответственно, процедуры различаются: для добровольного вступления и бесспорных оснований достаточно допуска неподписанта к участию в арбитражном разбирательстве на основании решения арбитражного учреждения в порядке установления *prima facie* компетенции на стадии возбуждения арбитражного разбирательства без ущерба для последующего установления своей компетенции составом арбитража с целью процессуальной оптимизации, в то время как для привлечения должно быть возможно исключительно по решению состава арбитража в рамках отдельной стадии арбитражного разбирательства в силу сложности доказывания и установления связанности неподписанта арбитражным соглашением.

Вступление и бесспорное основание: процедура и дифференциация в зависимости от согласия сторон. Как уже было отмечено ранее,

неподписант может участвовать в арбитражном разбирательстве в двух формах, которые должны иметь и существенные процессуальные различия, на которых следует остановиться отдельно.

Так, вступление лица, не подписавшего арбитражное соглашение, в арбитражное разбирательство может быть инициировано двумя способами. В первом случае лицо самостоятельно узнает о существовании арбитражного разбирательства, в котором его права и обязанности могут быть затронуты, и принимает решение о вступлении в него. Источниками такой информации могут выступать публичные сведения о ходе разбирательства (если разбирательство не является конфиденциальным), уведомления от стороны арбитражного разбирательства, осведомленность лица о коммерческом проекте, в рамках которого возник спор, а также иные источники, позволяющие лицу получить сведения о вестущем разбирательстве. Во втором случае лицо получает предложение от одной из сторон арбитражного разбирательства о присоединении к такому разбирательству. Такое предложение может быть сделано как на стадии инициирования разбирательства, так и в ходе его ведения.

Лицо, желающее добровольно вступить в арбитражное разбирательство, подает соответствующее заявление. Характер заявления зависит от того, в каком качестве лицо намерено участвовать. Если лицо присоединяется к требованию истца, считая себя управомоченным по обязательству, оно подает заявление о вступлении в дело в качестве соистца либо исковое заявление, если инициирует разбирательство совместно с другими истцами. Если лицо добровольно принимает статус ответчика, оно подает заявление о согласии на привлечение в качестве ответчика. В заявлении должны быть изложены основания, по которым лицо считает себя связанным арбитражным соглашением и управомоченным (при вступлении в качестве соистца) либо обязанным (при принятии статуса ответчика). К заявлению должны быть

приложены доказательства, подтверждающие наличие волеизъявления лица на участие в арбитражном разбирательстве.¹

В зависимости от того, достигнуто ли согласие всех участников разбирательства на вступление неподписанта, процедура добровольного вступления должна различаться.

Первая ситуация: все стороны согласны на вступление неподписанта.

В ситуации, когда все стороны арбитражного разбирательства (истец, ответчик и само лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, но желающее вступить в арбитражное разбирательство) выражают согласие на вступление неподписанта, вопрос о его допуске к участию в разбирательстве не вызывает спора. Отсутствует конфликт интересов, который требовал бы вмешательства состава арбитража для разрешения вопроса о компетенции. В данном случае проблема сводится исключительно к формальному аспекту – волеизъявление лица, выраженное в заявлении о вступлении, не было облечено в предусмотренную законом форму арбитражного соглашения.

Представляется, что в данной ситуации наиболее целесообразным является модель разрешения вопроса о допуске неподписанта к участию в арбитражном разбирательстве должен решаться на самой ранней стадии возбуждения арбитражного разбирательства арбитражным учреждением. Арбитражное учреждение проверяет наличие оснований для признания лица управомоченным или обязанным по обязательству, то есть устанавливает, что заявление о вступлении исходит от лица, которое может быть связано с предметом спора. Такая проверка носит сугубо формальный характер: учреждению достаточно убедиться в том, что заявление подано надлежащим лицом и что оно относится к предмету спора. Полноценное исследование

¹ См: Авраменко М.А. Привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к арбитражному разбирательству - вопросы установления компетенции арбитража // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2026. N 1. С. 65 - 74.

фактических обстоятельств, анализ поведения сторон или иных сложных процессуальных действий не требуется.

Такое решение арбитражного учреждения о допуске лица к участию в разбирательстве с высокой вероятностью будет поддержано и арбитрами при принятии решения о компетенции. Отсутствие необходимости в пересмотре обосновано тем, что все участники разбирательства – истец, ответчик и сам неподписант – выразили согласие на его участие. Это согласие, по сути, представляет собой отказ от права последующего оспаривания компетенции состава арбитража в отношении неподписанта. Стороны, выражая согласие на вступление неподписанта, тем самым признают его надлежащим участником разбирательства и отказываются от возражений против компетенции арбитража в отношении такого лица.

При использовании бесспорного основания в преобладающем числе случаев связанность неподписанта арбитражным соглашением является трудно оспоримой. Как следствие, спор о компетенции в отношении неподписанта отсутствует или трудно оспорим, что ограничивает круг ситуаций, когда такое оспаривание в целом будет производиться. Составу арбитража не требуется отдельно разрешать этот вопрос после своего формирования. Поскольку решение о допуске принимается на стадии возбуждения арбитражного разбирательства, неподписант допускается к участию в процессе до формирования состава арбитража и наделяется полным объемом процессуальных прав, включая право на участие в формировании состава арбитража, заявление отводов и представление своей позиции по всем вопросам, возникающим в ходе разбирательства. Таким образом, обеспечивается баланс между процессуальной эффективностью арбитражного разбирательства и соблюдением процессуальных гарантий неподписанта.

Данная модель, во-первых, обеспечивает процессуальную экономию, поскольку исключает необходимость повторного рассмотрения вопроса о компетенции составом арбитража после его формирования. Во-вторых, она

позволяет лицу, добровольно вступающему в разбирательство, получить полный объем процессуальных прав с самого начала разбирательства. В-третьих, она основана на принципе диспозитивности: стороны свободны распоряжаться своими процессуальными правами, в том числе правом на оспаривание компетенции арбитража. При этом важно подчеркнуть, что арбитражное учреждение принимает решение именно о допуске, а не о компетенции. Вопрос о компетенции состава арбитража в отношении неподписанта в данном случае не требует отдельного разрешения, поскольку стороны, выражая согласие на участие неподписанта, фактически признают компетенцию арбитража в отношении такого лица и отказываются от права на ее последующее оспаривание.

Вторая ситуация: не все стороны согласны на вступление неподписанта. В ситуации, когда не все стороны арбитражного разбирательства согласны на вступление неподписанта (например, лицо, не подписавшее арбитражное соглашение, желает вступить, но одна из первоначальных сторон возражает против этого, либо лицо желает вступить, но обе стороны не дают согласия, либо одна из сторон оспаривает переход прав), возникает конфликт интересов. В отличие от первой ситуации, где все стороны выразили согласие на участие неподписанта и тем самым отказались от последующего оспаривания компетенции, во второй ситуации такое согласие отсутствует, что порождает спор о компетенции, требующий разрешения. Фактически такая ситуация трансформируется из «вступления» в «привлечение», поскольку одна из первоначальных сторон разбирательства возражает против появления дополнительной стороны в разбирательстве.

В данной ситуации логично предположить, что процедура распадается на два этапа, в рамках которых *de facto* поднимается вопрос о допуске к разбирательству и наличие возражений сторон, а впоследствии принимается решение о возможности участия такого лица в разбирательстве.

На первом этапе арбитражное учреждение в порядке *prima facie* принимает предварительное решение о допуске лица к участию в разбирательстве. Такое решение принимается на стадии возбуждения арбитражного разбирательства и позволяет неподписанту быть допущенным к участию в процессе до формирования состава арбитража. Неподписант, получивший такой предварительный допуск, наделяется полным объемом процессуальных прав, включая право на участие в формировании состава арбитража. Однако решение арбитражного учреждения о допуске не является окончательным и принимается без ущерба для последующего решения состава арбитража о его компетенции в отношении неподписанта.¹

На втором этапе, состав арбитража принимает окончательное решение о своей компетенции в отношении неподписанта. При этом решение арбитражного учреждения о допуске, принятое на первом этапе, никак не связывает состав арбитража и может быть им пересмотрено. Окончательное решение состава арбитров о компетенции в отношении неподписанта, в отсутствие условия о невозможности оспаривания в арбитражном соглашении, может быть оспорено в государственном суде в порядке, предусмотренном применимым законодательством.

Привлечение неподписанта: процедура и обоснование выделения самостоятельной стадии. Как было показано выше, основанием для дифференциации процессуальных моделей при вступлении выступает согласие сторон арбитражного разбирательства на участие неподписанта. При единогласном согласии всех сторон решение о допуске принимается арбитражным учреждением на стадии возбуждения разбирательства с окончательным эффектом; при отсутствии такого единогласия применяется двухэтапная процедура с предварительным решением арбитражного

¹ Авраменко М.А. Процедура привлечения лица, не подписавшего арбитражную оговорку, к арбитражному разбирательству // Евразийский журнал. 2025. № 8. С. 74 – 77.

учреждения и последующим разрешением вопроса о компетенции составом арбитража.

Применительно к привлечению указанный критерий – согласие сторон – не может служить основанием для дифференциации процедуры, поскольку само привлечение осуществляется именно в отсутствие прямого согласия неподписанта, а согласие сторон арбитражного разбирательства, даже если оно и имеется, не снимает необходимости установления компетенции в отношении лица, не выражавшего воли на участие в арбитраже. В связи с этим определяющим критерием становится характер материально-правового основания, на основании которого устанавливается связанность неподписанта арбитражным соглашением, – бесспорное или оспоримое.

Однако, прежде чем перейти к анализу возможных процессуальных моделей для привлечения неподписанта, особого внимания заслуживает вопрос о возможности привлечения неподписанта по инициативе состава арбитража.

Представляется, что такая инициатива не должна допускаться в силу самой природы арбитража и вышеобозначенного принципа *kompetenz-kompetenz*¹. Принцип *kompetenz-kompetenz* предоставляет составу арбитров полномочия оценивать наличие компетенции в отношении сторон, уже участвующих в разбирательстве. Однако этот принцип не наделяет состав арбитража полномочиями по инициированию привлечения новых лиц, не являющихся сторонами арбитражного соглашения. Инициатива по расширению круга участников разбирательства должна исходить от сторон, поскольку именно стороны являются носителями материальных прав и обязанностей, составляющих предмет спора.

¹ См.: Born G.B. Op. cit. – P. 1050–1150; Lew J., Mistelis L., Kröll S. Op. cit. – P. 334–355; Redfern A., Hunter M. Op. cit. – P. 245–270; Курочкин С.А. Указ. соч. – С. 45–52; Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Указ. соч. – С. 118–124.

Вместе с тем, привлечение неподписанта является исключением из общего правила о том, что расширение круга участников требует согласия всех сторон. Это исключение оправдано тем, что привлечение возможно только при установлении материально-правовой связанности неподписанта, что восполняет отсутствие его непосредственного согласия. В этом случае инициатива должна исходить от стороны, заинтересованной в привлечении такого лица к участию в арбитражном разбирательстве, а не от самого состава арбитража.

Исключение из этого правила может быть допущено только в двух случаях. Во-первых, если стороны арбитражного соглашения прямо предусмотрели в нем возможность привлечения дополнительных сторон по инициативе состава арбитража, наделив его соответствующими полномочиями. Во-вторых, если такие полномочия по инициативному привлечению дополнительных сторон составом арбитража прямо предусмотрены арбитражным регламентом, который стороны выбрали в качестве применимого к их разбирательству.

Во всех иных случаях привлечение неподписанта по инициативе состава арбитража должно быть признано недопустимым. Единственным возможным источником инициативы по привлечению должна быть сторона арбитражного разбирательства (истец или ответчик), которая заинтересована в привлечении неподписанта для обеспечения полноты разрешения спора, исполнимости решения или процессуальной экономии. Такое привлечение по инициативе стороны является исключением из общего правила о необходимости согласия всех сторон, но это исключение оправдано установлением материально-правовой связанности неподписанта. Состав арбитража вправе лишь рассматривать поступившее ходатайство стороны и принимать по нему решение, но не инициировать привлечение самостоятельно. Представляется, что только такой подход в полной мере соответствует природе арбитража как

юрисдикционной формы защиты права, производной от воли сторон, и в то же время обеспечивает соблюдение принципа диспозитивности.

Как уже было показано ранее, привлечение имеет место в тех случаях, когда лицо вовлекается в арбитражное разбирательство по инициативе стороны в отсутствие прямо выраженного согласия неподписанта. В данном случае основанием для участия служит установленная материально-правовая связанность лица с обязательством, элементом которого является арбитражное соглашение. Привлечение всегда связано с необходимостью преодоления отсутствия формального согласия лица, что требует установления объективных юридических фактов, подтверждающих такую связанность, восполняющую отсутствие непосредственного согласия на арбитраж.

Прежде чем перейти к обоснованию выделения самостоятельной стадии привлечения неподписанта к участию в третейском разбирательстве, необходимо определить, что понимается под стадией арбитражного разбирательства, какие стадии традиционно выделяются и почему применение данного термина к арбитражной процедуре является обоснованным.

В науке гражданского процессуального права под стадией традиционно понимается совокупность процессуальных действий, объединенных единой процессуальной целью. Стадийность процесса означает его движение от одного этапа к другому, каждый из которых характеризуется специфическими задачами и завершается принятием соответствующего процессуального акта. Как отмечал М.А. Гурвич, стадийность является неотъемлемым свойством процесса, обеспечивающим его упорядоченность и эффективность¹. К.С. Юдельсон выделял следующие стадии гражданского процесса: возбуждение производства по делу, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное разбирательство, пересмотр судебных постановлений². В.М. Шерстюк, развивая это учение, подразделял производство в суде первой инстанции на

¹ Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 48.

² Советский гражданский процесс: учебник / под ред. К.С. Юдельсона. – М.: Госюриздат, 1956. С. 69.

стадии возбуждения дела, подготовки дела к судебному разбирательству, рассмотрения и разрешения дела¹.

Применение термина «стадия» к арбитражному разбирательству является обоснованным в силу ряда обстоятельств. Арбитражное разбирательство, подобно судопроизводству, представляет собой регламентированную последовательность процессуальных действий, направленных на разрешение спора и вынесение обязательного для сторон решения.

Арбитражное разбирательство, как и цивилистический процесс, движется от одного этапа к другому, и каждый из этих этапов характеризуется специфическими процессуальными задачами и завершается определенным процессуальным актом. Кроме того, как отмечалось ранее, арбитражное разбирательство во многом сходно с судопроизводством по своей функциональной направленности: оно направлено на разрешение гражданско-правового спора и вынесение обязательного решения, которое может быть принудительно исполнено. В этой связи использование понятийного аппарата, выработанного наукой гражданского процессуального права, применительно к арбитражному разбирательству является не только теоретически обоснованным, но и практически продуктивным.

В международном коммерческом арбитраже, как следует из анализа соответствующей практики и доктрины, можно выделить следующие основные стадии разбирательства, каждая из которых имеет свои процессуальные задачи:

- (1) Инициирование (возбуждение) третейского разбирательства. Данная стадия начинается с подачи уведомления об арбитраже (*request for arbitration* или *notice of arbitration*) и завершается подачей

¹ Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права. Вопросы теории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 16 - 19.

ответчиком ответа на такое уведомление. Уведомление об арбитраже, как правило, должно содержать требование о передаче спора в арбитраж, идентификацию сторон, указание на арбитражное соглашение, краткое описание спора и требуемое средство защиты. В практике международного арбитража эта стадия имеет критическое значение, поскольку именно с ней связывается начало течения процессуальных сроков и возникновение обязательств сторон по участию в разбирательстве. Как отмечает Г. Борн, национальное законодательство, как правило, предъявляет минимальные требования к содержанию уведомления, оставляя детали на усмотрение сторон и применимых арбитражных регламентов¹. Различные институциональные регламенты предусматривают разные подходы: одни допускают подачу краткого уведомления с последующим представлением развернутого искового заявления (например, LCIA)², другие требуют более подробного изложения требований уже на этой стадии (например, VIAC)³.

(2) Формирование состава арбитража. На этой стадии стороны назначают арбитров либо арбитры назначаются компетентным органом арбитражного учреждения в соответствии с применимыми правилами. Также на данной стадии разрешаются возможные вопросы об отводе арбитров. Механизмы формирования состава арбитража различаются в зависимости от того, идет ли речь о единоличном арбитре или о коллегиальном составе. На этой стадии также может решаться вопрос о временных мерах до формирования состава (*emergency arbitrator*), если это предусмотрено применимым регламентом.

¹ Born G.B. Op. cit. – P. 1050–1150.

² LCIA Arbitration Rules 2020. – Art. 1.

³ VIAC Rules of Arbitration and Mediation 2021 (Vienna Rules) (as amended with effect from 1 January 2025) // Официальный сайт Венского международного арбитражного центра (VIAC). – URL: <https://www.viac.eu/en/arbitration-basics/arbitration-rules/>. – Art. 7.

(3) Подготовка дела к третейскому разбирательству. Данная стадия включает в себя несколько ключевых процессуальных действий. Прежде всего, это обмен развернутыми состязательными документами: исковым заявлением (*statement of claim*), отзывом на иск (*statement of defence*), а также возможными возражениями и дополнениями. В международном арбитраже именно письменные состязательные документы играют первостепенную роль, и во многих случаях именно на этой стадии формируется основа для будущего решения¹. Важнейшим элементом данной стадии является раскрытие доказательств (*disclosure*). В отличие от судопроизводства, где эта процедура жестко регламентирована законом, в арбитраже раскрытие доказательств определяется соглашением сторон и усмотрением трибунала. Наиболее распространенным ориентиром служат Правила IBA о представлении доказательств (IBA Rules on the Taking of Evidence), которые предлагают сбалансированный подход, позволяющий сторонам запрашивать друг у друга документы, имеющие значение для дела, но при этом ограничивающий чрезмерные и обременительные запросы². Также на этой стадии проводится первоначальное процедурное совещание, на котором стороны и арбитражный трибунал согласовывают процедурный порядок (график) разбирательства, определяют язык арбитража, место проведения слушаний, устанавливают сроки для представления документов и доказательств, а также решают вопросы о бифуркации или трифуркации процесса.

¹ Born G.B. International Commercial Arbitration. – 3rd ed. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021. – P. 2300–2350; Lew J., Mistelis L., Kröll S. Comparative International Commercial Arbitration. The Hague; London; New York: Kluwer Law International, 2003. – P. 450–460; Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 320–330; Ходыкин Р.М. Письменные состязательные документы // Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского, Г.В. Севастьянова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. – С. 145–160.

² Born G.B. Op. cit. – P. 2400–2450; Redfern A., Hunter M. Op. cit. – P. 350–360. См. также: ст. 3(3) IBA Rules on the Taking of Evidence in International Arbitration 2020 // International Bar Association. URL: <https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=DEF09B43-2F44-4484-8F4B-523D36D1F7F5>.

- (4) Разбирательство по существу. Центральная стадия арбитражного разбирательства, в рамках которой проводятся устные слушания (*evidentiary hearings*), исследуются доказательства, заслушиваются объяснения сторон, показания свидетелей и заключения экспертов. Как отмечается в доктрине, проведение устного слушания является обязательным в подавляющем большинстве международных арбитражей, если стороны не договорились об обратном, поскольку, как отмечает И.Н. Лукьянова, и арбитры, и стороны получают максимальную возможность контролировать достоверность источников информации и содержания извлекаемой из них доказательственной информации¹. На этой стадии состав арбитража активно управляет процессом, устанавливая порядок допроса, решая вопросы о допустимости доказательств и обеспечивая равное распределение времени между сторонами.
- (5) Вынесение арбитражного решения – это заключительная стадия, завершающая разбирательство и содержащая окончательные выводы арбитров по существу спора. Арбитражное решение должно быть составлено в письменной форме, мотивировано, подписано арбитрами и содержать указание на место арбитража. Процедура вынесения решения включает в себя закрытие производства, после которого стороны не могут представлять новые доказательства, а также непосредственно процесс выработки решения, в ходе которого арбитры обсуждают и согласовывают свою позицию. В рамках институционального арбитража, например, по Регламенту ИСС, решение также подлежит проверке со стороны арбитражного учреждения.

¹ Лукьянова И.Н. Доверие к арбитражу в дистанционных слушаниях // Третейский суд. 2022. N 1. С. 113.

В рамках указанных стадий третейское разбирательство может быть структурировано с применением процедур бифуркации и трифуркации¹. В рамках указанных стадий арбитражное разбирательство может быть дополнительно структурировано с применением процедур бифуркации и трифуркации. Бифуркация представляет собой разделение арбитражного процесса на две части, что позволяет рассмотреть отдельные вопросы в различном порядке. Чаще всего бифуркация применяется для выделения процессуальных (юрисдикционных) вопросов в отдельную стадию, предшествующую рассмотрению спора по существу². Соответственно, трифуркация представляет собой деление процесса на три части³.

В соответствии с Руководством по компетенции состава арбитража Российского арбитражного центра, состав арбитража вправе предложить сторонам при согласовании порядка (графика) арбитражного разбирательства провести бифуркацию (разделение процесса на две части для рассмотрения отдельно процессуальных и материальных вопросов), в том числе по вопросу о наличии у состава арбитража компетенции на разрешение спора⁴. Как отмечается в Руководстве, состав арбитража также вправе провести отдельные устные слушания для рассмотрения вопроса о наличии у него компетенции в качестве вопроса предварительного характера⁵.

Обоснование необходимости выделения самостоятельной факультативной стадии для привлечения на основании оспоримых оснований обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, привлечение на основании оспоримых оснований предполагает установление материально-правовой связанности, что требует

¹ ICC Arbitration Rules 2026. – Art. 37 (Scrutiny of the Award by the Court).

² Born G.B. Op. cit. P. 2285.

³ Born G.B. Op. cit. P. 2287.

⁴ Руководство по компетенции состава арбитража Российского арбитражного центра // Официальный сайт Российского арбитражного центра. URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2022/02/1.-Руководство-по-компетенции_final.pdf.

⁵ Там же.

полноценного исследования доказательств. Как было показано ранее, такая связанность может быть обусловлена правопреемством, представительством, фактическим участием в правоотношении или контролем над стороной. Установление этих фактов требует анализа широкого круга доказательств: корпоративных документов, переписки сторон, свидетельских показаний, заключений экспертов. Такая исследовательская деятельность не может быть осуществлена арбитражным учреждением на стадии регистрации иска; она требует участия состава арбитража, который способен оценить доказательства в их совокупности.

Во-вторых, предлагаемая модель, при всей ее обоснованности, очевидно, является более ограничивающей для неподписанта по сравнению с добровольным вступлением. В рамках привлечения лицо не только не выражает непосредственного согласия на участие в арбитражном разбирательстве, но и может активно возражать против своего вовлечения в процесс. При этом, в случае разрешения вопроса о привлечении после формирования состава арбитража, такое лицо фактически вынуждено согласиться на арбитраж в уже сформированном составе, поскольку оно не имело возможности участвовать в его формировании и заявлять отводы арбитрам на стадии их назначения. Для привлекаемого лица это означает, что оно лишается одной из ключевых процессуальных гарантий, предоставляемых сторонам арбитражного разбирательства, а именно – права на участие в формировании состава арбитража.

Такое ограничение, однако, представляется объективно необходимым и обусловлено самой природой привлечения. Поскольку привлечение осуществляется помимо воли лица, его процессуальные права не могут быть в полном объеме приравнены к правам стороны, добровольно вступившей в разбирательство. Привлекаемое лицо не является стороной арбитражного соглашения и не принимало участия в его заключении, соответственно, оно не может претендовать на те же процессуальные гарантии, которые предоставляются сторонам, добровольно избравшим или согласившимся

арбитраж в качестве способа разрешения спора. Вместе с тем, привлечение не должно приводить к полному лишению процессуальных прав привлекаемого лица, поэтому ключевые процессуальные гарантии, такие как право быть выслушанным, право представлять доказательства и право на справедливое разбирательство, в любом случае должны сохраняться, даже если право на формирование состава арбитража ограничено.

Ограничение процессуальных прав привлекаемого лица в части лишения его права на формирование состава арбитража служит интересам справедливости и полноценного разрешения спора. Если бы привлекаемое лицо получало право на формирование состава арбитража, это означало бы, что сторона, инициирующая привлечение, и уже существующие стороны вынуждены были бы пересматривать состав арбитража, который они формировали на основании своего арбитражного соглашения. Такое переформатирование состава не только нарушало бы их процессуальные ожидания, но и создавало бы риск злоупотреблений, когда привлекаемое лицо могло бы затягивать разбирательство через отводы и иные процессуальные действия.

В то же время, представляется, что для обеспечения процессуальных гарантий привлекаемого лица вопрос о его привлечении должен разрешаться в рамках отдельной стадии, на которой привлекаемому лицу предоставляется возможность представить свои возражения и доказательства, а также быть выслушанным по вопросу о его связанности арбитражным соглашением. Это позволяет сбалансировать интересы стороны, инициирующей привлечение, которая заинтересована в полноте разрешения спора и исполнимости решения, и интересы привлекаемого лица, которое должно иметь возможность защитить свои права, даже если оно напрямую не выражало согласие на участие в арбитражном разбирательстве.

В-третьих, и это наиболее важно, разрешение вопроса о привлечении до начала стадии подготовки дела является процессуальной необходимостью.

Обмен состязательными документами по существу (исковое заявление, отзыв на иск, возражения) не может быть полноценным, если круг участников разбирательства окончательно не определен. Привлекаемое лицо должно иметь возможность с самого начала участвовать в формировании позиции по существу спора, представлять свои доводы и доказательства на равных основаниях с другими сторонами. Если вопрос о привлечении будет решаться после того, как стороны уже обменялись исковым заявлением и отзывом на иск, привлекаемое лицо окажется в неравном процессуальном положении: оно будет вынуждено знакомиться с уже сформированными позициями сторон и реагировать на них в сжатые сроки, что может нарушить его право на справедливое разбирательство. Более того, это приведет к затягиванию процесса, поскольку потребуется либо предоставлять привлекаемому лицу дополнительное время для подготовки своей позиции, либо пересматривать уже поданные документы.

Процедурные особенности доказывания при бесспорных и оспоримых основаниях. Установление фактов в рамках третейского разбирательства, как и в классическом цивилистическом процессе, непосредственно связано с процедурой доказывания. Доказывание как переход от вероятных суждений к истинному знанию, обеспечивающему вынесение законного и обоснованного акта применения права, имеет место как в судопроизводстве, так и в арбитражном разбирательстве¹. Формирование эффективной модели регулирования процедуры привлечения к арбитражу лиц, не являющихся сторонами арбитражного соглашения, требует теоретического осмысления, особенно в части вопросов доказывания. Установление соответствующих юридически значимых фактов позволяет составу арбитража сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии: (1) конкретных материально-правовых оснований для привлечения неподписанта

¹ См.: Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: Учебное пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2017; Нотариат и суд в России: 150 лет вместе / Под ред. Е.А. Борисовой. М.: Городец, 2016. С. 181. Автор главы – В.В. Аргунов.

к разбирательству и, как следствие, (2) компетенции состава арбитража в отношении такого лица.

При бесспорных основаниях доказывание сводится к подтверждению объективного юридического факта. Например, при правопреемстве необходимо установить факт перехода прав и обязанностей в порядке универсального или сингулярного правопреемства. Для этого достаточно представить документы, подтверждающие такой переход (договор купли-продажи бизнеса, решение о реорганизации, передаточный акт и т.д.). Вопрос о связанности арбитражным соглашением разрешается на основе формально-юридического анализа этих документов. Не требуется исследование поведения сторон, их субъективных намерений или оценки корпоративных связей.

При оспоримых основаниях доказывание представляет собой значительно более сложный процесс. Например, при применении доктрины «группы компаний» необходимо установить, что неподписант является частью группы компаний, аффилированной со стороной арбитражного соглашения, и что его участие в арбитражном разбирательстве необходимо для обеспечения эффективности разрешения спора. Для этого требуется исследование корпоративной структуры, фактических связей между компаниями, степени контроля, переписки сторон, свидетельских показаний и иных доказательств. Такое доказывание невозможно на основе формально-юридического анализа ограниченного круга документов и требует полноценного состязательного процесса.

Таким образом, различия в объеме и характере доказывания при бесспорных и оспоримых основаниях напрямую влияют на выбор процессуальной модели разрешения вопроса о компетенции. Чем сложнее и объемнее доказывание, тем более обоснованным является выделение самостоятельной стадии с участием состава арбитража, который способен оценить доказательства в их совокупности и обеспечить процессуальные гарантии привлекаемого лица.

Дифференциация процессуальных моделей в зависимости от типа материально-правового основания. С учетом изложенного, представляется возможным предложить дифференцированный подход к процедуре привлечения неподписанта в зависимости от формы приобретения неподписантом статуса в рамках разбирательства (вступление или привлечение) и типа материально-правового основания.

В силу схожести с точки зрения необходимости установления фактов и установления фактов – при использовании бесспорного основания и добровольном вступлении процедура должна быть единой. На первом этапе арбитражное учреждение на стадии возбуждения арбитражного разбирательства принимает предварительное решение о допуске неподписанта к участию в разбирательстве на основании *prima facie* анализа. Такое решение принимается без ущерба для последующего решения состава арбитража о его компетенции в отношении неподписанта. Неподписант, получивший предварительный допуск, наделяется полным объемом процессуальных прав, включая право на участие в формировании состава арбитража. На втором этапе, после формирования состава арбитража, состав арбитража принимает окончательное решение о своей компетенции в отношении неподписанта. При этом решение арбитражного учреждения о допуске не связывает состав арбитража и может быть им пересмотрено. Выделение отдельной стадии для разрешения вопроса о компетенции в данном случае не требуется, поскольку установление связанности на основании бесспорных оснований и добровольном вступлении не предполагает исследования сложных фактических обстоятельств и может быть осуществлено в рамках обычного порядка рассмотрения вопроса о компетенции составом арбитража.

В случае, если привлечение основывается на оспоримом материально-правовом основании (доктрина группы компаний, «альтер эго», подразумеваемое согласие), установление связанности требует исследования совокупности фактических обстоятельств, оценки поведения сторон, анализа

корпоративных связей, степени контроля и иных факторов. В такой ситуации решение вопроса о привлечении неподписанта и о компетенции состава арбитража в отношении него не может быть принято арбитражным учреждением даже на предварительном уровне. Арбитражное учреждение не является юрисдикционным органом и не обладает полномочиями по разрешению споров о компетенции. Соответственно, вопрос о привлечении неподписанта, который по своей природе является вопросом о компетенции арбитража, подлежит разрешению только сформированным составом арбитража.

В связи с этим для привлечения на основании оспоримых оснований предлагается модель, предусматривающая выделение самостоятельной факультативной стадии арбитражного разбирательства.

Предлагаемая стадия привлечения неподписанта по оспоримым материально-правовым основаниям должна быть встроена в структуру арбитражного разбирательства непосредственно после стадии формирования состава арбитража и до начала стадии подготовки дела к разбирательству, включая обмен состязательными документами по существу. Выделение самостоятельной стадии для разрешения вопроса о привлечении неподписанта также способствует процессуальной экономии. Разрешение вопроса о компетенции до перехода к рассмотрению спора по существу позволяет избежать ситуации, когда стороны и арбитры тратят время и ресурсы на рассмотрение спора по существу, а затем выясняется, что арбитраж не обладает компетенцией в отношении одного из участников. Это особенно важно в тех случаях, когда привлечение неподписанта является критически важным для полноты разрешения спора и исполнимости будущего решения. Как отмечает Г. Смит (G. Smith), отсутствие стандартизированных процедурных решений в вопросах привлечения дополнительных лиц к разбирательству создает риски затягивания спора и необоснованного

увеличения расходов¹. Выделение самостоятельной стадии также позволяет минимизировать риски злоупотреблений процессуальным поведением. Четкое процессуальное оформление стадии привлечения, включающее сроки для подачи ходатайств, порядок уведомления привлекаемого лица и рассмотрения его возражений, позволяет предотвратить необоснованное затягивание разбирательства и злоупотребления со стороны недобросовестных участников.

При этом предлагаемая стадия носит факультативный характер. Она выделяется только в тех спорах, где возникает необходимость установления компетенции состава арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, путем его привлечения по оспоримым материально-правовым основаниям в инициированное арбитражное разбирательства. В тех спорах, где такая необходимость отсутствует, стадия привлечения не выделяется, и разбирательство продолжается в обычном порядке.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить оптимальную модель процедуры привлечения неподписанта к арбитражному разбирательству, учитывающую дифференциацию по типу материально-правового основания. Предлагаемая модель исходит из следующих принципов.

1. Разграничение процедуры в зависимости от типа материально-правового основания. При вступлении и бесспорных основаниях арбитражное учреждение на стадии возбуждения арбитражного разбирательства принимает предварительное решение о допуске неподписанта на основании *prima facie* анализа. Такое решение не является окончательным и принимается без ущерба для последующего решения состава арбитража о собственной компетенции в отношении привлекаемого лица. При оспоримых

¹ Smith G. A Comparative Analysis of Joinder and Consolidation Provisions under Leading Arbitral Rules // Journal of International Arbitration. 2018. P. 173-202.

основаниях вопрос о привлечении неподписанта передается на рассмотрение исключительно сформированного состава арбитража, который разрешает его в рамках самостоятельной факультативной стадии с предоставлением сторонам и привлекаемому лицу возможности представить доказательства и изложить правовые позиции.

2. Хронологическая гибкость. Привлечение неподписанта должно быть возможно на различных стадиях арбитражного разбирательства с различными правовыми последствиями. При привлечении на основании бесспорных оснований на стадии возбуждения арбитражного разбирательства привлекаемое лицо допускается к участию в разбирательстве и наделяется полным объемом процессуальных прав, включая право на участие в формировании состава арбитража. При привлечении на основании оспоримых оснований вопрос решается после формирования состава арбитража в рамках отдельной стадии, и привлекаемое лицо должно согласиться с уже сформированным составом, отказавшись от оспаривания ранее совершенных процессуальных действий (если иное не будет установлено составом арбитража в связи с существенным нарушением прав такого лица).
3. Процессуальные гарантии. Привлекаемое лицо должно быть надлежащим образом уведомлено о рассмотрении вопроса о его привлечении, ему должен быть предоставлен разумный срок для представления позиции и доказательств. При оспоримых основаниях привлекаемое лицо вправе ходатайствовать о проведении отдельного заседания по вопросу о компетенции до перехода к рассмотрению спора по существу.
4. Преклюзивный эффект. Решение состава арбитража о наличии компетенции в отношении неподписанта (в форме промежуточного постановления или определения) должно быть обязательным для

сторон и привлекаемого лица в рамках данного арбитражного разбирательства и не подлежат повторному оспариванию на последующих стадиях, за исключением случаев выявления новых обстоятельств.

Проведенный анализ позволяет заключить, что существующие подходы к разрешению вопроса о компетенции арбитража в отношении лица, не подписавшего арбитражное соглашение, страдают существенным недостатком: они не дифференцируют процедуру в зависимости от формы участия такого лица. Вступление и привлечение имеют принципиально различную природу: в первом случае основанием участия служит волеизъявление лица, во втором – установленная материально-правовая связанность. Смещение этих сценариев в рамках единой процедуры порождает правовую неопределенность и риски нарушения процессуальных прав участников.

Для добровольного вступления процедура должна быть выстроена с учетом стремления к оптимизации разбирательства: первоначально выносится решение арбитражного учреждения о допуске в порядке *prima facie* без ущерба для последующего решения состава арбитража о собственной компетенции.

Привлечение, напротив, требует полноценного исследования материально-правовых оснований. При бесспорных основаниях действует модель, аналогичная добровольному вступлению при отсутствии единогласного согласия: арбитражное учреждение принимает предварительное решение о допуске на основании *prima facie* анализа на стадии возбуждения разбирательства, а состав арбитража после своего формирования разрешает вопрос о компетенции. При оспоримых основаниях вопрос о привлечении неподписанта и о компетенции состава арбитража в отношении него может быть разрешен только сформированным составом арбитража в рамках отдельной факультативной стадии, встраиваемой между формированием состава арбитража и подготовкой дела к разбирательству. Выделение такой стадии является процессуальной необходимостью,

поскольку позволяет обеспечить процессуальные гарантии привлекаемого лица (право быть заслушанным, представлять доказательства) и избежать ситуации, когда обмен состязательными документами по существу происходит до окончательного определения круга участников, что нарушает принцип равноправия и ведет к затягиванию процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование, посвященное участию лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве, позволяет сформулировать ряд теоретических положений и практических рекомендаций, развивающих науку гражданского процессуального права, международного частного права.

Исторически круг участников третейского разбирательства отождествлялся со сторонами, подписавшими арбитражное соглашение. Такое отождествление являлось следствием двух фундаментальных положений: восприятия арбитража как юрисдикционной формы, производной исключительно от добровольного волеизъявления сторон арбитражного соглашения, и принципа относительности договора, согласно которому арбитражное соглашение связывает только его участников и не порождает прав и обязанностей для третьих лиц. Данный подход, долгое время считавшийся незыблемым, исходил из того, что согласие на арбитраж должно быть непосредственно выражено и формально зафиксировано, а круг лиц, вовлекаемых в разбирательство, должен ограничиваться исключительно теми субъектами, которые заключили арбитражное соглашение.

Однако развитие современного коммерческого оборота, характеризующегося широким распространением сложных многосторонних договорных конструкций с участием значительного числа субъектов, связанных общим экономическим интересом, привело к ситуации, когда такая традиционная модель перестала отвечать потребностям практики. В таких условиях арбитражное соглашение может быть подписано лишь некоторыми участниками сложных отношений, тогда как иные лица, имеющие материально-правовую связь со спором, формально остаются за его пределами, что создает существенные препятствия для полноценного рассмотрения и разрешения спора в арбитраже и обеспечения реального исполнения выносимого арбитражного решения. Именно данное

противоречие между формальной конструкцией арбитражного соглашения и реальными потребностями современного оборота породило проблему участия в арбитражном разбирательстве лиц, не подписавших арбитражное соглашение (неподписантов).

В диссертационном исследовании обосновано, что участие неподписанта в арбитражном разбирательстве возможно в двух принципиально различных формах, каждая из которых порождает собственный тип правовых проблем и требует самостоятельных подходов к их разрешению.

Первая форма – вступление, при котором лицо самостоятельно инициирует свое участие в арбитражном разбирательстве либо добровольно соглашается на присоединение по ходатайству стороны арбитражного разбирательства. В данном случае воля лица на участие в арбитраже не вызывает сомнений, однако эта воля может не быть облечена в надлежащую форму, предусмотренную применимым законодательством. В этой связи возникает конфликт между содержанием арбитражного соглашения (согласием на арбитраж) и формой его выражения.

Вторая форма – привлечение, при котором лицо вовлекается в разбирательство по инициативе стороны в отсутствие прямо выраженного согласия такого лица. В данном случае проблема имеет принципиально иную правовую природу: отсутствует не только надлежащая форма арбитражного соглашения, но и само его содержание в классическом понимании, поскольку неподписант не выражает согласия на арбитраж и даже может активно возражать против своего привлечения к участию в арбитражном разбирательстве.

Для разрешения конфликта формы и содержания, возникающего при вступлении неподписанта в арбитражное разбирательство, в настоящем исследовании предложена концепция, основанная на деконструкции понятия «арбитражное соглашение». В его структуре выделяются два самостоятельных, но взаимосвязанных элемента: содержание – воля стороны,

выраженная в согласии на передачу спора в арбитраж, и форма фиксации этой воли. Анализ основных теорий правовой природы арбитража показывает, что при всех их различиях они сходятся в признании волевого акта сторон в качестве первичного основания для установления компетенции арбитров на рассмотрение и разрешение конкретного спора. Это единство позволяет обосновать иерархию в структурных элементах арбитражного соглашения: форма является производным средством верификации воли и не может подменять ее сущность. Если установлено, что лицо действительно выразило согласие на арбитраж (в том числе в форме, не соответствующей формальным требованиям, установленным в применимом законодательстве), дефект формы не должен служить непреодолимым препятствием для его участия в арбитражном разбирательстве. Данный вывод находит подтверждение как в трудах отечественных дореволюционных ученых, так и в современном нормативном регулировании и правоприменительной практике многих юрисдикций.

Принципиально иная ситуация складывается при привлечении, поскольку отсутствует не только форма, но и само содержание арбитражного соглашения в виде согласия на арбитраж в его классическом понимании. Однако для полноценного рассмотрения и разрешения спора и вынесения исполнимого арбитражного решения необходимо участие неподписанта, поскольку он является субъектом материального правоотношения, из которого возник спор. В этой связи в исследовании обосновано, что в таких случаях согласие на арбитраж применительно к неподписанту не выражается в его непосредственном волеизъявлении, а восполняется через объективную материально-правовую связанность обязательством, элементом которого выступает арбитражная оговорка. Связанность арбитражным соглашением производна от связанности материальным обязательством и устанавливается через объективные юридические факты: правопреемство, представительство, фактическое участие в правоотношении, контроль над стороной. Такие факты либо существуют, либо нет, их необходимо устанавливать в ходе

арбитражного разбирательства, и их установление восполняет отсутствие прямого волеизъявления неподписанта.

В практике международного коммерческого арбитража уже выработаны различные материально-правовые основания, позволяющие установить такую связанность: посредничество (агентирование и представительство), доктрина группы компаний, доктрина «альтер эго» (прокалывание корпоративной вуали), доктрина подразумеваемого согласия (*implied consent*), а также правопреемство (универсальное и сингулярное). Несмотря на различия в правовом регулировании указанных оснований в различных национальных правовых порядках, эти доктрины обнаруживают общую сущность: они служат инструментами выявления объективной материально-правовой связи неподписанта с обязательством, элементом которого является арбитражное соглашение.

Возможность или невозможность использования того или иного материально-правового основания в значительной степени зависит от конкретной юрисдикции. В проарбитражных правовых порядках подходы к привлечению неподписантов более либеральны, тогда как в юрисдикциях с сильными традициями договорного формализма подходы более консервативны. Российская практика, как показывают проанализированные примеры, движется в направлении признания возможности привлечения неподписантов, хотя и с определенными оговорками.

Для целей выработки эффективной процедуры привлечения неподписантов к участию в арбитражном разбирательстве в диссертационном исследовании предложена классификация материально-правовых оснований на бесспорные и оспоримые. Критерием классификации выступает объем деятельности по доказыванию, необходимый для установления связанности неподписанта арбитражным соглашением. К бесспорным основаниям относятся те, для которых установления связанности достаточно подтверждения объективного юридического факта, как правило, документально подтвержденного и не требующего развернутого исследования

обстоятельств дела и оценки поведения сторон. В первую очередь к таким основаниям относится правопреемство (универсальное и сингулярное), при котором переход обязательства из арбитражного соглашения следует из закона или договора и подтверждается формальными документами. К оспоримым основаниям относятся те, для которых установление связанности требует исследования совокупности фактических обстоятельств, оценки поведения сторон, анализа корпоративных связей, установления фактов контроля, дачи указаний, общего экономического интереса. К числу таких оснований относятся доктрина группы компаний, доктрина «альтер эго» (прокалывание корпоративной вуали), подразумеваемое согласие (implied consent) и иные основания, связанные с установлением множественности лиц на стороне обязательства. Данная классификация создает необходимые теоретические предпосылки для дифференциации процедуры установления компетенции арбитража в отношении неподписантов.

Анализ статистических данных ведущих арбитражных учреждений показал, что проблема участия неподписантов не является единичной или сугубо теоретической, а систематически возникает в практике различных юрисдикций, что подтверждает объективную необходимость разработки эффективных процессуальных механизмов. Участие неподписантов в арбитражном разбирательстве обеспечивает достижение трех основных функций: полноты (окончателности) разрешения спора (возможность вынесения единого решения по сложному материальному правоотношению, охватывающего всех его субъектов), исполнимости арбитражного решения (привлечение лиц, обладающих активами, достаточными для удовлетворения требований кредитора) и процессуальной экономии (предотвращение параллельных разбирательств и консолидация связанных споров в рамках одного производства). При этом однозначно определить, является ли во всех случаях привлечение неподписанта прямой предпосылкой для улучшения эффективности разбирательства, не представляется возможным, поскольку вовлечение дополнительных субъектов зачастую способствует увеличению

расходов на представительство и замедлению разбирательства. В связи с этим при обосновании тезиса о возрастании эффективности необходимо учитывать компенсаторный характер указанных издержек.

На основе критического осмысления доктринальных подходов сформулировано определение лица, не подписавшего арбитражное соглашение (неподписанта), но участвующего в арбитражном разбирательстве. Это субъект, не имеющий формального статуса стороны арбитражного соглашения, но признанный составом арбитража или компетентным органом арбитражного учреждения в качестве участника арбитражного разбирательства на основании установленной материально-правовой связанности обязательством из арбитражного соглашения (при привлечении) или выраженного волеизъявления такого лица на участие в арбитражном разбирательстве (при вступлении). В структуре данного определения выделены три конститутивных признака: формальный (отсутствие формальной подписи под арбитражным соглашением), материальный (наличие основания для признания лица участником: выраженное волеизъявление либо установленная материально-правовая связанность) и процессуальный (приобретение статуса участника арбитражного разбирательства).

В проведенном исследовании также установлено, что неподписант не является самостоятельным процессуальным статусом среди участников арбитражного разбирательства, а представляет собой особое основание легитимации уже известных участников – сторон (истца или ответчика). В отличие от цивилистического процесса, где третьи лица являются самостоятельной процессуальной фигурой и могут быть привлечены к участию в деле независимо от их согласия, в арбитраже институт третьего лица не может быть использован.

При этом неподписант всегда участвует в третейском разбирательстве в режиме процессуального соучастия, никогда не выступая в качестве единственного истца или единственного ответчика. Условия соучастия в

арбитраже с участием неподписанта являются более строгими, чем в гражданском процессе: наличие арбитражного соглашения у подписанта на соответствующей стороне, единство материального правоотношения между подписантом и неподписантом (или его производность), установленная материально-правовая связанность неподписанта (при привлечении), *prima facie* компетенция состава арбитража в отношении неподписанта, единство предмета спора или связанность требований в материально-правовом отношении. Условие однородности прав и обязанностей, допустимое в гражданском процессе, не применимо в арбитраже, поскольку однородные требования, не связанные единством правоотношения, не позволяют установить материально-правовую связанность, необходимую для восполнения отсутствия прямого согласия на арбитраж.

Конкретный процессуальный статус неподписанта при привлечении находится в прямой зависимости от установленного материально-правового основания связанности.

Процедура вступления и применения бесспорного основания привлечения неподписанта к разбирательству должна строиться по модели предварительного решения арбитражным учреждением решения о допуске неподписанта к разбирательству в порядке *prima facie* с последующим решением арбитрами вопроса о наличии компетенции. В случае привлечения и применения оспоримых оснований – вопрос о наличии компетенции на рассмотрение спора с участием неподписанта должен рассматриваться исключительно арбитрами.

Анализ правил ведущих арбитражных учреждений (ICC, LCIA, SCC, МКАС при ТПП РФ, РАЦ) показывает, что отдельные элементы предлагаемой дифференцированной модели уже находят отражение в практике, однако ни один из существующих регламентов не предлагает комплексного решения, учитывающего тип материально-правового основания как критерий дифференциации процедуры.

Предложенная в настоящем исследовании модель может рассматриваться в качестве ориентира для дальнейшего совершенствования правил арбитражных учреждений и законодательства об арбитраже.

На основе проведенного исследования могут быть сформулированы следующие практические рекомендации.

При разработке и совершенствовании правил арбитражных учреждений предлагается закрепить дифференцированный подход к участию неподписантов в арбитражном разбирательстве в зависимости от формы их участия в нем, предусмотрев три возможных сценария:

- 1) упрощенную процедуру допуска с участием арбитражного учреждения на стадии возбуждения третейского разбирательства – для вступления и использования бесспорных оснований неподписанта; и
- 2) самостоятельную стадию с решением исключительно сформированным составом арбитража – для привлечения в силу оспоримых материально-правовых оснований.

Подводя итог, возможность участия лиц, не подписавших арбитражное соглашение, в третейском разбирательстве не является отклонением от консенсуальной природы арбитража, а представляет собой закономерный результат его эволюции в условиях усложнения экономических связей, появления многосубъектных договорных конструкций и увеличения числа участников коммерческих отношений. Проведенное исследование позволяет утверждать, что участие неподписантов, будь то вступление или привлечение, не нарушает консенсуальные основы арбитража, а напротив является их последовательной реализацией, поскольку в основе обеих форм лежит согласие на арбитраж: в первом случае – непосредственно выраженное самим лицом, не подписавшим арбитражное соглашение, а во втором – восполненное через объективную материально-правовую связанность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2.
5. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8.
7. Arbitration Act 1996 // UK Public General Acts. – 1996. – с. 23.
8. Swiss Private International Law Act of 18 December 1987.
9. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г. с поправками 2006 г.).

Материалы судебной и арбитражной практики

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. – 2019. – 27 дек. – № 293.

2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Российская газета. – 2020. – № 147 (7 июля).
4. Определение Верховного Суда РФ от 25.02.2021 по делу № А40-264409/19.
5. Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2017 по делу № 305-ЭС16-19572, А40-147645/2015.
6. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2019 по делу № А40-264409/2019.
7. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 21.08.2020 по делу № А40-264409/19.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.09.2019 по делу № А40-264409/2019.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2013 по делу № А40-41781/13-69-197.
10. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018).
11. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2013 по делу № А40-41781/13-69-197.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.09.2013 по делу № А40-41781/13-69-19.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2017 № Ф05-10896/2017 по делу № А40-13241/17 .
14. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 02.11.2022 по делу № А40-10824/22.

15. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.10.2006 № Ф08-5260/2006 по делу № А32-11102/2006-62/381ТР).
16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.10.2025 по делу № А60-63977/2024.
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2024 по делу № А40-180427/2019.
18. Определение Замоскворецкого районного суда г. Москвы о принятии обеспечительных мер от 01 августа 2025 г. по делу № 13-1256/2025 // Официальный сайт Замоскворецкого районного суда г. Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil-exec/details/4aab4160-6e03-11f0-aa12-37fce23e691d>.
19. Апелляционное определение Московского городского суда от 29 апреля 2026 года по делу № 33-16033/2026 // Официальный сайт Московского городского суда. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/faaa2650-2783-11f1-9a17-4fc5f8e4d902>.
20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2023 по делу № А40-10824/2022.
21. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 24.11.2020 по делу № А60-369.
22. Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 11.12.2023 по делу № А07-32862/2022.
23. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.05.2024 по делу № А07-32862/2022.
24. Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2024 № 309-ЭС23-16287 по делу № А07-32862/2022.
25. Compagnie de Navigation et Transports S.A. v. MSC (Mediterranean Shipping Company) S.A. (Swiss Federal Tribunal, 16 January 1995) // Yearbook Commercial Arbitration. – 1996. – Vol. XXI.

26. Constitutional Court of Belgium (Grondwettelijk Hof / Cour Constitutionnelle), Judgment No. 21/2017 of 16 February 2017, Rolnummer 6362 // Etaamb – Openbare bekendmaking van wetten, decreten, besluiten en andere akten. – URL: https://etaamb.openjustice.be/nl/arrest_n2017201559.
27. Cour de cassation de Belgique, arrêt du 29 janvier 1993 // Pasicrisie belge (Pas.). – 1993. – I. – P. 582.
28. Coastal Steel Corp. v. Tilghman Wheelabrator Ltd., 709 F.2d 190 (3d Cir. 1983).
29. Dow Chemical v. Isover Saint Gobain, ICC Case No. 4131, Interim Award of 23 September 1982 // Journal du droit international (Clunet). – 1983. – P. 899–905.
30. Bidas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).
31. VTB Capital plc v. Nutritek International Corp. and others, [2013] UKSC 5.
32. LCIA Final Award in Case No. 101721, Vitaly Ivanovich Smagin v. Kalken Holdings Limited and Ashot Yegiazaryan, 11 November 2014 // Transnational Dispute Management. – URL: <https://www.transnational-dispute-management.com/legal-and-regulatory-detail.asp?key=32223>.
33. LCIA Interim Award on Jurisdiction in Case No. 101721, Vitaly Ivanovich Smagin v. Kalken Holdings Limited and Ashot Yegiazaryan, 14 February 2012 // Transnational Dispute Management. – URL: <https://www.transnational-dispute-management.com/legal-and-regulatory-detail.asp?key=32223>.
34. Yegiazaryan v. Vitaly Ivanovich Smagin [2016] EWCA Civ 1290 (19 December 2016).
35. A v B [2015] EWHC 1944 (Comm) (9 July 2015).
36. Compagnie de Navigation et Transports SA v. MSC Mediterranean Shipping Company SA, Swiss Federal Tribunal, BGE 121 III 38, 16 January 1995.
37. ICC Case No. 26285/GR, RAOS Project Oy and JSC Rusatom Energy International (JSC REIN) v. Fennovoima Oy and Outokumpu Corporation, Decision on Jurisdiction on Claims Against Outokumpu Corporation, 14 February 2025.
38. Paris Court of Appeal, 21 October 1983, Societe Isover-Saint-Gobain v. Societes Dow Chemical France et autres.

39. Enka Insaat ve Sanayi AS v. OOO Insurance Company Chubb [2020] UKSC.
40. Cox and Kings Limited v. SAP India Private Limited (India Supreme Court).
41. Norway, Halogaland Court of Appeal, 16 August 1999 // Stockholm Arbitration Report. – 1999. – Vol. 2. – P. 121.
42. Germany, Higher Regional Court of Celle, 4 September 2003, Case No. 8 Sch 11/02 // SchiedsVZ. – 2004. – S. 165–168.
43. Sen Mar, Inc. v. Tiger Petroleum Corp., 774 F. Supp. 879 (S.D.N.Y. 1991).
44. Javor v. Francoeur, [2003] 13 B.C.L.R. (4th) 195 (B.C.S.C.), confirmed [2004] B.C.J. No. 448 (B.C.C.A.).

Научная литература

1. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 319 с.
2. Авраменко М.А. Согласие на арбитраж: проблема соотношения формы арбитражного соглашения и волеизъявления сторон // Законодательство. – 2024. – № 8. – С. 29–34.
3. Авраменко М.А. Привлечение лица, не подписавшего арбитражное соглашение, к арбитражному разбирательству - вопросы установления компетенции арбитража // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2026. № 1. – С. 65 - 74.
4. Авраменко М.А. Процедура привлечения лица, не подписавшего арбитражную оговорку, к арбитражному разбирательству // Евразийский журнал. – 2025. – № 8. – С. 74 – 77.
5. Авраменко М.А. Цели и задачи, обеспечиваемые привлечением к разбирательству лиц, не подписавших арбитражную оговорку // Евразийский журнал. – 2026. – № 4. – С. 262 – 266.
6. Аргунов В.В. Судебное познание и доказывание по делам особого производства // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 307–348.

7. Аргунов В.Н. Третьи лица в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1980. – 22 с.
8. Байбак В.В., Ильин А.В., Карапетов А.Г., Павлов А.А., Сарбаш С.В. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 3.
9. Бекашева Д.И. Подготовка дела к судебному разбирательству и ее значение на современном этапе развития гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 190 с.
10. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV: Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – 235 с.
11. Борисова Е.А. Теоретические вопросы развития альтернативного разрешения споров (АРС) в России // Законы России. 2022. – N 8. – С. 44 – 50.
12. Борисова Е.А. Проблемы реализации права на судебную защиту в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. – N 1. – С. 25 - 48.
13. Борисова Е.А. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и вызовы времени // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Монография / Отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут, 2023. С. 140 - 152.
14. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 368 с.
15. Брун М.И. Третейский суд и его соглашение // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – № 7. – С. 45–48.

- 16.Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 80–125.
- 17.Ванеев А.С., Дякин Д.Б. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2010. – № 1. – С. 39.
- 18.Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства // Викут М.А. Избранные труды: 60 лет научно-педагогической деятельности. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – С. 14–15.
- 19.Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение. – М., 1856. // Третейский суд. – 1999. – № 2/3, 4/6; 2000. – № 1, 3, 6.
- 20.Волков А.Ф. Курс русского гражданского процесса. – СПб.: Издание юридического книжного склада «Право», 1913. – 350 с.
- 21.Волков А.Ф. Торговые третейские суды. Историко-догматическое исследование. – СПб.: Тип. Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. – 292 с.
- 22.Гражданский процесс: учебник / под ред. В.В. Молчанова. – М.: Статут, 2025. – 480 с.
- 23.Грубцова С.П. Множественность лиц в цивилистическом процессе и арбитраже: основные модели // Третейский суд. – 2021. – № 2. – С. 118–124.
- 24.Гребельский А.В. Эксперты, назначенные составом арбитража // Третейский суд. – 2015. – № 6. – С. 100–110.
- 25.Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. – 190 с.
- 26.Гурвич М.А. Право на иск. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 216 с.
- 27.Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и

- мировое соглашения / Н.Г. Елисеев, М.А. Рожкова, О.Ю. Скворцов; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – 528 с.
- 28.Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.
- 29.Ильин А.В. Процессуальное сингулярное правопреемство и дух времени // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2025. – № 1. – С. 23–35.
- 30.Кайсин Д.В., Калиш Я.В. Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 12. – С. 37–42.
- 31.Калинин М.С. Действие арбитражного соглашения в отношении лиц, которые его не подписывали // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 3: Сб. ст. / Под ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. 225–241.
- 32.Карабельников Б.Р. Третьи лица и третейский суд: российские проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.ru/uploads/files/Tretji-litsa-i-tretejskij-sud-rossijskie-problemy-Karabelnikov-B-R.pdf>.
- 33.Кейлин А.Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 3: Арбитраж. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 120 с.
- 34.Кипаренко А.Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 230–257.
- 35.Коломиец А.И. Арбитражное соглашение: проблемы формы и действительности // Третейский суд. – 2016. – № 3. – С. 30–40.
- 36.Коломиец А.И. Перспективы современного толкования требований к письменной форме арбитражного соглашения // Право и экономика. – 2011. – № 9. – С. 75–79.

37. Краузе А.А. Замена ненадлежащего ответчика в гражданском процессе: проблемы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 4. – С. 25–32.
38. Кудрявцева Е.В., Курочкин С.А. Актуальные проблемы российского арбитража // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 2. – С. 11–38.
39. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 456 с.
40. Курочкин С.А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство. – М., 2013. – С. 10–16.
41. Курылев С.В. Законная сила судебного решения. – М.: Госюриздат, 1957. – 120 с.
42. Логинов П.В. Предварительная подготовка гражданских дел к слушанию в суде. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 80 с.
43. Лукьянова И.Н. Доверие к арбитражу в дистанционных слушаниях // Третейский суд. 2022. N 1. С. 111 - 115.
44. Лунаева Т.А., Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. (ред.). Международный коммерческий арбитраж: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: журнал «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. – Вып. 9. – 500 с.
45. Лысов С.В. Участие в арбитражном разбирательстве лиц, не являющихся подписантами арбитражного соглашения // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2015. – № 1. – С. 29–42.
46. Международный коммерческий арбитраж. Комментарий законодательства: Постатейный научно-практический комментарий к Закону РФ «О международном коммерческом арбитраже» / Под ред. А.С. Комарова, С.Н. Лебедева, В.А. Мусина; сост. Г.В. Севастьянов. – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд», 2007. – Вып. 2. – 200 с.
47. Михайлова Е.В. О правосудии по гражданским делам // Российская юстиция. – 2025. – № 8. – С. 17–24.

48. Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учебное пособие. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. – 120 с.
49. Молчанов В.В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 140–158.
50. Монченко О.В. ЕРС и ЕРСМ: выбор оптимальной контрактной формы // Право и экономика. – 2021. – № 7. – С. 52–56.
51. Муранов А.И. Комментарий к Определению Арбитражного суда г. Москвы от 26 февраля 2021 г. по делу № А40-4463/2020-52-12 // Третейский суд. – 2021. – № 1. – С. 17–33.
52. Мусин В.А. Третьи лица в третейском суде // Арбитражные споры. – 2008. – № 3. – С. 145–154.
53. Налетов К.И. Лица, не подписавшие арбитражное соглашение: проблемы теории и практики // Третейский суд. – 2018. – № 2. – С. 42–55.
54. Нарышкина А.В., Дементеева И.И. Замена ненадлежащей стороны в советском гражданском процессе // Правоведение. – 1974. – № 3. – С. 42–48.
55. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1904. – 450 с.
56. Нешатаева Т.Н. О праве третьих лиц на оспаривание решения третейского суда по мотиву отсутствия юрисдикции // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 9. – С. 4–19.
57. Николаева З.Е. К вопросу о роли экспертов при разрешении строительных споров: сквозь призму отечественного и международного опыта // Проблемы строительного права: сборник статей / сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. – М.: Статут, 2024. – Вып. 3.
58. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: Дисс. ...докт.юрид. наук. М., 2001.

59. Носырева Е.И. Арбитражное соглашение: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. – 2002. – № 10. – С. 85–87.
60. Носырева Е.И. Особенности мирного урегулирования споров в третейском разбирательстве // Закон. 2023. – № 4. – С. 48–56.
61. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Норма, 2013. – 350 с.
62. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» // Третейский суд. – 2003. – № 2. – С. 5–50.
63. Пучинский В.К. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 100 с.
64. Решетникова И.В. Предмет науки гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 3. – С. 27–46.
65. Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алиэскеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. – М.: Статут, 2023. – 480 с.
66. Русакова Е.П., Йонг Домингес Э.Х. Распространение арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны: уроки сравнительного права // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 144–154.
67. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 500 с.
68. Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. – 449 с.
69. Скворцов О.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации». – М.: ТК Велби, 2003. – 320 с.
70. Скворцов О.Ю. Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов // Третейский суд. – 2023. – № 1/2 (133/134). – С. 60–70.

- 71.Скуратовский М.Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 150 с.
- 72.Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 225 с.
- 73.Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2005. – 288 с.
- 74.Фокина М.А. Лица, участвующих в деле, как субъекты гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 5. – С. 10–16.
- 75.Хоцанов Д.А. Арбитражное соглашение и его неподписанты: некоторые общие замечания // Коммерческий арбитраж. – 2022. – № 1(8). – С. 76–87.
- 76.Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. – М.: Госюриздат, 1960. – 120 с.
- 77.Шакарян М.С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация // Труды ВЮЗИ. Т. XVII. – М., 1971. – С. 70–165.
- 78.Шевелев А.Ю., Шевелев Г.Ю. Верховенство согласия: отечественный взгляд на соотношение материального правопреемства и перехода арбитражной оговорки через призму компаративного восприятия // Третейский суд. – 2022. – № 2/3. – С. 204–265.
- 79.Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права. Вопросы теории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 120 с.
- 80.Шиткина И.С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С. 3–26.
- 81.Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – 650 с.
- 82.Юдин А.В. Искусственное создание и изменение подсудности как форма злоупотребления процессуальными правами // Хозяйство и право. – 2007. – № 1. – С. 102–109.

- 83.Юдин А.В. Проблемы процессуального правопреемства, имеющего основанием уступку требования (цессию), в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 12. – С. 26–30.
- 84.Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: учебник. – М.: Госюриздат, 1956. – 350 с.
- 85.Ağaoğlu C. Arbitration in Merger and Acquisition Transactions: Problem of Consent in Parallel Proceedings and in the Transfer of Arbitration Agreements in Merger and Acquisition Arbitration. – Ankara: Seçkin Yayıncılık, 2016. – 303 p.
- 86.Arda A. Arbitration Clauses and Third Parties. – New York: Informa Law from Routledge, 2024. – 290 p. – (Lloyd’s Arbitration Law Library).
- 87.Barraclough A., Waincymer J. Mandatory Rules of Law in International Commercial Arbitration [Электронный ресурс] // Melbourne Journal of International Law. – 2005. – Vol. 6. – Режим доступа: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/Melb-JIL/2005/9.html>.
- 88.Bennet T. Court Consolidates Arbitration Proceedings Without Consent of Parties [Электронный ресурс] // Kluwer Arbitration Blog. – 2024. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c5c28365-abfe-476a-92a1-d14a36e27042>.
- 89.Born G. International Commercial Arbitration. – 3rd ed. – The Hague: Kluwer Law International, 2021. – 4512 p.
- 90.Brekoulakis S. Third Parties in International Commercial Arbitration. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 350 p.
- 91.Brekoulakis S. The Relevance of the Interests of Non-Signatories to the Validity of an Arbitration Agreement // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. – 2008. – Vol. 74. – No. 2. – P. 152–160.
- 92.Brekoulakis S. Rethinking Consent in International Commercial Arbitration: A General Theory for Non-signatories // Journal of International Arbitration. – 2017. – Vol. 34. – No. 6. – P. 967–1004.

93. Cappelletti M., Garth B. (ed.). Access to Justice and the Welfare State. – Alphen: Sijthoff, 1981. – Vol. 4. – 450 p.
94. Chauhan H. Impleading of Non-Parties in Arbitration Proceedings [Электронный ресурс] // SSRN. – 2016. – 8 Apr. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2761118>.
95. Coyle J.F., Efron R.J. Forum Selection Clauses, Non-signatories, and Personal Jurisdiction // Notre Dame Law Review. – 2021. – Vol. 97. – Iss. 1. – P. 187–234.
96. Damodaran P. Consolidation of Arbitration Without Parties' Consent: A Threat to Party Autonomy? [Электронный ресурс] // SSRN. – 28 July 2020. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3662152>.
97. Faasseome M.S. Protecting Social Rights Using the Amicus Curiae Procedure in Investment Arbitration: A smokescreen against third parties? [Электронный ресурс] // Investment Treaty News. – International Institute for Sustainable Development. – 2021. – 6 Oct. – Режим доступа: <https://www.iisd.org/itn/en/2021/10/06/protecting-social-rights-using-the-amicus-curiae-procedure-in-investment-arbitration-a-smokescreen-against-third-parties/>.
98. Fouchard, Gaillard, Goldman. On International Commercial Arbitration. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – 1056 p.
99. Gaillard E. Legal Theory of International Arbitration. – The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. – 200 p.
100. Habegger P. The Revised Swiss Rules of International Arbitration. Innovations // ASA Bulletin. – 2012. – No. 2. – P. 275–290.
101. Hanotiau B. Complex Arbitrations: Multiparty, Multicontract, Multi-issue and Class Actions. – The Hague: Kluwer Law International, 2006. – 392 p.
102. Hanotiau B. Complex Arbitrations: multi-party, multi-contract and multi-issue: a comparative study. – 2nd ed. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2020. – 610 p.

103. Hanotiau B. Consent to Arbitration: Do We Share a Common Vision? // *Arbitration International*. – 2011. – Vol. 27. – No. 4. – P. 539–554.
104. Hosking J.M. The Third Party Non-Signatory's Ability to Compel International Commercial Arbitration: Doing Justice Without Destroying Consent // *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*. – 2004. – Vol. 4. – No. 3. – P. 475–550.
105. Lew J., Mistelis L., Kröll S. *Comparative International Commercial Arbitration*. – The Hague: Kluwer Law International, 2003. – 800 p.
106. Mann F.A. Private Arbitration and Public Policy // *Arbitration International*. – 1985. – Vol. 1. – No. 1. – P. 8–12.
107. Meshel T. Of International Commercial Arbitration, Non-Signatories, and American Federalism: The Case for a Federal Equitable Estoppel Rule // *Stanford Journal of International Law*. – 2020. – Vol. 56. – No. 2. – P. 123–152.
108. Meier A., Setz A.L. Arbitration Clauses in Third Party Beneficiary Contracts – Who May and Who Must Arbitrate? // *ASA Bulletin*. – 2016. – Vol. 34. – No. 1. – P. 62–77.
109. Mráz M. Extension of an Arbitration Agreement to Non-Signatories: Some Reflections on Swiss Judicial Practice // *Annals of the Faculty of Law in Belgrade*. – 2009. – Vol. 57. – No. 3. – P. 54–63.
110. Park W.W. Non-Signatories and International Contracts: An Arbitrator's Dilemma // *Multiple Party Actions in International Arbitration* / ed. by B. Macmahon. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 3–34.
111. Pavic V. «Non-Signatories» and the Long Arm of Arbitral Jurisdiction // *Resolving International Conflicts: Liber Amicorum Tibor Várady* / ed. by P. Hay, L. Vékás, Y. Elkana, N. Dimitrijevic. – Budapest; New York: Central European University Press, 2009. – P. 213–230.
112. Redfern A., Hunter M. *Redfern and Hunter on International Arbitration*. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 848 p.
113. Rhodes-Vivour A. The Amicus Curiae and Arbitration // *Law Digest*. – 2019. – Issue 19 (Winter). – P. 38.

114. Romero E.S. Non-Signatories and International Arbitration: Consent and Its Implications // *American Review of International Arbitration*. – 2015. – Vol. 26. – No. 2. – P. 210–230.
115. Rubino-Sammartano M. *International Arbitration Law and Practice*. – 3rd ed. – Huntington: Juris Publishing, 2014. – 800 p.
116. Schwenzer I., Mohs F. Arbitration Clauses in Chains of Contracts // *ASA Bulletin*. – 2009. – Vol. 27. – No. 2. – P. 213–235.
117. Sharma A., Bansal M. Joinder of Non-Signatories in Arbitration: Resolving the Enigma [Электронный ресурс] // *Chambers and Partners*. – Режим доступа: <https://chambers.com/articles/joinder-of-non-signatories-in-arbitration-resolving-the-enigma>.
118. Smith G. A Comparative Analysis of Joinder and Consolidation Provisions under Leading Arbitral Rules // *Journal of International Arbitration*. – 2018. – Vol. 35. – No. 2. – P. 173–202.
119. Uzelac A. (In)Arbitrability and Exclusive Jurisdiction: Parallels that Matter in International Arbitration and International Commercial Law // *Synergy, Convergence and Evolution*. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2011. – P. 450–460.
120. Van Fleet A., Van Fleet G.A., Corroero M.A. Joining Nonsignatories to an Arbitration in the US [Электронный ресурс] / *Practical Law Litigation, Practical Law Arbitration* // Thomson Reuters. – 2020. – Режим доступа: <https://www.clearygottlieb.com/-/media/files/nyaw-2020/practical-law-joining-nonsignatories-to-an-arbitration-in-the-us-w0113186-pdf.pdf>.
121. Van Fleet A. Implied Consent in International Arbitration: The Non-Signatory's Dilemma // *Journal of International Arbitration*. – 2012. – Vol. 29. – No. 2. – P. 185–205.
122. Voser N. Multi-Party Disputes and Joinder of Third Parties // *Fifty Years of the New York Convention: ICC International Arbitration Conference: 14 ICCA Congress Series* / ed. A.J. van den Berg. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2009. – P. 343–410.

123. Waincymer J. Procedure and Evidence in International Arbitration. – The Hague: Kluwer Law International, 2012. – 1472 p.
124. Wang G. Consent in Investor–State Arbitration: A Critical Analysis // Chinese Journal of International Law. – 2014. – Vol. 13. – No. 2. – P. 335–361.
125. Woolhouse S.P. Group of Companies Doctrine and English Arbitration Law // Arbitration International. – 2004. – Vol. 20. – No. 4. – P. 435–445.
126. Zelko A. Two’s Company, Three’s a Crowd: An Exploration of Non-Signatory Parties’ Ability to Bring an Action Under Arbitration and its Impact on International Commercial Arbitration [Электронный ресурс] // Arbitration Law Review. – 2024. – Vol. 15. – Режим доступа: <https://insight.dickinsonlaw.psu.edu/arbitrationlawreview/vol15/iss1/11/>.